

НАТАША ПРЕСТОН

Автор бестселлеров по версии The New York Times

ПОДВАЛ

18+

Срезанный цветок обречен на увядание

Роман-сенсация – более 22 миллионов читателей на Wattpad!

Annotation

Лонг-Торп живет скучной жизнью провинциального городка, пока внезапное исчезновение шестнадцатилетней Саммер Робисон не вносит хаос в его размеренное существование. На поиски девушки брошены все силы: полиция и горожане день за днем прочесывают Лонг-Торп и окрестности. Но таинственный похититель не оставил ни единой зацепки, и шансы найти ее живой с каждым днем все меньше. В то время как парень Саммер, Льюис, не оставляет попыток ее отыскать, девушку насильно удерживает незнакомец, который таким странным способом хочет обрести семью и, по его собственным словам, – сделать ее жизнь лучше. И на пути к своей цели не остановится ни перед чем. Сколько человек должно погибнуть, чтобы воплотить фантазии безумца? И какую цену заплатит Саммер, если откажется играть предложенную роль?

- [Наташа Престон](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [Слова признательности](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Наташа Престон

Подвал

Моему жениху Джозефу

1

Саммер

Суббота, 24 июля (настоящее время)

Я посмотрела в окно спальни: еще один унылый день английского лета. Июль, но из-за тяжелых облаков на улице совсем сумрачно. Хотя даже это не могло меня огорчить. Я собиралась на вечеринку по случаю окончания учебного года – там будет выступать школьная группа, и я настроилась повеселиться.

– Эй, во сколько уходишь? – Льюис вошел, как всегда, без стука и сел на кровать. Да и зачем церемонии, мы ведь вместе уже больше года. Правда, иногда я скучаю по тем временам, когда он стеснялся сообщать мне по телефону, что ему надо в туалет, или собирал грязное белье до моего прихода. Мама права: чем дольше ты с мужчиной, тем больше он себе позволяет. Но я не хотела перевоспитывать Льюиса. Надо принимать любимого таким, какой он есть, поэтому я смирилась с его неряшливостью.

Я пожалала плечами и взглянула в зеркало. Волосы у меня тонкие, тусклые и вечно выглядят не так, как надо. Даже не получается по-модному их взлохматить, хотя женские журналы пишут, что «пошаговое создание прически а-ля только что из постели» – это совсем просто.

– Через минуту, – ответила я Льюису. – Скажи только, как я выгляжу?

Уверенность в себе – вот что самое привлекательное в человеке. А если ее нет? Невозможно сыграть ее так, чтобы тебя не раскусили. Я не красотка модель и не соблазнительная девушка из «Плейбоя», и нельзя сказать, что уверенности в себе у меня хоть отбавляй. В сущности, мне ужасно повезло с Льюисом: он как будто не замечает, что я совершенно обычная девушка.

Он усмехнулся и закатил глаза, как бы говоря: ну, пошло-поехало, опять та же песня. Поначалу мои комплексы его раздражали, но теперь, по моему, только забавляют.

– Между прочим, я тебя вижу, – я недовольно взглянула на его отражение в зеркале.

– Прекрасно выглядишь. Как и всегда, – ответил он. – Может, все-таки подвезти тебя?

Я вздохнула. Опять он за свое. Клуб, где должна состояться

вечеринка, едва ли в двух минутах от нашего дома. Я столько раз туда ходила, что добралась бы и с завязанными глазами.

– Нет, спасибо. Лучше пройдуся. А ты когда выезжаешь?

Он пожал плечами и поджал губы – это его выражение лица мне очень нравилось.

– Как только твой ленивый братец соберется. Ты не передумала? Мы можем подбросить тебя по дороге.

– Нет-нет, не надо, серьезно! Я выхожу прямо сейчас, а ты, если будешь ждать Генри, выедешь еще нескоро.

– Не ходила бы ты одна по вечерам, Сам.

Я снова вздохнула, на этот раз глубже, и бросила щетку для волос на полку у зеркала.

– Льюис, я хожу одна много лет! Каждый день в школу и обратно. И то же самое будет в следующем учебном году! Эти ноги, – я шлепнула себя по бедрам, – еще хоть куда!

Он перевел взгляд на мои ноги, и его голубые глаза загорелись.

– Это точно...

Я улыбнулась, толкнула его обратно на кровать и села к нему на колени.

– Давай-ка ты прекратишь изображать парня, чрезвычайно озабоченного моей безопасностью. Лучше поцелуй меня, – Льюис усмехнулся, и наши губы встретились.

Мы встречаемся уже полтора года, но от его поцелуев у меня до сих пор замирает сердце. Я обратила на него внимание еще совсем девочкой, в одиннадцать лет. Вместе с моим старшим братом Генри он заходил к нам каждую неделю и оставался, пока его мама не возвращалась с работы. Тогда я считала это всего лишь глупой влюбленностью – в то время я была влюблена еще и в рэпера Ашера – и не придавала ей большого значения. Но прошло четыре года, при встрече с Льюисом меня все так же бросало в дрожь, и я поняла: кажется, это серьезно.

– Фу, какие вы оба гадкие, – послышался низкий насмешливый голос.

Я мигом отстранилась от Льюиса и сердито уставилась на вошедшего в комнату брата.

– Заткнись, Генри!

– Заткнись, Саммер, – парировал он.

– Невозможно поверить, что тебе восемнадцать.

– Заткнись, Саммер, – повторил он.

– Как бы там ни было, я ухожу, – я легонько оттолкнула Льюиса, поцеловала его напоследок и выскользнула из комнаты.

– Идиотка, – пробормотал Генри.

«Инфантильный дурак», – подумала я. На самом деле мы с ним ладим – большей частью. Да что там: о лучшем старшем брате нельзя и мечтать. Но иногда он ужасно меня бесит. Не сомневаюсь, пока мы живы, так и будем ругаться.

– Саммер, ты уже уходишь на вечеринку? – крикнула мама из кухни.

Нет, просто открыла дверь шутки ради!

– Да, мама, уже ухожу.

– Будь осторожна, милая, – предупредил отец.

– Конечно. Пока, – ответила я и торопливо, пока не успели остановить, вынырнула за дверь. Дома ко мне относились так, будто я учусь в начальной школе и не могу ходить по улице одна. Хотя наш городок, наверное, – да нет, точно – самое скучное место на земле. Здесь никогда не происходит ничего интересного.

Самое волнующее событие случилось два года назад: пропала старая миссис Хеллманн – фамилия как название известной марки майонеза. И уже через несколько часов нашлась на овечьем пастбище. Она там искала покойного мужа, пока весь город разыскивал ее. До сих пор помню, как все воодушевились: наконец хоть что-то произошло!

По знакомой улице я направилась к началу тропинки, ведущей вдоль кладбища. Это единственный участок дороги, где я не люблю ходить в одиночку. Кладбище. Здесь и правда страшновато, особенно если никого нет рядом. Я озиралась, стараясь, чтобы со стороны это было незаметно. Кладбище осталось позади, но мне почему-то все еще было не по себе. Мы переехали в этот район, когда мне было пять, и я всегда чувствовала себя здесь в безопасности. Детство прошло в играх со сверстниками на улице, а повзрослев, я проводила время в парке или в клубе. Я знала город и здешних жителей как свои пять пальцев, но кладбище всегда наводило на меня страх.

Запахнув поплотнее куртку, я прибавила шаг. Клуб уже за следующим поворотом. С опаской я снова оглянулась через плечо и ахнула: из-за живой изгороди вышел человек.

– Извини, дорогая, я тебя напугал?

Это же старый Гарольд Дейн. Я вздохнула с облегчением и помотала головой:

– Нет-нет, все в порядке.

Старик поднял увесистый черный мешок и, крякнув, как штангист, швырнул его в мусорный бак. Лицо Дейна покрывали морщины и складки обвисшей кожи. Он был очень худой и, казалось, сломается пополам, если

согнется.

– Идешь на танцы?

Странное слово меня рассмешило. Танцы! Ха-ха! Видимо, так это называлось в юности Дейна.

– Да. Встречаюсь там с друзьями.

– Ну, хорошего тебе вечера, но смотри, что пьешь. Никогда не знаешь, чего ждать от нынешних парней. Мало ли что могут подсыпать в бокал симпатичной девушке, – сказал он так серьезно, как будто речь шла о скандалах года и каждый парень-подросток непременно должен был изнасиловать девушку на свидании.

Я рассмеялась и помахала ему.

– Буду осторожна. Приятного вам вечера.

– И тебе приятного вечера, дорогая.

От дома Гарольда до клуба рукой подать. У входа я наконец расслабилась. Из-за предостережений родителей и Льюиса я начала пугаться каждого шороха – глупость какая-то! Уже возле двери кто-то схватил меня сзади за локоть, и я, вздрогнув от страха, обернулась. Это была моя подруга Керри: смотрит и смеется над моим испугом. *Да уж. Очень смешно.*

– Ну прости, – сказала она наконец. – Ты Рейчел не видела?

Передо мной стоял не Фредди Крюгер и даже не героиня фильма «Крик». Участвовавшее сердцебиение постепенно возвращалось к норме.

– Я еще никого не видела, только пришла.

– Черт! Она убежала после очередной ссоры со своим придурком, и телефон выключен!

Ну вот опять. Рейчел то сходилась, то расходилась со своим парнем, Джеком. Я никогда этого не понимала. Если вы почти все время выводите друг друга из себя, может, стоит перестать встречаться?

– Надо ее найти.

Зачем? Я шла сюда повеселиться с друзьями, а не искать девчонку, которой давно пора бросить своего явно неподходящего парня. Вздохнув, я смирилась с неизбежным.

– Ладно. Куда она пошла?

Керри уныло посмотрела на меня.

– Если бы я знала, Саммер...

Я вздохнула и потянула ее за руку к дороге.

– Ну хорошо. Я пойду налево, ты – направо.

Керри махнула мне на прощание и повернула направо. С улыбкой проводив ее взглядом, я двинулась влево. Хорошо бы Рейчел оказалась

неподалеку.

Я пересекла поле для спортивных игр, направляясь к калитке в дальней его части: хотела убедиться, что Рейчел не пошла к дому короткой дорогой. Стало прохладней, и, чтобы согреть руки, я терла ладони друг о друга. По словам Керри, телефон у Рейчел выключен, но я попробовала позвонить и, естественно, попала на автоответчик. Если она не хочет ни с кем разговаривать, тогда зачем мы ее ищем?

Я оставила неуклюжее голосовое сообщение – терпеть их не могу – и прошла через калитку к пандусу, где обычно тренировались роллеры. Рваные облака неслись по небу, стягиваясь в серый круг. Легкий прохладный ветер дул навстречу, бросая мне в лицо волосы цвета меда, – так говорила Рейчел, мечтающая стать парикмахером. Меня почему-то пробирала дрожь.

– Лилия, – послышался позади незнакомый низкий голос. Я повернулась и попятилась, увидев высокого темноволосого мужчину. Сердце замерло. Какого черта он прячется здесь, среди деревьев? Он стоял так близко, что я видела довольную ухмылку и прическу, несколько не пострадавшую от ветра. Сколько же лака для волос он на себя вылил? Не будь я так ошеломлена, спросила бы, каким средством он пользуется, потому что на мои волосы ничто и никогда не действовало так, как обещала инструкция по применению.

– Лилия, – повторил он.

– Нет. Извините, – я сделала еще шаг назад и посмотрела по сторонам в тщетной надежде обнаружить неподалеку кого-нибудь из друзей. – Я не Лилия, – пробормотала я, приосанилась и попыталась посмотреть на него снизу вверх с уверенностью в себе. Он высился надо мной, не сводя с меня темных глаз, от взгляда которых бросало в дрожь.

Потом он покачал головой.

– Нет. Ты – Лилия.

– Меня зовут Саммер. Вы ошиблись. – *Ну и ублюдок!*

В висках у меня стучало. Глупо было называть ему мое имя. Он неотрывно смотрел на меня, и от этого мне стало нехорошо. С чего он взял, что я Лилия? Может, я просто похожа на его дочку или какую-нибудь знакомую? Хотелось надеяться, что передо мной не маньяк.

Я сделала еще шаг назад и прикинула, куда в случае необходимости бежать. Парк большой, мы в самой дальней его части перед деревьями. Здесь нас никто не увидит. От этой мысли слезы подступили к глазам. И зачем я пошла сюда одна? Захотелось заорать на себя за такую глупость.

– Ты – Лилия, – повторил он.

Не успела я и глазом моргнуть, как он схватил меня. Я пыталась закричать, но он зажал мне ладонью рот. Какого черта он делает? Я молотила его руками, изо всех сил стараясь вырваться. О боже, он собирается меня убить! Из глаз хлынули слезы, сердце бешено колотилось, в кончиках пальцев покалывало, в животе что-то сжалось от страха. *Я умру. Он собирается меня убить.*

Этот помешанный на Лилии маньяк рванул меня на себя с такой силой, что при столкновении с ним воздух вырвался у меня из легких. Потом он развернул меня так, что моя спина оказалась плотно прижатой к его груди. Одной рукой он зажимал мне нос и рот, дышать было нечем. Я не могла двинуться, то ли оттого, что он так крепко меня стиснул, то ли от страха. Он держал меня и мог делать что хочет, а я не могла и пальцем пошевелить.

Мой похититель провел меня через ворота в задней ограде парка и затем через поле. Я снова попыталась позвать на помощь, но он по-прежнему зажимал мне рот и нос, все повторяя «Лилия», и тянул меня к белому фургону. Я видела, как мимо нас движутся деревья, как над нами пролетают и садятся на ветви птицы. Все как обычно. О боже, надо вырваться. Я уперлась ногами в землю и завопила изо всех сил, так, что сразу заболело горло. Но и это было бесполезно: никто, кроме птиц, не мог меня услышать.

Он отвел руку назад и надавил мне на живот. От боли выступили слезы. Он отпустил меня одной рукой, чтобы открыть дверь фургона, и я сразу стала звать на помощь.

– Заткнись! – крикнул он, заталкивая меня внутрь. Упираясь, я ударила головой о край дверного проема.

– Пожалуйста, отпустите меня. Пожалуйста. Я не Лилия. Пожалуйста, – умоляла я, схватившись за голову, в которой пульсировала боль. Меня трясло от страха, я хватала ртом воздух, отчаявшись вдохнуть.

Ноздри у него раздувались, зрачки расширились.

– У тебя кровь идет. Вытри. Живо, – прорычал он угрожающим тоном, от которого я задрожала, дал мне салфетку и дезинфицирующее средство. *Это еще зачем?* Я была так напугана и растеряна, что едва могла пошевелиться. – Вытри сейчас же! – закричал он, и я вся сжалась.

Я приложила салфетку к голове и вытерла кровь. Руки так дрожали, что, выдавливая на ладонь дезинфицирующую жидкость, я едва ее не разлила. Приложила к ране и втерла. Так щипало, что я стиснула зубы и поморщилась. Мой похититель, тяжело дыша, внимательно следил за мной с явным отвращением. Что, черт возьми, происходит в его голове?

Глаза у меня наполнились слезами, они потекли по щекам, и я

перестала видеть окружающее. Он взял салфетку, стараясь не прикасаться к окровавленной части, и бросил ее в пластиковый пакет, который засунул себе в карман. Потом протер руки дезинфицирующей жидкостью. Я в ужасе следила за ним. Сердце колотилось о грудную клетку. Неужели все это происходит на самом деле?

– Отдай мне телефон, Лилия, – спокойно проговорил он, протянув руку. Я заплакала еще сильнее, сунула руку в карман, достала телефон и отдала ему. – Хорошая девочка. – Он захлопнул дверцу фургона, я оказалась в темноте. Нет! Я стала кричать и колотить в дверь. Затем послышался шум работающего двигателя, и фургон, покачиваясь, тронулся. Этот человек куда-то меня везет. Что он со мной сделает?

– Помогите, пожалуйста! – кричала я, колотя в заднюю дверь кулаками. Бесполезно. Дверь не сдвинуть ни в одном направлении, и все же надо попробовать. Всякий раз, как фургон поворачивал, я валилась на его стенку, но поднималась, продолжала звать на помощь и колотить по двери. Я тяжело дышала и хватала ртом воздух, который, казалось, не поступал в легкие.

Фургон продолжал движение, с каждой секундой надежда выбраться из него таяла. Мне предстоит умереть. Наконец фургон остановился, и я замерла. *Вот оно. Здесь он меня убьет.*

Я прислушалась, рассчитывая услышать шелест гравия у него под ногами. Через несколько секунд невыносимого ожидания дверь распахнулась, и я заскулила. Хотела что-то сказать, но голос как будто пропал. Похититель улыбнулся и, прежде чем я успела отскочить вглубь фургона, схватил меня за руку. Мы находились бог знает где. В конце вымощенной камнем дорожки – окруженный высокими кустами и деревьями большой дом из красного кирпича. Кто тут меня отыщет?! Вокруг я не заметила ничего знакомого. Дорога выглядит как любая другая проселочная дорога в окрестностях нашего городка.

Я понятия не имела, куда он меня завез.

Человек вытащил меня из фургона и подтолкнул к дому. Я пыталась упираться, но он был слишком силен. Я громко закричала в последней попытке позвать на помощь, и он на этот раз не мешал мне, что было еще страшнее: по-видимому, он знал, что здесь меня никто не услышит.

Готовясь к смерти и ко всему, что он собирается со мной сделать, я снова и снова повторяла про себя: «Я люблю тебя, Льюис». Сердце замирало. Что нужно этому человеку? Мне пришлось войти с ним в парадную дверь и пройти по длинному коридору. Я старалась запоминать цвет стен и расположение дверей на случай побега, но от ужаса в голове

все путалось. Я знала только, что в коридоре светло и тепло – я ожидала совсем другого. Кровь застыла в жилах: он впился мне в предплечье, оставив на коже по углублению от каждого пальца.

Он толкнул меня вперед, и я всем телом ударилась о зеленовато-голубую стену. Сжалась в углу, дрожа и молясь про себя, чтобы он вдруг передумал и отпустил меня.

«Делай, что он тебе говорит», – повторяла я себе. Если удастся сохранить спокойствие, может, я смогу заговорить с ним и убедить его отпустить меня. Или представится случай бежать.

Слегка крикнув, он отодвинул от стены книжный шкаф высотой по плечи. Показалась дверная ручка. Он повернул ее, распахнул потайную дверь, и я ахнула, увидев за ней уходящую вниз деревянную лестницу. Все вокруг поплыло. Там, внизу, он собирается сделать со мной то, что задумал. Я представила себе грязный захламленный подвал с деревянным операционным столом, подносы с режущими инструментами и покрытую плесенью раковину.

Тут ко мне вернулся голос, и я снова закричала, не обращая внимания на боль в горле.

– Нет, нет! – кричала я снова и снова что было мочи. Грудь вздымалась, я хватала ртом воздух. *Это сон. Это сон. Это сон. Это сон.*

Крепко обхватив, похититель без труда поволок меня за собой, хоть я и молотила руками, пытаюсь его ударить. Казалось, я для него невесома. Он подтащил меня к узкой стене напротив двери. Часть штукатурки на ней осыпалась, обнажив кирпичную кладку. Потом снова схватил за руку, сжал сильнее и заставил спуститься вниз на несколько ступенек. Я стояла неподвижно на лестнице, оцепенев от потрясения и не вполне понимая, что происходит.

Передо мной была просторная гостиная со стенами, выкрашенными в удивительно приятный светло-голубой цвет – слишком приятный для помещения, где маньяк терзает свои жертвы. В одном конце – кухонька, напротив – три деревянные двери. В центре стоит телевизор, перед ним – два коричневых кожаных дивана и кресло. Я была потрясена такой обстановкой, но одновременно испытала и некоторое облегчение.

Нет, это совсем непохоже на подвал. Слишком уж чисто, все предметы аккуратно расставлены по местам. В воздухе пахнет лимонным средством для дезинфекции, так сильно, что даже пощипывает в носу.

Рядом с обеденным столом на маленьком столике я увидела четыре вазы: одна была с розами, другая – с фиалками, третья – с маками.

Четвертая – пустая.

Я осела на ступеньку и ухватила за стену, чтобы не скатиться вниз. Дверь позади захлопнулась, заставив меня содрогнуться. *Вот и все. Я в ловушке.* С криком я бросилась на стену, как вдруг увидела, что внизу, у начала лестницы, стоят три девушки. Одна из них, красивая брюнетка, напомнившая мне маму в двадцатилетнем возрасте, улыбнулась тепло, но печально – и протянула ко мне руку.

– Иди сюда, Лилия.

Суббота, 24 июля (настоящее время)

Она сделала несколько шагов мне навстречу, как будто думала, что я возьму ее за руку.

– Иди сюда, Лилия, все хорошо.

Я не двигалась. Не могла. Она сделала еще шаг. Сердце у меня панически заколотилось, и я прижалась спиной к стене, пытаясь отодвинуться от девушки, которая подходила все ближе. Чего они от меня хотят?

– Я... Я не Лилия. Пожалуйста, скажите это ему. Я вас очень прошу. Я не Лилия. Мне надо выбраться отсюда. Помогите, пожалуйста, – умоляла я, пятясь вверх по лестнице, пока не уперлась спиной в дверь. Я повернулась и, не обращая внимания на боль в запястьях, начала колотить кулаками по железу.

– Лилия, перестань. Сейчас я тебе все объясню, – девушка снова протянула ко мне руку. Неужели она не видит, что я не собираюсь брать ее за руку? Напрасно она думает, что я доверюсь ей.

Я снова повернулась и ахнула, увидев, как близко она подошла. Она подняла руки, как бы сдаваясь, и сделала еще шаг вперед.

– Все хорошо. Мы ничего тебе не сделаем. – По щекам у меня текли слезы. Я покачала головой.

– Пожалуйста, иди сюда и сядь, мы тебе все объясним. – Она указала на кожаный диван. Я некоторое время смотрела на него, перебирая в уме варианты действий. Их было не так уж много. Сначала надо узнать, что происходит и кто они такие. Поэтому я протянула девушке трясущуюся руку.

Я так старалась унять дрожь, что все тело напряглось и мышцы заныли. Ну почему я не пошла с Керри? Зачем забрела в парк в одиночестве? Надо было слушать Льюиса, но я считала, он чрезмерно меня опекает. Он действительно чересчур меня опекал, так мне всегда казалось. Ведь Лонг-Торп – такой скучный городок. Был скучный.

– Итак, Лилия...

– Перестаньте называть меня этим именем. Меня зовут Саммер! –

воскликнула я. Мне было совершенно безразлично, кто такая Лилия. Я просто хотела, чтобы они поняли: она – не я. Я хотела, чтобы меня отпустили.

– Милая, – мягко, будто обращаясь к ребенку, сказала девушка, вместе с которой мы спустились по лестнице. – Теперь ты Лилия. Не надо говорить ему, что ты не Лилия.

Я сглотнула.

– Что происходит? О чем вы? Просто скажите ему, чтобы он меня отпустил, пожалуйста. – Я проглотила воздух, мне казалось, что легкие у меня сжались. – Вы как будто меня не слышите!

– Прости, но ты не можешь уйти. Как и все мы. Я здесь дольше всех, уже почти три года. Меня зовут Роза, – сказала она и пожала плечами. – Раньше я была Шэннон. Это Мак, она прежде была Ребеккой, а вон там Фиалка. Раньше ее звали Дженнифер.

Что за черт! Безумие какое-то! Она сидит здесь взаперти уже три года?

– Раньше – это до каких пор? – спросила я.

– До Клевера, – ответила она.

Я мотнула головой, пытаюсь понять суть происходящего.

– Кто это Клевер? Он? – Маньяк, помешавшийся на Лилии. – Пожалуйста, объясните мне, что тут происходит. Что он собирается со мной сделать?

– Мы должны звать его Клевером. А ты делай то, что мы скажем, и все будет хорошо, договорились? Никогда не возражай ему и не называй своего настоящего имени. Теперь ты Лилия. Саммер больше нет, – она виновато улыбнулась. Я подавила всхлипывания и постаралась держать рот закрытым. *Я не могу здесь оставаться.* Захотелось закричать и оттолкнуть Розу, но не было сил. – Все будет хорошо, – повторила она.

– Я... я хочу домой. К Льюису. – К родителям, которые вечно меня пият, к брату, который вечно меня бесит, к моей прежней скучной жизни...

Другая девушка, которую Роза представила как Мак, покачала головой.

– Мне очень, очень жаль, Лилия. Тебе придется забыть Льюиса. Поверь, так тебе будет легче.

Забыть Льюиса? Как я могу забыть его? Если что-то и способно поддержать меня здесь, так это его образ, его представляемое лицо. Единственное, что вселяло в меня надежду, так это то, что он вскоре начнет меня искать.

– Надо бежать отсюда. Почему вы не пытаетесь бежать? – они все одновременно опустили глаза в пол, как будто раньше уже говорили об этом. – Что? О чем вы сейчас подумали?

– Некоторые пробовали, – прошептала Роза.

Я похолодела.

– Что это значит? – Я уже знала ответ, но хотела его услышать от нее.

– Ты уже вторая Лилия здесь на моей памяти. Потому-то тебе и надо нас слушаться. Убежать невозможно. И попытки убить его заранее обречены на неудачу, – она слегка покачала головой и умолкла. Мне показалось, она хотела сказать что-то еще. Кто пытался его убить?

Они потеряли надежду выбраться отсюда – я видела это по их глазам. Но я не смирюсь. Я сбегу отсюда и вернусь к близким. Я не могла представить себе, что никогда больше не услышу, как Льюис говорит мне о любви или как брат кричит, чтобы я вышла наконец из ванной.

– погоди, что значит – вторая Лилия?

Она взяла меня за руку и легко ее сжала.

– Была другая. Она оказалась здесь за месяц до меня. Как-то ночью она попыталась убить его, но он оказался сильнее и... – Она умолкла и глубоко вздохнула. – Даже не пробуй, договорились?

Сердце у меня в груди больно стукнулось о ребра. Я не хотела терять надежду. Но Роза просидела здесь уже три года!

Я собралась с духом и задала вопрос, ответа на который боялась больше всего.

– Что он от нас хочет?

– Точно не знаю, но, мне кажется, ему нужна семья, близкие люди. Идеальная семья. Он выбирает девушек, которые кажутся ему совершенными, как цветы. – Я заморгала, пытаюсь осмыслить ее слова. Цветы? Так вот почему он дает девушкам новые имена – названия цветов! У меня перехватило дыхание. Парень совсем сбрендил.

– Он любит чистоту, – продолжила Роза. – Боится микробов и грязи.

Так вот почему он смотрел с отвращением на мою кровоточившую рану, вот почему здесь стоит такой сильный запах лимона.

– Мы должны постоянно заботиться о чистоте в доме, должны принимать душ два раза в день. Каждое утро, ровно в девять, он спускается завтракать с нами, к этому времени мы должны принять душ, причесаться и накраситься для него.

Я невесело рассмеялась. Похоже, кто-то сыграл со мной злую шутку. Как будто я попала на съемки реалити-шоу.

– Да что же это такое, черт возьми? – закричала я и вскочила с дивана. Ноги были как ватные, и Розе удалось легко усадить меня на место.

– Никогда не ругайся при нем, Лилия. И, пожалуйста, прислушайся к моим словам. Когда цветы увядают, он приносит нам свежие... – она

умолкла, вздрогнув, как будто от тяжелого воспоминания. Глядя мне в глаза, она глубоко вздохнула. – Когда он полюбит тебя, захочет заняться с тобой любовью.

Сердце у меня замерло. Я отчаянно замотала головой, на глаза навернулись слезы. Я снова вскочила и на этот раз нашла в себе силы вырваться из рук Розы. Ему не удастся приблизиться ко мне. Лучше умереть.

– Нет! О господи, мне надо вырваться отсюда, – я повернулась и взбежала по лестнице.

– Лилия, Лилия! Тихо, перестань, – Роза догнала меня и теперь крепко держала за руки, стоя на ступеньку ниже. – Успокойся. Вряд ли он нас слышит, но мы этого точно не знаем, поэтому остановись.

Я, рыдая, осела на пол. Роза поддерживала меня, поэтому я не ушиблась, впрочем, мне было безразлично.

– Мне надо... Мне надо домой, – бормотала я. Меня трясло от страха. Я представить не могла, что этот псих окажется рядом и дотронется до меня. Я знала только Льюиса и хотела, чтобы так и оставалось. При мысли о всяком другом, и особенно при мысли о Клевере, у меня мороз шел по коже.

– Обещаю: все будет хорошо, только делай то, что мы тебе говорим. Мы хотим помочь тебе, Лилия, – повторила Роза. Прошло несколько минут, прежде чем я немного успокоилась. Роза права. Я действительно должна ее слушаться, по крайней мере, пока не пойму, как отсюда выбраться. Надо сохранять трезвую голову, ясно мыслить и выработать план. Выход должен быть. Нет ничего невозможного. Пока что-нибудь не придумаю, придется играть по здешним правилам. Только так можно спастись.

Я поднялась на ноги и позволила Розе довести меня до дивана. Она утерла мне салфеткой слезы. Все три девушки смотрели на меня в ожидании: буду ли я и дальше сопротивляться или начну вести себя как они.

– Все хорошо, Лилия? – спросила Фиалка. Она впервые заговорила со мной и начала с такого глупого вопроса. Я покачала головой. Со мной определенно все плохо. – Сочувствую, – и она пожала мне руку.

Внезапно дверь над лестницей распахнулась. Сердце заколотилось, я вся задрожала. Клевер очень медленно, словно чтобы усилить эффект своего появления, спустился по ступенькам и остановился под лампой. Дыхание перехватило, сердце забилось с невероятной частотой. Я впервые как следует его рассмотрела. Откуда только взялась его сила: при высоком росте он вовсе не кажется мускулистым. Очень короткие, безупречно

причесанные каштановые волосы, опрятные джинсы, белая рубашка и поверх нее вязаный темно-синий свитер – если принять во внимание его наклонности, все это выглядело как-то слишком опрятно и обыденно.

Роза взяла меня за руку и пожала ее.

– Привет, цветы. Как устраивается Лилия? – он тепло улыбнулся, будто и не похищал меня. Что же он за человек? Как можно так притворяться?

Фиалка встала и подошла к нему, сощутив глаза и качая головой.

– Ты поступил неправильно, Клевер, и сам это знаешь. На этот раз ты зашел слишком далеко. Она совсем еще девочка. Ты должен ее отпустить. – Голос Фиалки звучал решительно, но руки предательски дрожали. Если слова Розы – правда, он должен внушать им ужас. Я сразу зауважала Фиалку. Две другие, похоже, ничего говорить не собирались.

Его беззаботная улыбка вмиг исчезла. Я замерла, пульс участился. Выражение его лица изменилось, стало напряженным – казалось, перед нами совсем другой человек. Такой злой, что вполне может убить. Едва заметным молниеносным движением он схватил Фиалку за руку.

Она сморщилась от боли, глядя на стиснутую им руку.

– Клевер, пожалуйста, не надо, – прошептала она. Я не хотела смотреть ни на то, что он делает, ни на то, что он собирается сделать, но не могла отвести глаз от этой пары. Сердце у меня колотилось, пальцы онемели.

– Эгоистичная дрянь, – рявкнул он и ударил ее по щеке. Дрянь? Да, именно так он сказал, хотя это слово совершенно не вязалось с его обликом. Пощечина эхом отозвалась в комнате. Фиалка с шипением вдохнула сквозь сомкнутые зубы и ухватила за щеку.

– Как смеешь ты так говорить со мной после всего, что я для тебя сделал? Мы – семья. Не забывай об этом!

Я похолодела. Он хочет, чтобы я стала членом этой семьи, и собирается держать меня здесь. Но у меня уже есть семья – родители, с которыми я, выходя из дома, не сочла нужным попрощаться, брат, с которым спорила перед уходом.

Фиалка выпрямилась, подняла голову, и что-то внутри нее изменилось. Глаза потемнели, и она плюнула Клеверу в лицо.

– Мы – не семья, а ты – псих, – выкрикнула она, пытаясь вырвать у него руку.

Сквозь его сомкнутые челюсти вырвался гортанный звук, в котором не было ничего человеческого. Я бы отбежала, но страх приковал меня к полу. Он с силой толкнул Фиалку, она упала и заплакала от боли.

– Уберите ее от меня, – заревел Клевер, размахивая руками. Глаза у

меня расширились от ужаса. *Это просто дурной сон, надо как можно скорее проснуться*, сказала я себе. Но не проснулась.

Мак вскочила и схватила со стоящего рядом со мной столика салфетки и флакон с дезинфицирующим гелем. В комнате я заметила еще несколько таких флаконов – на книжной полке, на тумбе в кухне и на телевизоре. Мак протерла лицо Клевера и отдала ему флакон. Он выдавил гель себе на ладонь, начал втирать в кожу лица. Роза и Мак переглянулись. Я не понимала, что означают их взгляды, но твердо знала, что мне это не нравится.

Он повернулся к Фиалке, и она стала медленно пятиться, пока не уперлась спиной в стену. Я сглотнула. *Что теперь?* Роза и Мак встали по сторонам от меня, как бы желая защитить. *О боже!* Я сцепила дрожащие руки. *Все это кошмарный сон.*

Склонив голову набок, он полез в карман и вытащил нож. Я замерла. *Нет!* Он собирается ее убить. Заколоть прямо у нас на глазах. Почему же Роза и Мак бездействуют? Никто ничего не предпринимает. Это ли означали взгляды, которыми они тогда обменялись? Неужели они знают, что сейчас будет?

– Что? – прошептала я, безуспешно пытаюсь отвести глаза от ножа. Почему невозможно отвернуться, когда перед вами происходит нечто ужасное? Как будто мы все запрограммированы наказывать сами себя.

– Нет, пожалуйста. Клевер, прости, пожалуйста, не надо, – умоляла Фиалка, вобрав голову в плечи и выставив перед собой руки. Он покачал головой. Я слышала его тяжелое дыхание. Мне была видна лишь половина его лица, он смотрел холодно и бесстрастно.

– Ты прав. Очень сожалею. Мы – семья. Вы – моя семья, и я об этом на секунду забыла. Пожалуйста, прости мне мои слова. Мне не следовало в тебе сомневаться, – она покачала головой. – Ты всегда все делал в наших интересах. Если бы не ты, мы бы, наверно, уже погибли. Ты спас нас. Ты только и делаешь, что заботишься о нас, а я дурно обошлась с тобой. Я очень, очень сожалею об этом.

Он, казалось, стал выше ростом от гордости, склонил голову, взгляд его смягчился. Что это было? Неужели достаточно погладить по шерстке его раздутое невротическое самолюбие, и это даст шанс на спасение?

Я затаила дыхание, секунды тянулись одна за другой. Было слышно только тяжелое дыхание Клевера и Фиалки. Роза и Мак стояли, широко раскрыв глаза, в ожидании его решения.

Наконец он убрал нож. Роза, расслабившись, первая опустила приподнятые плечи.

– Я прощаю тебя, Фиалка, – сказал Клевер, повернулся и, не сказав больше ни слова, вышел из комнаты. Я наблюдала за происходящим, вытаращив глаза и не смея вздохнуть от страха. Губы пересохли, в носу пощипывало от лимонного запаха.

Роза, Мак и Фиалка молча сидели на диване. Я стояла как вкопанная.

3

Саммер

Суббота, 24 июля (настоящее время)

– Что это было? – прошептала я, глядя на тяжелую, окованную железом дверь подвала.

– Это моя вина. Зря я его разозлила, – произнесла у меня за спиной Фиалка.

Я сжалась от ужаса и повернулась к ней.

– Твоя вина? Но ты же все правильно сказала! Неужели он действительно собирался заколоть тебя? – Мне хотелось, чтобы хотя бы одна из них ответила «нет». Но все молчали.

– Иди сюда, присядь, Лилия. Мы ответим на все твои вопросы, – сказала наконец Роза, поглаживая трясущуюся руку Фиалки.

Не слишком-то мне хотелось узнавать что-то еще.

Я села на край дивана. Мы все как раз помещались на нем, видимо, Клевер специально купил такой – на четверых. Удивительно, но диван оказался очень удобным. И вообще все здесь, не считая резкого лимонного запаха, было по-домашнему уютным. Светло-голубые стены и светлая древесина мебели придавали комнате приятный вид. Если бы не сильный запах дезинфекции, ее можно было бы назвать роскошной. С трудом верилось, что она находится в доме этого психопата.

– Что ты хочешь знать? – спросила Роза. Взгляд ее голубых глаз успокаивал, как и цвет стен.

– Он ведь собирался зарезать ее?

В ответ Фиалка только кивнула.

Я сделала долгий судорожный вдох.

– Потому что она пыталась за меня заступиться?

Я говорила с Розой, как будто мы с нею наедине. С той минуты, как я очутилась в подвале, она казалась мне здесь главной, как старшая сестра.

– Верно.

Я облизала губы.

– Так прежде уже бывало?

Ее глаза потемнели, взгляд стал жестким.

– Да.

– Ты это видела?

– Да.

– Они умерли? – еле слышно проговорила я.

Она кивнула.

– Да, он убил их.

Я посмотрела на остальных. Фиалка прижалась к Мак. Он убивает людей, и никто об этом не знает. Как такое вообще возможно? Я недоверчиво покачала головой.

– Не понимаю. Как же это сходит ему с рук? – Исчезновение людей не может остаться незамеченным. Я никогда не слышала в новостях и не видела, чтобы на столбах были расклеены объявления об исчезновении Розы, Мак или Фиалки.

– Обычно он выбирает девушек с улицы. Никто не замечает их исчезновения, не бьет тревогу, – Роза убрала локон за ухо. – Я ушла из дома в восемнадцать лет. Отношения с родителями были... напряженные. Отец, – ее глаза потемнели, и она ссутулилась, – любил выпить, а нас не любил. Как только мне исполнилось восемнадцать, я сбежала. Просто больше не могла там находиться. Десять месяцев прожила в хостелах и просто на улице, тут Клевер меня и нашел. И вот... уже почти три года здесь, – она пожала плечами, как будто заточение в подвале – обычное дело.

Я оцепенела. Как же она это выносит? Я бы через три недели с ума сошла. В груди у меня так теснило, что, казалось, я вот-вот потеряю сознание. И дурнота не проходила.

– Пожалуйста, не плачь, Лилия. На самом деле здесь не так уж плохо, – сказала Роза.

Я уставилась на нее, пытаюсь понять, не сошла ли она с ума. По крайней мере, ее слова наводят на такую мысль. *Не так уж плохо?* Он же нас похитил! Держит в заточении в своем подвале. Он изнасилуется тебя, когда «полюбит», а если будешь сопротивляться, убьет. Это называется «не так уж плохо»?

– Пожалуйста, не смотри на меня так. Я знаю, о чем ты думаешь, но, если слушаться его, все будет нормально. Он будет хорошо с тобой обращаться.

Нет, она точно спятила.

– Если не считать, что изнасилуется?

– При нем не называй это насилием, – предостерегла Роза.

Я отвернулась, не веря своим ушам. Как можно это считать нормальным? Безумие, и это еще слабо сказано, а она его защищает!

Но не всегда же она была такой. Когда-то она наверняка понимала, что он псих, и ненавидела его так же, как я. Сколько же ему понадобилось времени, чтобы промыть ей мозги?

Мак, Фиалка и Роза поднялись с дивана – совершенно синхронно – и перешли в кухню. Они говорили между собой негромко, я едва слышала их голоса, но, судя по тому, как посматривала на меня Фиалка, речь шла обо мне. Мне было все равно. Я даже не пыталась разобрать их слова. Пусть говорят что угодно, но я никогда не соглашусь с тем, что держать нас здесь – нормально. Никто не убедит меня, что Клевер не законченный психопат.

Меня скоро найдут. В отличие от Розы, Фиалки и Мак, я никогда не жила на улице. У меня есть семья и друзья – мое исчезновение заметят, обратятся в полицию, начнут искать. Кто первым поймет, что я пропала? Родители, не дождавшись моего возвращения из клуба? Льюис, заметив, что я не отвечаю на его звонки и эсэмэски? Будет ли он звонить мне сегодня вечером? Когда мы проводили время порознь, обычно не писали друг другу СМС-сообщений до возвращения домой, а если и писали, то не больше одного-двух.

Лицо Льюиса стояло у меня перед глазами, и я пыталась выкинуть его из головы. О родителях я даже думать не могла. Пытаясь проглотить комок в горле, я сжала кулаки и вонзила ногти в ладони. *Только не плакать.*

– А ты, Мак, сколько уже здесь? – спросила я.

Она слабо улыбнулась, прошла несколько шагов от кухонного стола к дивану, села рядом со мной и взяла мою сжатую в кулак руку.

– Чуть больше года. У меня такая же история, как у Розы. Я жила на улице. Когда он нашел меня, мне тоже было восемнадцать.

Совершеннолетняя. Уж не потому ли Фиалка так разозлилась? Но вряд ли наш возраст имеет значение. Вряд ли она могла знать, сколько мне лет. На сколько я выгляжу? Может, ему вообще все равно?

– Но почему он выбрал меня? Бессмыслица какая-то. В отличие от вас, я не совершеннолетняя. – Раз он похищает даже взрослых, наверное, возраст ему неважен, лишь бы каждая вела себя, как подобает члену семьи. Я встряхнула головой, кровь закипала от злости. – Мои домашние будут меня искать. Нас найдут.

– Возможно, – Мак снова слабо улыбнулась. Не поверила мне, ну и пусть. Я точно знала, родители моего исчезновения так не оставят. И я не буду сидеть здесь год за годом, как Роза, Мак и Фиалка.

Дверь заскрипела, сердце у меня едва не выпрыгнуло из груди, в животе что-то сжалось. Он возвращается. Я стала прислушиваться, но ничего не слышала. Потом тихо скрипнула дверная ручка. Почему не

слышно его шагов за дверью? Я не могла вздохнуть, как будто меня ударили в солнечное сплетение. *Звукоизоляция*. Мы не могли слышать, что происходит за дверью, но и он не мог слышать, что происходит здесь.

Роза поднялась и пошла к лестнице ему навстречу. Как она может просто находиться рядом с ним? Один этот самодовольный вид выпускника привилегированной частной школы вызывает тошноту.

– Заказываю пиццу на ужин, – сообщил Клевер. – Все мы заслужили сегодня угощение, и к тому же надо отметить появление в семье нового члена, Лилии. – В животе у меня опять что-то сжалось. *Он действительно душевнобольной, таких надо держать под замком*. Он повернулся ко мне с улыбкой. – Лилия, мы обычно берем пиццу с двумя видами сыра, с пепперони и с цыпленком-барбекю. Тебя это устроит? Могу, если хочешь, заказать что-то еще.

Я смотрела на него, не в силах вымолвить хоть слово. Неужели он, человек, только что похитивший меня и угрожавший ножом Фиалке, всерьез обсуждает меню ужина? Да он совсем болен! Я не хотела говорить с ним. Мак благоразумно подтолкнула меня локтем. Судорожно вздохнув, я ответила:

– Устроит.

Он улыбнулся, блеснув превосходными белыми зубами. Все в нем выглядело безупречно: кожа, прическа, идеально отутюженная одежда, эти чертовы зубы. О таких говорят «волк в овечьей шкуре».

– Что ж, отлично. Я знал, что тебе тут понравится. Пойду, закажу пиццу. Я мигом.

Не говоря больше ни слова, он медленно стал подниматься по лестнице.

Все время, пока он находился в комнате, дверь подвала оставалась незапертой.

Я проследила, как он закрыл ее. Послышался лязг ключа в замке. Я злилась на себя – упустила возможность бежать.

– Как... это возможно? – потрясенно пробормотала я. Глядя в пустоту, я не могла даже моргнуть. Все это сон. Иначе и быть не может. Ничего подобного ни со мной, ни с моими знакомыми прежде не случалось.

Мак улыбнулась.

– Все будет хорошо.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Все будет хорошо, если только мне удастся выбраться отсюда, прежде чем он прикоснется ко мне.

Я проснулась оттого, что, как бывало не раз, кто-то тормозил меня за руку. Улыбнулась и открыла глаза, ожидая увидеть лицо Льюиса. Сердце у меня упало – передо мной были темно-каштановые волосы и голубые глаза Розы. О господи, неужели я заснула?

Значит, все это не кошмарный сон, а явь! В ужасе я отпрянула.

– Прости, что напугала, Лилия. Клевер принес пиццу, – прошептала Роза. – Идем есть. – Я перестала дышать, легкие, казалось, сдавлены так, будто на них уселся слон. Неужели я смогу сесть с ним за один стол? Но разве у меня есть выбор? Роза положила руку мне на плечо и подтолкнула к столу.

– Вот, садись рядом с Мак, – сказал Клевер. Неужели он указывает даже, кому где сидеть?

Я села за стол напротив Клевера. Он держался так, будто ничего не случилось. Для него все это было нормально. Ни разу не упомянул о том, что похитил меня. Ему, видимо, казалось, что я тут уже давно, что все мы тут одна семья. Он действительно считает нас семьей. Но это же бред!

На столе, покрытом ярко-белой скатертью, стояла ваза со свежесрезанными розовыми лилиями. Пиццу достали из коробок и переложили на два больших блюда по обе стороны от вазы с лилиями. Цветы, решила я, предназначались для меня.

– Не стесняйся, – он указал на пиццу. *Да лучше умереть.* Он произнес это так, будто у меня есть выбор, но стальной блеск его глаз – и блеск ножа, который я все не могла забыть – говорили, что никакого выбора нет. Он хочет, чтобы мы ели, как семья. И я понимала, что он сделает, если я откажусь.

Я взяла ближайший кусок пиццы и торопливо положила себе на тарелку, стараясь держаться от Клевера как можно дальше. Он улыбнулся, глаза его потеплели. Я уставилась в пластиковую тарелку и оторвала кусочек от края пиццы.

Роза, Фиалка и Мак обсуждали, что мы будем готовить на ужин в оставшиеся дни недели. Я молчала, но заставила себя немного поесть. Съеденное камнем легло в желудок. Я люблю пиццу, но эта на вкус отдавала пластиком, и, глотая, я все время давилась.

Роза подняла руку, чтобы привлечь мое внимание, хотя смотрела не на меня.

– Ой, Клевер, пока не забыла. Мы дочитали почти все книги.

Он кивнул.

– Принесу вам еще.

– Спасибо, – Роза улыбнулась и отпила воды. Мне захотелось закричать на нее. Неужели она не сознает, в каком ужасном положении находится! Она говорила с Клевером непринужденно, слегка повернувшись к нему, между тем как Мак и Фиалка смотрели прямо перед собой, а я сидела, как статуя, стараясь привлекать как можно меньше внимания.

– Спасибо за компанию, девушки. Увидимся утром, – Клевер поднялся с места. – Желаю приятно провести вечер.

Я как будто весь день пролежала в снегу: вся в оцепенении, движения скованные и замедленные. Он наклонился и поцеловал в щеку Розу, потом Мак и Фиалку. Охваченная страхом, я учащенно дышала. *Меня не надо, пожалуйста, нет.* В ушах стучал пульс, по горлу поднималась желчь. Он кивнул мне, повернулся и начал подниматься по лестнице.

Я вздохнула с облегчением: я не могла позволить ему прикоснуться к себе. Он остановился перед дверью и отпер ее. Я не сводила с него глаз. Он вышел за дверь и запер ее за собой. Хотелось убедиться, что он действительно ушел.

Роза и Мак встали из-за стола и собрали тарелки. Он один, а нас четверо. Мы бы сладили с ним, если б навалились все сразу. Пробовали они это уже или слишком его боялись? Мне казалось, что Роза вряд ли согласится в этом участвовать.

– Давай посмотрим кино, – позвала меня Мак. Оказывается, они уже все убрали, и Роза сидит перед телевизором.

Я пересела к ним на диван и уставилась на экран, но мысли мои были далеко. Обхватив колени руками, я привалилась к спинке дивана, мечтая исчезнуть. Все происходящее казалось нереальным.

Должно быть, прошло несколько часов, потому что Роза выключила телевизор, и все поднялись со своих мест.

– Лилия, – мягко, будто обращаясь к ребенку, сказала Фиалка. – Идем, нам всем надо принять душ и ложиться. Я покажу тебе ванную комнату. Можешь пойти первой. – Она отвела меня в ванную и дала пижаму. Я даже не стала спрашивать, почему должна принимать душ, хотя хочется поскорее лечь. И чью пижаму она мне дала?

Фиалка ушла, оставив меня в ванной. Замка в двери не оказалось, а жаль – заперлась бы от них всех. Я включила душ и держала под ним руку, пока вода не стала теплой. Почему я так безропотно повинуюсь? *Потому что он может убить тебя без разговоров и колебаний.* Сняв одежду, я зашла в душевую кабинку, села на пол и расплакалась. Рыдая, хватала ртом

воздух, потом запустила пальцы в волосы и закрыла глаза. Слезы смешивались с горячей водой.

Голова, казалось, вот-вот расколется. Наконец я заставила себя выйти из-под душа. Слезам горю не поможешь, и не стоит привлекать к себе лишнего внимания. Я завернулась в пушистое полотенце – оно пахло свежестью, будто его только что сняли с веревки для просушки белья. Открыла шкафчик над раковиной и сразу обратила внимание, что никаких бритв здесь нет – вместо них розовые коробочки с восковыми полосками для эпиляции. Ничто в шкафчике не могло причинить никакого вреда – никому.

Закрыв дверцу, я посмотрела на себя в зеркало. И напрасно. Глаза красные и припухшие, вид такой, словно я участвовала в боях без правил. Я развернулась, не желая больше себя видеть, и натянула чужую пижаму.

– Готова ко сну? – спросила Роза, когда я вошла в комнату. Я кивнула и обхватила себя руками. – Хорошо, сейчас покажу, где ты будешь спать. – Она провела меня в комнату рядом с ванной. Стены в спальне были светло-розовые, вся мебель – белая. Четыре односпальные кровати с розовыми стегаными одеялами и подушками, четыре тумбочки с одинаковыми розовыми светильниками – все в одинаковых тонах, как если бы спальня предназначалась для четырех близнецов.

– Вот это твоя, – она указала на кровать у стены слева. Моя. У меня есть своя кровать. *Чувствуй себя как дома.*

Сил спорить не было. Я молча подошла к кровати, легла и укрылась одеялом. Закрыла глаза и помолилась: пусть поскорее придет сон и заберет меня отсюда, чтобы проснуться дома у себя в комнате.

Воскресенье, 25 июля (настоящее время)

Пропала. Это слово снова и снова стучало у меня в голове. *Льюис, надо идти, Саммер пропала.* Так сказал Генри. Он был бледен. Объяснил, что его сестру, мою девушку, никто не видел уже несколько часов.

Было почти три часа ночи, мы пешком и на машине искали уже четыре часа. Такого с Саммер еще не бывало. Если она и пропадала так, что никто ее не видел и не слышал, то всего лишь на десять минут в ванной. Я не мог найти никакого объяснения тому, почему она исчезла, никому ничего не сказав.

Мой брат Тео медленно вел машину по улицам. В другое время я кричал бы на него, требовал, чтобы он прибавил газу или пустил меня за руль. Но сейчас казалось, что он едет слишком быстро. Ночь была темная, тусклый свет фонарей едва освещал асфальт под ними. Может быть, мы уже тысячу раз проехали мимо, не заметив Саммер, поскольку вообще мало что видели, но я не мог вернуться домой и ничего не делать, как предлагали мои родители. От бездействия и ожидания я бы сошел с ума.

– Льюис, как ты? – в очередной раз спросил Тео. Этот дурацкий вопрос мне задавали последние несколько часов чуть ли не каждые десять минут. Что он хотел услышать?

Да просто супер!

– Не очень, – признался я. Где она? Саммер из дома никогда не убегала. Она не из тех, кто спасается бегством от проблем. У нее сильная воля, она упрямая. Спорить с ней бесполезно. Обычно она садилась ко мне на кровать и говорила:

– Сначала успокойся, а потом будем разбираться. – Она не боялась трудностей, это мне в ней и нравилось, и раздражало. Иногда мне надоедало выяснять отношения, но она не успокаивалась, пока не находила выход.

– Мы ее отыщем, брат.

– Да, – кивнул я, но уверенности не было – только надежда. У меня сосало под ложечкой. Определенно случилось что-то из ряда вон выходящее. – Она теперь может быть где угодно.

С тех пор как ее видели последний раз, прошло уже больше семи часов, а поиски пока ничего не принесли. Она как будто испарилась.

– Саммер из дома не убежала бы, – сказал Тео.

Сердце у меня замерло. *Знаю!*

– Именно это меня и пугает. Она бы не убежала... но, может быть, ее похитили.

– Не говори так, Льюис. Мы же пока ничего не знаем. – Он прав. Точно я этого не знал. Но я знал Саммер. – Едем дальше? В город, потом вернемся обратно и поедem в другую сторону?

– Да, в другую сторону. – По словам Керри, Саммер от клуба пошла налево. Мы туда уже ездили, но могли не заметить что-то важное. Второй раз проверить не помешает. Господи, да хоть и третий! Я был готов обыскать в городе каждый сантиметр, чтобы знать наверняка, что мы ничего не проглядели.

Полиция, призвав на помощь жителей, организовала поиски вокруг клуба – рядом с ним в последний раз видели Саммер. Но, поскольку с момента исчезновения прошло меньше суток, к поискам пока привлекли недостаточно много полицейских. Как выяснилось, должно пройти двадцать четыре часа, и только тогда полиция всерьез отнесется к ее пропаже. Узнав об этом, я страшно разозлился. За это время ее могут завезти бог знает куда и она может пережить бог знает что.

Наши соседи начали поиски самостоятельно. Обходили дома, опрашивали соседей в надежде, что кто-то что-то видел. Все знали Саммер и понимали, что она не из тех, кто убегает из дому. Все мои знакомые, за исключением матери Саммер, Дон, вышли на поиски. Дон сказали оставаться дома: Саммер могла вернуться или позвонить. Не хотел бы я быть на месте Дон.

Я достал из кармана телефон и в тысячный раз проверил – пропущенных вызовов не было. Я вздохнул и нажал на кнопку два – быстрый набор номера Саммер. Как и прежде, длинные гудки. Я затаил дыхание. *Пожалуйста, дорогая, возьми трубку.* Автоответчик ее голосом попросил оставить сообщение, а если это звонит Ченнинг Татум^[1], то «да, я согласна выйти за тебя замуж».

– Дорогая, пожалуйста, перезвони, как только прослушаешь это сообщение. Мне всего лишь надо знать, что у тебя все в порядке. Я тут с ума схожу. Люблю тебя, Саммер. – Я разъединил линию и сжал телефон в кулаке. *Плохо.*

Сменяя друг друга за рулем, мы проездили до самого утра. От усталости болели глаза. Когда открылись магазины, Тео купил нам поесть и

по банке энергетика. Я не заезжал домой с тех пор, как нам позвонили из клуба, и по-прежнему был в рубашке и джинсах.

– Остановлюсь здесь, обойдем пешком поля и парк, – сказал я.

Тео кивнул, запихивая в рот остаток сэндвича.

– Точно есть не хочешь?

Я покачал головой, въезжая на стоянку возле церкви.

– Не хочется. Начнем с парка.

Брат вышел из машины и направился к калитке. Я быстро догнал его.

– Саммер! – позвал я. Конечно, ее здесь нет, иначе ее давно бы нашли. – Идем, Тео, – крикнул я через плечо. Он, в отличие от меня, не спешил, но он и не был влюблен в Саммер.

С каждой минутой я чувствовал себя все более потерянным. Сердце бешено колотилось и не желало успокаиваться. Я понятия не имел, что буду делать, если с ней что-то случится.

– Льюис, – сказал Тео, – может, там посмотрим?

Я посмотрел в ту сторону, куда он указывал. Вдоль парка через заросли по полю шла тропинка. Я кивнул и направился к ней. Стоит попробовать. Пробовать стоит что угодно и где угодно. Парк уже прочесали, но тщательно осмотреть в темноте тропинку в зарослях вряд ли смогли. Что бы ни случилось, я не собирался сдаваться, пока мы не найдем Саммер.

* * *

– Есть новости? – спросил я с порога.

Сами мы ничего не нашли. Никаких следов. Теперь вся надежда на Дон.

Она покачала головой и прошептала:

– Нет. – На меня это короткое слово подействовало как удар ножом. Глаза Дон покраснели от недосыпа и слез. Такой же я представлял себе Саммер. Дон надеялась, что мы найдем ее дочь. Остатки вчерашней туши размазались под ее глазами и по щекам.

– Сегодня полиция начнет розыск. Ее найдут.

Дон кивнула. По-видимому, эти же слова она не раз повторяла себе сама.

– Ну, я пошел, – сказал отец Саммер, Дэниел. Увидел меня и остановился. – Льюис, нашли что-нибудь? – Я покачал головой. Она как будто испарилась. Дэниел понурил плечи. Глядя на него, всегда такого

сильного и полного оптимизма, я начал бояться худшего.

– Пока, я скоро вернусь, – сказал он и поцеловал Дон в щеку. Он был так же вымотан, как и я.

– Есть хочешь? – спросила Дон, глядя в пространство. – Твоя мама сейчас готовит. Не знаю, что.

– Спасибо, Дон, – сказал Тео. – Пойдемте, – он обнял ее за плечи и, поддерживая, как старушку, повел на кухню.

Я не хотел сидеть с ними. Важно было придумать план и скорее вернуться к поискам. Оттого, что мы будем сидеть на кухне, Саммер не найдется.

– Тео, Льюис, – сказала моя мама, отложив полотенце, – садитесь, садитесь.

– Спасибо за хлопоты, Эмма, – поблагодарила Дон. Мама печально улыбнулась. Я видел по глазам, как она напугана.

– Не хочу сидеть. Хочу понять, что мне делать. Собирается кто-нибудь начать настоящий розыск? – спросил я. Мне казалось, у полиции должен быть план, ведь полицейские не ищут пропавших бессистемно, где попало.

– Поиски уже идут, милый, – сказала мама. – Уже тщательно осмотрели место, где, по их сведениям, Саммер была до того, как пропала...

– Откуда они знают, где?

– О чем ты?

Я вздохнул.

– Откуда они знают, где она была?

Мама пожала плечами.

– Точно не знаю, но они учитывают, во-первых, направление, в котором она ушла, и время с их расставания с Керри до того момента, когда Керри поняла, что Саммер не отвечает на звонки. Это помогает вычислить, как далеко Саммер могла уйти. Но точно я не знаю.

– То есть это все предположения? Они предполагают, куда могла пойти Саммер?

– Льюис, успокойся, – вмешался Тео.

– Не успокоюсь. К черту! – У них нет никакой зацепки, а Саммер теперь может быть где угодно.

Хлопнув дверью, я выбежал из дома. Не знал, куда идти, но мне надо было двигаться куда-то. Моя девушка пропала, а я понятия не имею, где она и как ее отыскать. И, похоже, у полиции тоже нет никаких идей.

– Льюис! – крикнул мне вслед Тео. Я слышал за спиной его шаги – он догонял меня. – погоди. – Он схватил меня за локоть и повернул к себе. –

Нельзя же просто бежать куда-то. Слушай, я иду в муниципалитет, там штаб поиска. Идем вместе, расспросим обо всем, что нас интересует. А потом будем искать дальше.

Я вздохнул и провел ладонью по лицу.

– Тео, что если она...

Мертва.

– Брось. Ничего подобного. Ничего с ней не случилось.

– Откуда ты знаешь?! – крикнул я. Сердце у меня колотилось. – Прошло несколько часов, и никому ничего неизвестно. Она никогда не убегала из дома...

– Льюис, остановись! Так ты Саммер не поможешь. А ей нужна твоя помощь, так что перестань нести чушь и сделай что-нибудь полезное.

Он был прав. Я кивнул. Хотелось плакать, но я крепился. Надо быть сильным хотя бы ради нее, а отчаянием Саммер не вернешь.

– Ты прав, – я вздохнул, и сердце у меня упало. – Просто я не могу ее потерять, – прошептал я. Как ни банально это прозвучало, больше всего я боялся потерять свою девушку. Потерять в любом смысле. Потому что я люблю ее.

– Пошли.

Тео улыбнулся и отпер машину.

– Вот, – он дал мне что-то завернутое в салфетку. Бублик с ветчиной. – Поешь. – Я забрался на переднее сиденье и заставил себя есть. Кусок в горло не лез, но Тео был прав: Саммер нужна моя помощь, я должен быть сильным, чтобы выручить ее. От размазни толку не будет.

– С ней ведь все нормально, правда?

Тео кивнул.

– Все будет хорошо. – Он не сказал, что сейчас все хорошо, но что будет хорошо, когда мы ее найдем. Я должен понять, где она. Я люблю ее, так разве не я должен знать, что случилось? *Где ты, Саммер?*

Мы въехали на стоянку возле здания муниципалитета. Все было занято машинами, оставалось одно свободное место. Неужели все приехали сюда, чтобы помочь в поисках?

В главном зале толпился народ. Прямо перед входом стоял длинный стол, на нем лежали яркие жилеты и стопки карт местности, стояли бутылки с водой. Откуда все это взялось? К стенду возле стола была приколата фотография Саммер. Земля как будто перестала вращаться. Я глубоко вздохнул и подошел к полицейским.

Над фотографией Саммер было написано: «Внимание: розыск. Пропала Саммер Робинсон, 16 лет».

Воскресенье, 25 июля (настоящее время)

Я села на кровать и тыльной стороной ладони утерла слезы. Я не дома, а по-прежнему в *этой* спальне. Почему я не проснулась там, где должна? Я ведь всего-то и хотела, что оказаться дома со своими родителями, которые большую часть времени сводят меня с ума. Я бы даже не жаловалась на Генри, забегающего в ванную раньше меня, или на безумные попытки отца установить для меня комендантский час.

– Доброе утро, Лилия, – сказала Роза с кровати напротив моей. *Да уж, чертовски доброе.* Это утро из ночного кошмара, который никак не кончается.

Я попыталась улыбнуться, но едва смогла пошевелить губами. Что меня сегодня ждет? Надо бы спросить у Розы, но так ли уж мне хочется это узнать? Все как во сне или в кино, как будто не со мной.

Роза сочувственно улыбнулась и открыла гардероб рядом с моей кроватью.

– Тут кое-какая одежда, возьми, пока Клевер не купит тебе новую.

Кровь отхлынула у меня от лица. Роза положила на кровать джинсы и слишком большой для меня сиреневый свитер. Я покачала головой. Неужели она думает, что я надену вещи убитой здесь девушки?! Вещи другой Лилии.

– Нет, – прошептала я. – Не могу.

Я не собиралась расхаживать в одежде убитой.

– Ничего другого нет.

– Привыкнешь, – сказала Фиалка, которая тоже держала в руках джинсы и свитер такого же цвета, но другого оттенка. Как будто мы подруги и нам кажется особым шиком носить в школе вещи, которые гармонируют между собой. Еще немного, и мы начнем заплетать друг другу косы и обсуждать мальчиков, в которых влюблены.

– Так, я в душ. Мак и Фиалка, пожалуйста, объясните все Лилии, – Роза взяла свою одежду и полотенце. Объяснить что? Что-то мне не очень хочется слушать их объяснения.

Они дождались, пока Роза уйдет, и пересели ко мне на кровать.

– Утренний туалет, – сказала Мак, расчесывая темно-рыжие волосы. – Надо принять душ и быть готовой к восьми. В это время Клевер спускается завтракать.

Я покачала головой, не веря их словам.

– Что? Мы должны для него наряжаться? – Безумие какое-то, такого просто не может быть. – Для этого психа?

Мак нахмурилась.

– Речь не о том, чтобы наряжаться. Но он любит, чтобы к его приходу мы были чистые, опрятно одетые, причесанные и покрашенные. Хочет, чтобы мы выглядели красиво, нравились ему и самим себе.

В животе у меня что-то сжалось. Краситься? Делать прическу? Быть красивой для себя и для него? Все это не по мне. Я ношу джинсы и футболки, не люблю наряжаться, как некоторые девчонки, и уж точно не собираюсь прихорашиваться ради душевнобольного убийцы.

– Я не хочу ему нравиться. Черт возьми, ты сама-то слышишь, что говоришь?

– Честно говоря, Лилия, я тоже не хочу ему нравиться. Но, поверь мне, иначе будет плохо, – сказала Фиалка.

В горле пересохло. Я закрыла глаза. Ответ на мой следующий вопрос нетрудно было предугадать, но я как идиотка все же спросила:

– И что же будет?

– Тебе лучше не знать, – Фиалка прерывисто вздохнула. Сердце у меня заколотилось. Почему мне лучше этого не знать?

– Я просто хочу домой, – слезы потекли у меня по щекам, я зажмурила глаза. – Я хочу к Льюису и родителям.

– Это твой парень? – спросила Мак. Я кивнула и захлопала носом. – Ты его любишь?

– Да. – Я любила Льюиса задолго до того, как мы сблизились. С ним легко и весело. Да, он иногда придает значение пустякам и чрезмерно дрожит надо мной, но ведь это потому, что он меня любит. Мы столько спорили из-за того, что я хожу одна! Если бы я послушалась, а не высмеивала его опасения, если б не твердила, что ничего никогда не случится в нашем скучном Лонг-Торпе, может, была бы сейчас дома.

Мак опустила голову, и длинные рыжие волосы упали ей на лицо.

– Это здорово.

– Он найдет меня, – уверенно сказала я. Льюис не будет сидеть сложа руки, он сделает все возможное, чтобы меня найти. И моя семья – тоже. Мама у меня мастер находить пропавшее. От нее ничто не скроется, к сожалению для Генри и его порнографических картинок.

Фиалка слабо улыбнулась.

– Хорошо бы.

Она видела наше положение совсем не так, как Роза. Судя по тону Фиалки, она бы хотела выбраться отсюда. Но значит ли это, что она встанет на мою сторону в противостоянии с Клевером? Не терпелось поговорить с ней прямо сейчас, но вначале надо узнать о ней побольше. Я должна убедиться, что она действительно хочет выбраться.

Мак вздохнула и вернулась к теме внешнего вида.

– Как бы то ни было, волосы должны иметь естественный вид. – Как будто у меня есть возможность бегать по магазинам в поисках краски для волос! – Он не любит, когда уж очень накручено. И косметики надо наносить самую малость, особенно туши. – Меня едва не стошнило. Мне указывали, как я должна выглядеть. Такого еще не бывало.

В комнату вернулась Роза, стала расправлять одеяло на кровати и взбивать подушки. Я наблюдала, как она водит руками по одеялу и думала: неужели и я буду вести себя так же, пробыв здесь три года? *Нет*. Я тут и трех дней не проведу. Меня ищут. Все это временно, полиция нас найдет. Обязательно.

Глубоко вздохнув, чтобы прояснилось в голове, я пошла в душ. Глупо принимать душ перед сном и сразу после пробуждения, но я не собиралась это оспаривать и несколько минут постояла под душем.

Перед слегка запотевшим зеркалом я представила себе, что нахожусь дома, готовлюсь к свиданию с Льюисом или собираюсь провести вечер с друзьями в клубе. Подкрасила ресницы, но забеспокоилась, не слишком ли много туши нанесла. Не так много, чтобы выглядеть вульгарно, но достаточно, чтобы выделить глаза. Не накажет же он меня за то, что туши слишком много или слишком мало! Господи, еще вчера меня больше всего волновало, какой топик выбрать для вечеринки.

Я надела вещи, которые дала Роза, и высушила волосы. Едва узнала себя в зеркале: вид измотанный, да и самочувствие не лучше. Из-за темных кругов под глазами я выгляжу гораздо старше своих шестнадцати лет.

Понутив голову, я отвернулась от зеркала. Такой вид мог вызвать только депрессию. Я не пробыла здесь еще и суток, а уже чувствую себя совсем другим человеком, Лилией. Когда я вышла из ванной, в нее зашла Мак. Пришла ее очередь готовить себя для него.

Я прошла в гостиную. Роза жарила на плитке яичницу с ветчиной и напевала себе под нос. Ее умелые движения напомнили мне, как мама воскресным утром готовит завтрак на всю семью. Сердце защемило. Что сейчас делает мама? Ищет ли меня? Смотрит ли на телефон в ожидании

звонка? Ждет у парадной двери? Но не готовит, это уж точно. Как же я хочу домой! Я даже позволю маме обнять себя, не вырываясь и не закатывая по привычке глаза.

Роза начала раскладывать яичницу по тарелкам пластиковой лопаточкой. В кухне и вообще во всем подвале не было ничего колющего и режущего. Ничего, что можно использовать как оружие. Единственное, что оставалось, – это отравить его, ведь здесь так много чистящих средств. Но как замаскировать, например, резкий запах отбеливателя? И даже если мы его отравим, где гарантия, что он сразу же умрет? Если бы он отдал концы, скажем, в доме, мы, запертые в подвале, сами умерли бы с голоду. В общем, если не привлечь на свою сторону Розу, Фиалку и Мак, дело безнадежное. Но я не собиралась сдаваться. Должен найтись какой-то выход – не может не найтись. А пока нужно терпеть и играть по его правилам.

Я села на диван и подтянула колени к подбородку. Мы не очень далеко от Лонг-Торпа – ехали сюда недолго. Полиция будет проверять все в окрестностях города. Ведь именно так поступают, когда пропадают люди. Будет обходить дома, расспрашивать жителей. Я такое видела в новостях по телевизору.

Скрипнула дверь, я вздрогнула, сердце заколотилось. Но оказалось, это всего лишь дверь в ванную. Я расслабила напряженные плечи. Мак, взглянув на меня с улыбкой, пошла накрывать на стол к завтраку. Я думала о Розе. Может быть, и она тоже ненавидит жизнь в подвале, но умело это скрывает. Настолько ли она боится Клевера, что не проявит своей ненависти, когда надо будет действовать? Или действительно думает, что так можно жить?

Роза и Мак поставили на стол последнюю тарелку, и обе улыбнулись. От яичницы вкусно пахло, я очень проголодалась, и все же при мысли о еде меня начинало тошнить.

Послышался скрип двери, и я замерла. Клевер спускался по лестнице. Я сделала глубокий вдох и сцепила дрожащие руки. *Так и держи их сцепленными.*

– Доброе утро, цветы, – приветствовал нас Клевер с теплой улыбкой. В руках он держал прекрасные розовые лилии – такие же, как на кухонном столе, но букет побольше, приблизительно такого размера, как букеты роз, фиалок и маков, стоящие в вазах. Он направился прямо ко мне. Я опустилась на диван.

– Тебе, Лилия, – он протянул мне букет. У меня по коже поползли мурашки, как будто на меня напала стая муравьев. *Не говори со мной.*

Ожидая помощи, я посмотрела на Розу. Она кивнула в сторону цветов,

и я поняла, что должна принять букет. *Просто подыгрывай, Саммер.* Я встала с дивана, протянула дрожащую руку и взяла у него лилии.

– Спасибо, – тихо проговорила я и отступила назад, задев ногой диван.

– Не надо так стесняться, Лилия. Мы ведь семья. Почему бы тебе не поставить цветы в воду? – он нахмурился, и его глаза потемнели. – Я не хочу, чтобы они завяли. – Другие девушки быстро отвернулись и сели. К чему бы это? Ведут себя как-то странно. Что бы это значило?

Чтобы не злить его, я схватила пустую вазу и налила в нее воды. Она была пластиковая, но так походила на стеклянную, что это невозможно было понять, не взяв ее в руки. Я поставила цветы в вазу и поместила ее между красными маками, яркими фиалками и белыми розами. Зачем ему цветы? Я хотела знать о нем все, чтобы найти хоть что-то, что позволит мне выбраться отсюда. Но в то же время я не хотела знать о нем ничего.

Я села на свое вчерашнее место – напротив него. Мышцы болели от постоянного напряжения. Я была рада этой боли, она помогала отвлечься от происходящего вокруг.

– Давайте есть, – сказала Фиалка.

Жареная пища ничуть не способствовала тому, чтобы желудок у меня успокоился. Меня тошнило. Я чувствовала на себе взгляд Клевера. Он внимательно рассматривал меня. Хочет принять какое-то решение? Может, раздумывает, стоит меня тут держать или нет? Я откусила от тоста, мне было неловко как никогда. Почему бы ему не посмотреть куда-нибудь еще?

Я стала думать о Льюисе, чтобы отключиться от окружающего. Чем он сейчас занят? Обычно в это время он еще спит, но сейчас – вряд ли. По утрам в выходные мои родители подолгу пьют кофе – чашку за чашкой. Наверное, сейчас, когда меня ищут, они заготовили целый термос. И хорошо, потому что без кофеина мама чувствует себя ужасно и становится раздражительной.

– Лилия, – чей-то голос вернул меня в действительность. Клевер, Роза, Фиалка и Мак смотрели на меня, и по выражениям их лиц я не могла понять, в чем дело.

– Простите, – прошептала я и передвинула яичницу по тарелке, чтобы казалось, что я собираюсь есть. Им от меня что-то нужно или просто дело том, что я ушла в себя? Все занялись яичницей.

– Итак, Клевер, что ты запланировал на сегодня? – как ни в чем не бывало спросила Роза. Как будто он мог ответить: «Да похищение, может быть, убийство-другое, как обычно». Неужели она способна так запросто спрашивать его о подобных вещах?! Я даже не была уверена, что она его по-прежнему боится.

Он улыбнулся ей почти ласково.

– Надо немного поработать, а потом пойду прогуляюсь.

Так он работает? Ну да, конечно. Он должен работать, чтобы прокормить пятерых. Но он не производит впечатления общительного человека. Где это он собрался гулять?

– Почему бы тебе не рассказать Лилии о твоей работе? Она, кажется, немного сбита с толку, – предложила Роза.

Ну вот. Сделать вид, что все это понарошку, что он рассказывает о каком-нибудь фильме. Как бы ни хотелось мне отключиться и в мыслях вернуться домой, мне были важны любые сведения о Клевере.

Он улыбнулся. Я постаралась не показывать отвращения. Он дружелюбно посмотрел на меня. Трудно поверить, что это тот самый человек, который зарезал ножом женщину и вчера похитил меня. Если бы такой встретился мне на улице, я бы не обратила на него внимания, но и не ожидала бы от него ничего плохого. Он казался совершенно нормальным.

– Я бухгалтер в юридической фирме, работаю в городе. – Я с трудом удержалась от смеха. Работает в юридической фирме! Ну не смешно ли?! Эта сторона его жизни – работа – вполне обычна. Никто бы не подумал, что этот хорошо одетый, вежливый бухгалтер – садист, ведущий тайную жизнь. Сидит по будням за рабочим столом, болтает с сотрудниками, выполняет свои обязанности, а потом возвращается домой к девушкам, которых держит взаперти у себя в подвале.

– Поешь, Лилия. Мы не хотим, чтобы ты похудела, – он посмотрел на меня, желая удостовериться, что я не посмею послушаться.

Проглотив страх, я отрезала маленький кусочек яичницы и положила в рот. Я не хотела злить Клевера, как накануне Фиалка, поэтому заставляла себя есть и молилась, чтобы меня не стошнило. Мне пришло в голову, что можно бы похудеть ему назло, но я сразу отмела эту мысль. Кусок скользнул в горло, и я поперхнулась. *Жуй как следует.*

– Так, цветы, мне пора на работу. Желаю приятного дня. Увидимся за ужином. Пожарь к вечеру курицу, Роза.

– Хорошо, Клевер, – кивнула она.

Он встал из-за стола и поцеловал в щеку Мак, Фиалку и Розу. *Пожалуйста, меня не надо.* Сердце так билось, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

– До свидания, Лилия, – он подошел к лестнице, и я с облегчением вздохнула. Что же я буду делать, когда он вот так же попробует поцеловать и меня?

– Давай же скорее, Льюис, – пробормотала я. Ему всегда и все

удавалось: он помогал мне подготовиться к экзамену – и я сдавала, хоть была уверена, что завалю; когда я болела, он точно знал, какую еду мне купить; он умел в два счета утихомирить Генри. Конечно, нельзя ожидать, что Льюис и теперь меня выручит, но я ничего не могла с собой поделать.

Мак вопросительно подняла брови.

– Сколько вы уже вместе?

– Примерно полтора года, но он мне еще до этого долго нравился.

Она улыбнулась. Казалось, она искренне заинтересована. Интересно, а у нее есть любовная история?

– Где вы познакомились?

– Он друг моего брата, они в одной футбольной команде. Сначала он считал меня надоедливой младшей сестрой Генри, но потом мы подросли и он стал смотреть на меня иначе. По счастью.

– Надеюсь, ты вернешься к нему, – искренне сказала она и вышла. *Я тоже на это надеюсь.*

Воскресенье, 4 января (2009 года)

Мы с Керри и Рейчел хотели посмотреть видеофильм, и я пошла за ним в комнату к брату. Генри, как обычно, играл в «плейстейшн» с Льюисом. Я закатила глаза. Выстрелы так и грохочут, парни прилипли к экрану прямо как зомби! *Вот же дурачье!*

– Привет, Саммер, – Льюис посмотрел на меня и улыбнулся. В груди у меня что-то затрепетало, и я прикусила губу.

Не скажи какую-нибудь глупость.

– Привет, – я старалась казаться небрежной, хотя на самом деле была на седьмом небе от счастья. Льюис нравился мне целую вечность, а недавно он начал смотреть на меня как-то особенно. По крайней мере, так мне казалось. Я надеялась, что не вообразила это, хотя и была уверена на сто процентов, что все придумала.

В его светло-зеленых глазах, цвет которых подчеркивали темные, почти черные волосы, запрыгали искорки, и я растаяла. Он наклонил голову набок.

– Что для тебя сделать? – *Ты мог бы меня поцеловать, например.*

– Льюис, из-за тебя нас убили! – закричал Генри, недовольно глядя на друга. Можно было подумать, их на самом деле убили!

– А? – Льюис посмотрел на экран, где было написано «Игра окончена». О боже мой, его убили, когда он смотрел на меня... *Так, остынь и перестань улыбаться как дуручка.* Я заставила уголки губ опуститься. Но

как же не улыбаться, если это лучший день моей жизни?!

– Виноват, – пробормотал Льюис и выключил «плейстейшн».

– Что тебе, Саммер? – раздраженно спросил Генри, все еще переживая из-за дурацкой игры. *Да хоть что-нибудь.*

Я подошла к полке с дисками и стала читать названия.

– Нужно страшное кино, – ответила я.

– Ты же не любишь ужастики, – удивился Льюис. – Или тебя заставляют смотреть?

– Да. Керри и Рейчел хотят провести вечер, прячась под подушками. Глупые девчонки. – Я лично терпеть не могла ужастики.

Льюис улыбнулся. На фоне загорелой кожи сверкнули белые ровные зубы. Ну почему он так хорош? Это несправедливо.

– Хотите посмотреть фильм здесь вместе с нами? – спросил Льюис.

Генри вскинул голову и нахмурился. О, старший братец недоволен!

– Что ты делаешь, Льюис?

Я не смогла сдержать глупую улыбку. Льюис хочет посмотреть фильм вместе с нами: что может быть лучше?

– Все равно играть надоело, – Льюис пожал плечами. Постойте, ему действительно надоело или он хочет побыть со мной? Парни говорят, что девчонок не поймешь, но ведь именно парни любят измываться над влюбленными в них девчонками.

– Супер! Пойду позову их, а потом фильм выберу, – тяжело вздохнул Генри и, что-то бормоча под нос, вышел из комнаты.

Вот же болван.

Льюис похлопал по кровати рядом с собой и улыбнулся. Сердце затрепетало. Ладно, может, дело и не в том, что он хочет провести время со мной. Стараясь скрыть нетерпение, я медленно подошла и села с ним рядом. Керри и Рейчел вбежали в комнату – в восторге оттого, что мы будем смотреть фильм среди разбросанных вещей в комнате Генри. Они мне все уши прожужжали о том, как я нравлюсь Льюису. Как бы я хотела, чтобы это было правдой.

Чтобы все смогли поместиться на двуспальной кровати Генри, я придвинулась поближе к Льюису. Было довольно тесно, но, поскольку меня прижали к его боку, от тесноты я несколько не страдала. На самом деле я жалела, что наши родители проявили мягкотелость и уступили Генри, который требовал двуспальную кровать. Надо было покупать полуторную.

– Включайте уже! – воскликнула я. На экране появилось название фильма, и сердце у меня упало. «*Техасская резня бензопилой*». Да, все гораздо хуже, чем я думала. Теперь я буду бояться и выставлю себя перед

Льюисом полной дурой. Ну и отлично. У меня даже нет подушки, чтобы спрятаться. Я подтянула колени к груди и уперлась в них подбородком.

– Слушай, Саммер, Генри еще не нажал «воспроизведение», – пошутил Льюис, подтолкнув меня плечом. Я в ответ толкнула его в бок локтем, и он засмеялся. Краешком глаза я видела, как Керри, глядя на меня, приподняла бровь. О черт, если она что-нибудь скажет, я просто умру!

Фильм начался. Надо было спрятаться, но одновременно делать вид, что я не боюсь. Из всех возможных фильмов мой братец-идиот выбрал именно этот! Всякий раз, как на экране очередной безумец выскакивал из-за дверей, я дико визжала.

Примерно на середине фильма я осмелилась посмотреть по сторонам. Ничего особенного не происходило, но я знала, что до конца еще далеко. Почему людям нравятся такие фильмы? Надо быть совсем больным, чтобы получать от них удовольствие. На экране что-то грохнуло, и я снова уткнулась лицом себе в колени. К черту! Да, я маленькая девочка, и это меня вполне устраивает.

Вдруг что-то коснулось моей ноги, и я вздрогнула. Неужели это рука Льюиса? Дыхание перехватило. Такой способ забыть о фильме мне по душе. Вряд ли теперь имеет смысл прятать лицо. Я не смела взглянуть на Льюиса, но чувствовала, что он улыбается.

Я уже не могла сосредоточиться на фильме, поэтому подняла голову. *Взгляни же на него.* Боже, я действительно еще маленькая. Я хлопала глазами, и в этот момент Льюис посмотрел на меня.

– Все хорошо? – беззвучно спросил он одними губами, и я кивнула. А дальше было еще лучше: указательным пальцем он рисовал круги у меня на ноге. Ого! Кожу как будто покалывало там, где он прикасался.

– Бу-у! – вдруг заорал Генри. У меня сердце едва не выпрыгнуло из груди, и я с криком вскочила с места.

Какого черта!

– Да что с тобой, идиот?! – закричала я. Генри хохотал, уткнувшись лицом в одеяло. Льюис, Керри и Рейчел тоже смеялись, хотя, по-моему, от вопля Генри и они подскочили.

– Серьезно, Генри, меня едва инфаркт не хватил.

– Размазня, – он скорчил рожу. Я сердито на него посмотрела.

Я чувствовала рядом с собой вздрагивающее от смеха тело Льюиса.

– Черт, это было смешно, – сказал он, задыхаясь и продолжая смеяться.

– Да, обхохочешься, – саркастически ответила я. Сердце по-прежнему колотилось. Мой брат – гадина. Все они такие.

Наконец ужастик закончился, и Генри пошел вниз заказать на ужин

пиццу – никто из нас не смог бы приготовить хоть что-нибудь, не спалив дом. К счастью, мама с папой оставили нам деньги. Родители должны были прийти еще не скоро, они ушли на ужин со скучным университетским другом отца и его не менее скучной женой.

Керри притворно закашлялась.

– Мне надо попить воды. Рейчел, идем со мной.

О боже! Неужели нельзя притворяться получше?! Я, глядя на Керри, широко раскрыла глаза, но она лишь невинно улыбнулась. Я была готова сквозь землю провалиться.

Они вышли, и наступила тишина. Я пыталась придумать, что бы такое сказать. Но в голову лезла всякая ерунда.

– Молчишь, – констатировал Льюис.

– И ты тоже, – отозвалась я.

Он коротко рассмеялся и слегка пошевелился. Теперь он сидел ко мне лицом.

– Понравился фильм?

– Нисколечко.

– Малышка...

Я закатила глаза, а он улыбнулся своей обаятельной полуулыбкой. Внизу, у лестницы, разговаривали Генри, Рейчел и Керри, и я уже готова была сделать недовольную гримасу из-за того, что они возвращаются так скоро. Льюис закусил нижнюю губу.

– Я давно хотел это сделать...

– Сделать что? – спросила я. Он подался вперед и прижался губами к моим губам. Это продолжалось всего секунду. Сердце у меня билось так быстро, что, казалось, вот-вот разорвется. Льюис отодвинулся и посмотрел на меня. *О бог мой! Льюис меня только что поцеловал!* Я едва не потеряла сознание, но он держался как ни в чем не бывало: положил ногу на ногу и посмотрел на дверь. Как раз в это время вернулись остальные.

– Какую пиццу заказал? – спросил Льюис. Я не слышала ответа Генри. Мне было совершенно все равно. Я прикусила губу, чтобы скрыть улыбку, от которой у меня уже болела челюсть. *Мы с Льюисом поцеловались, мы поцеловались!* Черт, и что это их принесло назад так скоро?

Воскресенье, 25 июля (настоящее время)

– Давай теперь вымоем посуду, – сказала Роза и хлопнула в ладоши, будто нам предстояло приятнейшее занятие. Я встала – надо же чем-то себя занять. Роза мыла кастрюли, пластиковые тарелки, ножи, ложки и вилки, я их вытирала, а Мак убирала в шкаф. Мы прибрались в комнате и побрызгали лимонным освежителем, от которого тоже щипало в носу. У меня накопилось множество вопросов, которые я хотела бы задать.

Наконец, закончив уборку, мы уселись на диван. Я спохватилась, что веду себя как одна из них, и, свернувшись калачиком, расплакалась. Я так всхлипывала, что у меня заболели легкие. *Моя жизнь не может быть такой.* Никогда еще я не испытывала столь невыносимого одиночества.

– Лилия, все будет хорошо, – сказала Фиалка, глядя меня по спине.

– Н-нет, не будет, – всхлипывала я еще горше. Слезы текли по лицу, колени промокли.

– Тихо, – пробовала утешить меня Роза. – Дыши глубже и успокойся. Ты не одна, Лилия.

– Нет, одна.

– Мы все с тобой, – добавила Мак.

Я глубоко вздохнула и попыталась успокоиться.

– Как он так может? – я утерла слезы, и контуры окружающих предметов обрели резкость. – Он сказал, что сегодня «пойдет прогуляться». Как он может творить такое и оставаться нормальным в глазах окружающих?

Роза вздохнула.

– Он ведь не в бар пойдет, Лилия.

– Перестань звать меня Лилией, – отрезала я.

Роза не обратила на мои слова внимания, как будто я ничего не говорила. Впрочем, может быть, она меня не расслышала.

– Насколько я знаю, он не слишком общителен. Большую часть времени проводит на работе и здесь.

– Но что же тогда он будет делать сегодня вечером? – спросила я. – И откуда ты знаешь, чем он занимается, уходя из дому?

– Он очень откровенный человек. Его спросишь – дает прямой ответ. Но ты, пожалуйста, думай, что спрашивать, – предостерегла меня Роза. – Клевер не любит определенных людей, и иногда он... – она умолкла, посмотрела вдаль и нахмурилась.

– Что?

– Он... избавляется от людей, которые причиняют вред.

Я открыла рот.

– Убивает их? – Нет, не может быть!

– Да. Избавляется. Во всяком случае, сам он расценивает это именно так. Проститутки причиняют вред. Вред семьям мужчин, которые прибегают к их услугам.

– Черт возьми, ты хоть слушай, что говоришь, – прошептала я. – Ты же его оправдываешь.

– Нисколько.

– Нет, оправдываешь. Послушать тебя, так он поступает правильно.

– Ничего подобного. И я его не оправдываю. Я просто пытаюсь объяснить его поступки, только и всего.

– По вечерам он убивает проституток? – Нет, это не может быть правдой. Наверное, он так говорит, чтобы припугнуть девушек и заставить повиноваться. Если бы у нас в городе убивали проституток, об этом сообщали бы в новостях!

Роза нахмурилась.

– По твоим словам выходит, что он убивает каждый вечер, но это же неправда, – сказала я.

«Откуда ты знаешь, что неправда? – пронеслось у меня в голове. – Точнее, непохоже на правду. Нельзя убивать каждый день так, чтобы тебя не поймали. Вот это уж точно».

Я сама удивилась, что так спокойно говорю и размышляю об этом. Разве не должна я визжать и царапать ногтями дверь, желая вырваться на свободу? Хотя надо ли мне беспокоиться о том, что я думаю, чувствую и как действую?

– Как же ему удастся оставаться безнаказанным?

– Это же проститутки, Лилия. Большинство из них сбежали из дому от родителей или постоянно живут в одиночку.

Допустим, но все равно как может быть, чтобы этого никто не замечал?

– Он считает, что они нечисты, что потакают человеческим порокам, – продолжала Роза, взглянув на Мак и Фиалку. – Мы думаем, что с ним что-то случилось в молодости – иначе как в голову может прийти такое? Но мы

никогда его не расспрашивали.

Разумеется, не расспрашивали. Жить-то хочется.

– И что он с ними делает? Скольких убил? – спросила я. С каждой секундой разговора я узнавала все больше невероятного. Клевер представлялся мне персонажем фильма ужасов.

– Не знаю, – ответила Фиалка.

– Это безумие. Полное безумие. Надо выбираться отсюда. Вместе мы сможем. Я в этом уверена, но необходимо действовать слаженно.

– Нет, Лилия, – сказала Роза строго, напомнив мне кое-кого из школьных учителей. – Не сможем. Выхода нет, так что выкинь из головы эти мысли. Ты просто не представляешь себе, на что он способен. Он не различает *можно* и *нельзя*. Он может быть очень... жестоким и неумолимым.

От этого предостережения у меня дрожь пробежала по телу. Жестокий и неумолимый. Я видела, как он накануне обошелся с Фиалкой, как разозлился и угрожал ей ножом. Может ли быть хуже и если да, то насколько? Я не хотела сдаваться, это не в моем характере, но мне стало страшно.

Роза глубоко вздохнула и встала с дивана.

– Сейчас уберусь в ванной, а потом посмотрим кино.

Утерев слезы, я вздохнула.

– Я не могу оставаться здесь. Мне надо домой.

Ну почему они не могут это понять?

Мак покачала головой и стиснула мне руку.

– Лилия, если бы это было возможно! Пожалуйста, не натвори глупостей, – она встала с дивана.

Ее слова крутились у меня в голове. *Пожалуйста, не натвори глупостей*. Я представила, как он подносит к моему лицу нож, и задрожала от ужаса.

– Какой фильм будем смотреть? – спросила Роза.

Фиалка пожала плечами.

– Какой-нибудь старый романтический, для девушек.

Неужели так будет повторяться каждый вечер? Мне стало трудно дышать, как будто на грудь давила тяжелая гиря.

Роза включила фильм и вместе с Фиалкой села рядом со мной на диван. Обе они сразу увлеклись происходящим на экране. Как они могут смотреть кино, зная, что Клевер сейчас охотится за какой-то несчастной девушкой?! Я представила, как она пытается вырваться из его рук. Ее сильно накрашенные глаза расширены от ужаса. Неужели он

действительно убивает проституток? Он вполне мог ходить играть в бинго, а здесь рассказывать о своих убийствах, только чтобы запугать девушек, сделать их покорными своей воле. Сердце у меня защемило. Хотела бы я знать правду.

– А можно просто посмотреть телевизор? – спросила я, моргая, чтобы избавиться от образа жертвы, стоящего перед моим мысленным взором. Сообщат ли о моем исчезновении в новостях? Уже, наверно, сообщили.

Краем глаза я заметила, как Мак покачала головой.

– Нет.

Разумеется, нет. Мы буквально отрезаны от всего мира и полностью зависимы от Клевера. Не надо было мне выходить вчера вечером. Надо было слушаться Льюиса и родителей, лучше бы кто-то из них меня подвез. Всякий раз, как при мне дома заговаривали о том, что по вечерам ходить небезопасно, я отмахивалась и просила перестать говорить глупости. Теперь мне хотелось ударить себя кулаком за упрямство и самонадеянность. Я ничего не боялась, потому что наивно верила, что несчастья могут случиться с кем угодно, но только не со мной.

– Надо начинать готовиться к ужину, – сказала через некоторое время Роза и выключила телевизор. – Хочешь помочь, Лилия?

Саммер.

Как будто у меня есть выбор.

– Конечно.

А что еще делать, чтобы убить время? Уж лучше чем-то заняться, чем сидеть и все время думать. Я охотно вспоминала о близких, мысли о них уносили меня из подвала. Но иногда надо делать перерывы и заниматься чем-нибудь другим, чтобы отвлечься от мыслей о семье и о том, как мне ее не хватает. Что бы я ни отдала за возможность поговорить с Льюисом!

– Что вы мне поручите? – спросила я. Девушки уже все достали из шкафа и заполнили две кастрюли водой. Они действовали так слаженно, можно было подумать, что научились этому, работая бок о бок на кухне ресторана.

– Не почишь морковь и картошку? – Мак дала мне пластиковый нож для чистки овощей, металлической у него была только середина. Он показался мне не особенно острым, но все же это открывало кое-какие возможности. Но можно ли таким ножом нанести достаточно серьезную рану? Зная, что за мной, скорее всего, наблюдают, я перестала разглядывать нож и взяла картофелину.

– Как думаете, удастся нам когда-нибудь отсюда выбраться? – спросила я, чистя ее.

Роза вздохнула, но мне показалось, что не печально, а, скорее, с досадой. Это из-за моих вопросов?

– Нет.

– А ты хочешь?

– Фиалка, не могла бы ты дать мне форму для духовки? – спросила Роза, будто не услышав моего вопроса.

Так, значит, нет. Мне стало так жаль Розу. Он действительно лишил ее воли. Она поставила курицу в духовку, делая вид, что не слышит меня, но я знала, что она обдумывает мой вопрос. Разве может быть, чтобы она не хотела отсюда выбраться?! Сознает ли она, что ей промыли мозги?

Я почистила овощи, положила картошку и морковь в воду и включила конфорку электрической плиты. Так много я еще никогда в жизни не готовила. Мама была бы потрясена и могла бы мной гордиться. Она бы даже потрогала мне лоб, проверяя, нет ли температуры.

Атмосфера в комнате изменилась. Казалось, воздух можно резать ножом, и я понимала, что это из-за моего вопроса. Девушки, опустив головы, сосредоточенно занимались каждая своим делом. Но кто-то должен был задать этот вопрос. А Розе следовало осознать, что поступки Клевера неприемлемы.

Глядя на закипающую в кастрюле воду, я покачала головой. Я помогала готовить ужин для *него*, но еще ни разу не готовила для Льюиса. Я вспомнила единственный раз, когда вызвалась приготовить ему ужин. Он тогда засмеялся и пошутил: мол, не хочет быть отравленным. Мое неумение готовить общеизвестно.

Приближалось время возвращения Клевера. Это было видно по тому, как девушки суетятся, проверяя и перепроверяя, все ли в подвале чисто. Сердце у меня учащенно билось. Мне вовсе не хотелось, чтобы Клевер спустился в подвал, но я почти ждала его появления, чтобы прекратилось это невыносимое ожидание.

Я подумала, что можно было бы сказать больно, но отбросила эту мысль, не желая, чтобы он проверял у меня температуру. *Просто ешь ужин и продержись до его ухода.* Именно это мне предстояло проделывать дважды в день по будням и трижды по выходным. Пока меня не найдут.

Наконец в двери лязгнул ключ, этого звука я уже боялась. Руки задрожали, сердце едва не выпрыгнуло из груди. Фиалка улыбнулась мне, как бы говоря, что все в порядке. Но нет, все было далеко не в порядке.

– Добрый вечер, цветы, – сказал Клевер, улыбнувшись каждой из нас очаровательной улыбкой, которой как бы говорил: *все это совершенно нормально.* Он казался таким дружелюбным, что ему нельзя было не верить

– разумеется, пока жертва не оказывалась в подвале. Видимо, такая располагающая улыбка помогала ему избегать подозрений.

– Добрый вечер, – хором ответили девушки. Не спуская с него глаз, я стала сливать воду из кастрюли с картошкой.

– Почти готово?

– Да, уже раскладываем по тарелкам, – ответила Мак.

Я принесла на стол две тарелки, оставив остальное девушкам. Роза несла тарелку с широкой улыбкой на лице. Похоже, она любит подавать ужин своему психу.

– Тогда приступим, – бодрым голосом сказал он и принялся за жареную курицу.

Отчаянно стараясь не привлекать к себе внимания, я заставляла себя есть, но от каждого проглоченного куска желудок судорожно сокращался. Я смотрела в тарелку, делая вид, что ем. Мне только и надо было слиться с фоном и не привлекать его внимания. Я не могла расслабиться, пока он в комнате. Тело болело от напряжения.

– Как прошел день, Клевер? – спросила Роза.

– Пока все очень хорошо, спасибо. Я многое успел сделать. А у вас?

– Хорошо. Посмотрели несколько отличных фильмов.

А что нам здесь еще делать?

Он кивнул.

– Хорошо, дайте мне знать, когда понадобятся новые.

– Обязательно. Спасибо.

«Понимает ли Роза, что в его присутствии говорит так же, как он?» – подумала я. Они так сдержанно вежливы друг с другом. Это производит жутковатое впечатление.

– Мы тут думали, нельзя ли посмотреть какие-нибудь еще модели платьев. Хотели сшить несколько летних. – Что-то у меня в голове щелкнуло. Они шьют себе платья? Но для кройки нужны ножницы. У меня возник план. Как поэтично было бы, если бы он погиб так же, как убивал сам – от колотой раны!

– Не научите меня шить? – спросила я.

Клевер торжествующе улыбнулся, как если бы был уверен, что я наконец смирюсь с жизнью в подвале.

– Прекрасная мысль, Лилия! Не сомневаюсь, что Роза, Фиалка и Мак с удовольствием будут тебя учить, не правда ли, девочки?

– Конечно, – кивнула Роза. Сердце у меня запрыгало от забрезжившей надежды. План сам собой складывался в голове. Мне удалось съесть еще немного, и я почти вежливо улыбнулась Клеверу. Сил хватило. Играть

стало проще, потому что забрезжил свет в конце тоннеля.

Я рассчитывала, что после ужина он сразу уйдет, но он взял Розу за руку и отвел в комнату, где я еще не бывала. Половина ее помещалась под лестницей, так что она не могла быть большой. Раньше я думала, что это чулан.

– Куда они ушли? Что там? – спросила я, глядя на закрытую дверь этой комнаты.

Мак понурила голову и прикусила губу.

– Это та комната, где он... – прошептала она, и ее глаза наполнились слезами.

– Что? Где он нас... – я умолкла, поняв, что имела в виду Мак. Кровь застыла у меня в жилах. Комната, где он нас насилует. Сейчас он закрылся там с Розой. Она пошла с ним охотно, без колебаний, в глазах у нее не было ужаса.

– Мне надо домой, – прошептала я, обращаясь скорее к самой себе, чем к Мак и Фиалке.

– Прекрати, Лилия. Никто тебя домой не отпустит. Чем скорее ты с этим смиришься, тем легче тебе будет. Поверь мне, пожалуйста, – сказала Мак.

Но я только и слышала, что бешено стучавший в ушах пульс. Черт!

– Нет. – Я села, силясь уложить в голове происходящее. Розу насиловали в нескольких метрах от меня. Но насилие ли это? Может быть, теперь она и сама хочет близости с ним? Он, конечно, не мог так промыть ей мозги, чтобы она его захотела. Я перевела дыхание. По щеке скатилась слеза.

– Лилия, – Мак положила руку мне на плечо, и я от неожиданности едва не подскочила. – Извини. Все в порядке? – я покачала головой, глядя невидящим взглядом в пространство. Я чувствовала себя опустошенной. Придет время, когда вот так же он захочет пойти в эту комнату и со мной. Переживу ли я это? Лучше умереть, чем подпустить его к себе. Но если я умру, то никогда не увижу Льюиса и свою семью. Или оставаться в живых в надежде на воссоединение с близкими, но быть изнасилованной, или умереть, не уступив ему, но так и не увидеться с любимыми. Я не могла выбрать ни то, ни другое.

Не знаю, сколько я просидела неподвижно. В комнате Роза и Клевер пробыли недолго. Дверь открылась, я быстро свернулась в клубок и утерла со щек слезы.

– Доброй ночи, цветы.

– Доброй ночи, Клевер, – сказали Мак и Фиалка. Я не могла говорить с

ним. Я даже смотреть на него не могла. *Тошнотворный ублюдок!*

Роза включила телевизор и как ни в чем не бывало села на диван. Не было ни слез, ни каких-то еще признаков того, что он только что с нею сделал. Я не смела заговорить. Прижавшись к подлокотнику дивана, я опустила голову, так что волосы закрыли мне лицо и струившиеся по щекам слезы. Мне было жаль Розу.

Мы посмотрели фильм. Он закончился довольно поздно, и пора было ложиться. Я хотела спать. Скорее бы заснуть и отключиться от происходящего в подвале.

– Лилия, хочешь пойти в душ первой? – спросила Роза. Я кивнула. На самом деле я ничего не хотела.

– Хорошо.

Не трата времени на разговоры, я взяла со *своей* кровати пижаму и пошла в ванную. Зачем я это делаю? Я принимала душ уже второй раз за день и на этот раз постояла под ним подольше. Горячая вода лилась по телу, смывая, как мне казалось, слой присохшей грязи. Почувствую ли я себя когда-нибудь снова чистой?

Зевая, я выключила воду и быстро вытерлась. Было всего десять часов вечера, но я ужасно устала. Мозг весь день работал без остановки, ему нужен был отдых. Странно, что я хотела поскорее заснуть именно здесь. Хотя, наверное, лучше проспать все время, пока я нахожусь в подвале.

По дороге из ванной в спальню я взглянула на лестницу, ведущую к выходу. Как же мне отсюда выбраться? В отличие от девушек, я верила, что это возможно, хотя понимала, что, действуя сгоряча, успеха не добьешься. Соверши я ошибку, он убьет меня не задумываясь.

Я легла в постель и натянула на голову одеяло – так меня совсем не видно. Закрыв глаза, я, как это ни глупо, попыталась мысленно связаться с Льюисом и молилась, чтобы он каким-то чудом услышал меня. Но, разумеется, из этого ничего не могло выйти.

– Пожалуйста, приди, – тихо плача, умоляла я Льюиса.

* * *

Меня разбудил громкий стук, а за ним – истошный крик. Кровь отлила от лица, сердце билось с перебоями. Что это? Я отбросила одеяло, подбежала к двери, где столкнулась с Мак. Она схватила меня за руку и втащила обратно в спальню.

– Что случилось? – прошептала я.

– Сиди здесь, не выходи. Он там хочет кое с кем поговорить, – Мак вышла из спальни вслед за Розой и Фиалкой и закрыла за собой дверь. Я осталась одна. Мягкий свет лампы едва освещал комнату. Мне хотелось включить все лампы сразу, чтобы стало как можно светлее, но я была слишком напугана, чтобы пошевелиться.

– Нет, нет, нет! – прокричал незнакомый голос, и я похолодела от страха. Кто это?

– Заткнись! – рявкнул Клевер, и сердце забилося у меня в горле. Я уже видела его кричащим, но на этот раз он кричал иначе – зло и яростно.

Что он делает? На кого кричит? Все стихло. Я повернула голову, чтобы лучше слышать происходящее за дверью, но не смела подойти к ней. Сердце колотилось в груди. И *эта* тоже останется с нами в подвале? Неужели она пытается сопротивляться?

Я облизнула сухие губы и стала ждать. Голосов Мак, Фиалки и Розы я не слышала, поэтому не могла понять, что они делают. Я хотела выбраться отсюда, поэтому мне надо было знать, что происходит.

Вдруг раздался треск, заставивший меня подпрыгнуть на месте, забраться в кровать, закрыться одеялом и уткнуться лицом в подушку. Так случилось, когда, оставшись одна дома, я слышала шум, но на этот раз шум был не у меня в голове.

– Заткнись! – снова закричал Клевер. Я представила себе его: выпученные глаза, красное злое лицо.

Свежевыстиранные простыни пахли лавандой, прямо как у бабушки. Я вспомнила, как совсем малышкой лежала посередине двуспальной кровати под пышной периной, укрывшись до подбородка. Я вдыхала запах лаванды, засыпая под сказку, которую читала мне бабушка. В мыслях я могла витать в облаках, но пронзительный утробный крик напомнил мне, где я нахожусь сейчас.

Он же не бьет ее? Нет, он не может, ведь Роза, Фиалка и Мак находятся в той же комнате. Они свидетели. Наверное, она пытается вырваться. Он хочет оставить ее здесь, а она сопротивляется. Все будет хорошо: он уйдет, а она останется здесь, с нами.

Но назойливый голос в глубине сознания повторял мне: если бы он хотел поселить сюда кого-то еще, то заранее приготовил бы еще одну кровать. А ведь все рассчитано на четверых. Для новой девушки нет места.

Ну и что? Может, он собирается поставить ей еще одну кровать.

Снова все затихло. Непереносимая тишина. Мне важно было понять, что происходит, что он делает и, что особенно важно, где он находится. Я не хотела, чтобы он вошел в спальню и увидел меня.

Оставь ее здесь и уходи. Когда он привел меня в подвал, просто толкнул вперед по лестнице и велел Розе все мне объяснить. Почему же он теперь не уходит? Я лежала совершенно неподвижно, прислушиваясь, и старалась сдерживать частое судорожное дыхание, чтобы не пропустить ни звука из-за закрытой двери.

Напряжение нарастало и становилось нестерпимым. Я вжала лицо в подушку. Сердце билось болезненно и часто, руки тряслись.

Вдруг раздался тупой удар вроде того, который мы слышали однажды дома, когда Генри, качаясь на стуле, упал на спину. Мы тогда все бросились наверх, думали, он потерял сознание или что-нибудь в таком роде. Но что же это было сейчас? Шум падения человеческого тела? Я начала тихонько скулить: мозг заставлял меня понять то, что я понимать не желала. Нет, все целы, просто что-то упало, уговаривала я себя. Через минуту я услышу, как дверь в подвал откроется и закроется, и тогда девушки вернутся в спальню с той, которая сейчас с ними.

Как я и предполагала, дверь в подвал открылась и с тихим скрипом закрылась. Вот сейчас они войдут в спальню. Кому-то придется спать вместе с новой девушкой, ведь отдельного места для нее пока нет.

Дверь спальни открылась, я рывком села и прижалась спиной к спинке кровати. Фиалка, это всего лишь Фиалка. Она улыбнулась, но глаза оставались грустными.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Нет. А ты?

Она вздохнула и отвернулась. А где Роза, Мак и новенькая девушка?

– Лилия, ты не такая, как Роза и Мак. Они сдались, а ты – нет. И я тоже не сдалась.

Я нахмурилась. К чему это она, и что вообще произошло за дверью? Я слышала, как из крана течет вода, как открывают шкафы на кухне.

– Что это? – тихо проговорила я, пытаясь представить себе, что происходит в гостиной.

– Я больше не могу этим заниматься, – она забралась в постель, повернулась к стене и накрылась покрывалом с головой. Я хотела было спросить ее, что она имеет в виду, и узнать, все ли с ней в порядке. Но вдруг услышала из гостиной такой звук, будто по полу возят тяжелой мокрой тряпкой. Потом послышалось шипение пульверизатора: кто-то щедро разбрызгивал то самое дезинфицирующее средство с колючим лимонным ароматом. В носу сразу защипало, глаза заслезились.

– Фиалка, что они там делают? – прошептала я, расширив глаза и нервно теребя покрывало. Она не ответила, только глубже зарылась в

постель и подтянула колени к груди.

Я медленно и глубоко вздохнула и уставилась на дверь. *Что они там делают?*

Среда, 28 июля (настоящее время)

Я здесь уже четыре дня, и все они похожи друг на друга. По утрам мы принимаем душ и готовим завтрак. Днем убираемся, читаем и смотрим фильмы. О шитье платьев я больше не слышала и не хочу заводить разговор на эту тему, чтобы не вызывать подозрений.

Лучше всего здесь в будни, хотя слово «лучше» вряд ли подходит: если есть лучшее, должно быть и хорошее. «Лучше» – это потому, что по будням мы видим Клевера только утром и вечером.

По воскресеньям он уводит в комнату под лестницей Розу, по вторникам – Мак, а по средам (сегодня как раз среда) – Фиалку. Я знаю, настанет время, когда он и мне назначит определенный день, но я пока не решила, не лучше ли перед этим покончить с собой. Или день уже назначен? Девушки, наверное, в курсе, какой день отведен для Лилии, но я не хочу об этом знать. Не хочу ничего об этом знать! Может, как-то отключить сознание, пока меня не найдут, и таким образом выжить? Поверить не могу, что должна думать о таких ужасных вещах.

До сих пор, если не считать нескольких вежливых обменов репликами, он своего интереса ко мне никак не проявил. Надеюсь, так будет и дальше.

Мак рассказала, что он не любит неопрятность, любит четные числа и все то, что можно выстроить в ряд. Никто из нас не говорил о том, что случилось несколько дней назад. Знаю только, что в подвале мы по-прежнему вчетвером.

Вчера Фиалка сказала, что хочет выбраться отсюда. Она вошла в спальню, когда я готовилась ко сну, и, пока Роза и Мак протирали напоследок столы на кухне, которые и без того сверкали чистотой, Фиалка повторила, что «не может больше этим заниматься». Эти же слова она произнесла в тот вечер, когда *что-то* случилось. На этот раз в ответ на мой вопрос, что она имеет в виду, она сказала, что «ей надо» выбраться отсюда. Именно так: не «хочу», а «надо».

С тех пор я пыталась поговорить с ней наедине, но выбрать для этого время трудно: постоянно рядом Роза и Мак. Сегодня утром я вышла из ванной, и Фиалка, проходя мимо, шепнула, что мы сможем поговорить во

время приготовления обеда.

Я сидела на диване, глядя, как Роза и Мак, собираясь что-то готовить, достают продукты из холодильника. Фиалка была в спальне, но я не знала, надо ли мне пойти к ней или ждать, пока она сама меня позовет. Что вызовет меньше подозрений?

Сердце у меня стучало. Не терпелось услышать то, что она хочет мне сказать. Возможно, у нее созрел план, но я боялась, что нас подслушают и это все погубит. У нас есть только одна попытка. Если он узнает о наших намерениях, следующую попытку он сделает невозможной. Нельзя допустить, чтобы он предпринял что-то для предотвращения нашего побега. Я все еще надеялась, что он случайно оставит дверь из подвала незапертой.

Роза и Мак суетились на кухне, одна посыпала тертым сыром кусочки хлеба, другая поставила на плиту сковороду. Значит, у нас сегодня гренки с сыром. Дверь спальни открылась, показалась голова Фиалки.

– Кто-нибудь, помогите причесаться, пожалуйста, – она потянула себя за длинную черную прядь.

Это был сигнал мне. Я поднялась с дивана.

– Я помогу, – сказала я и с невинной улыбкой взглянула на Розу и Мак. Пусть считают, что, желая помочь, я просто стараюсь вписаться в их компанию.

Ни одна не сказала ни слова, каждая была занята своим делом. Я расслабилась: они как будто ничего не заподозрили. Я вошла в спальню, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Фиалка собрала волосы в опрятный конский хвост.

– Сегодня вечером, – сказала она. – Мы выберемся отсюда сегодня вечером.

Широко раскрыв глаза, я смотрела на нее в потрясении. Я, конечно, знала, что она хочет выбраться отсюда, но думала, у нее будет тщательно продуманный план, а не просто «давай попробуем сбежать».

– Как сегодня?

Она перевела дыхание, глаза у нее поблескивали.

– Я больше не могу этим заниматься, Лилия, – прошептала она, повторив слова, которые я уже дважды от нее слышала. От звука ее голоса у меня по спине побежали мурашки. – Я не могу отгородиться от этого, как они, – сказала Фиалка, кивнув в сторону Розы и Мак, хлопотавших на кухне. – Они сильнее меня и находятся здесь дольше. Мак твердит, что я научусь жить здесь, но разве это жизнь? «Будь Фиалкой», – говорит она мне. Все это происходит с Фиалкой, а не с Дженнифер. Но я больше так не

могу, не могу отключиться от того, что здесь творится. Сегодня вечером мне *придется* уйти. – Уж не потому ли Роза и Мак твердят мне, чтобы я смирилась с тем, что я Лилия? Чтобы я забыла Саммер. Может, они думают, это поможет пережить то, что мне предстоит? Наверняка именно поэтому они никогда не называют друг друга своими настоящими именами.

– Сегодня вечером, – повторила Фиалка.

Перед тем, как он в очередной раз ее изнасилует.

– Сколько раз он водил тебя в ту комнату?

Она уставилась в пол и часто заморгала. Потом взяла себя в руки и взглянула на меня.

– Три. Четвертого раза я не допущу.

– Сколько ты уже здесь? – Фиалка оставалась единственной, кого я еще не успела расспросить о прежней жизни. Сама она никогда о ней не говорила.

– Чуть больше полугода. – Значит, у меня есть еще около полугода. – Мы познакомились у магазина «Топ Шоп». По-видимому, там же он познакомился и с двумя-тремя другими. По крайней мере, так говорит Роза. Там есть навес, из-за которого это место стало любимым для бездомных.

Я побарабанила пальцами и прикусила губу. Наконец она заговорила со мной начистоту.

– Как ты... оказалась здесь? – спросила я, надеясь, что Фиалка не замкнется в себе.

– Он предложил угостить меня кофе. Пригласил в кафе, которое работает в городе допоздна. Но до кафе мы так и не добрались.

Черт! Значит, он сперва заманивает девушек и только потом похищает. Меня он просто запихнул в фургон.

– Сочувствую.

– Я раньше думала, что жизнь на улице с ее опасностями, холодом и одиночеством – худшее, что есть на свете. – Фиалка невесело рассмеялась. – Как же я ошибалась!

Я хотела спросить, как она оказалась на улице, но ее глаза наполнились слезами, и она стиснула кулаки. Казалось, она вот-вот расплачется.

– Как ты думаешь выбраться отсюда?

Ее поза сразу изменилась. Она как будто стала выше ростом, взгляд сделался деловитым.

– Нам нужен ключ. Он держит его в левом кармане. Я несколько раз видела, как он кладет его туда, спускаясь по лестнице. Я ударю его по голове вазой. – И она злобно засмеялась чему-то. Чему, я не поняла. – На

всякий случай у меня есть вот что. – Она достала из кармана ножницы. Они были гораздо меньше, чем я себе представляла – лезвие длиной всего с мой большой палец. Резать ткань такими, конечно, неудобно, но Клевер, по всей видимости, не хотел давать нам ничего слишком большого и острого. Ничего другого у нас не было.

– Хорошо, – прошептала я. Хотя чувствовала, что все это совершенно не продумано. Фиалка руководствуется эмоциями. Но ведь меня он еще не изнасиловал, поэтому не мне ее судить и останавливать.

– Когда он будет в комнате, подойди к лестнице. Я ударю его по голове и схвачу ключи. Он упадет, а ты беги как можно быстрее вверх по ступенькам. Я буду у тебя за спиной. Должно получиться. Я больше не могу это выносить и не хочу, чтобы ты это терпела. – Фиалка покачала головой. – Пусть уж здесь будут потерянные для общества женщины, но не дети. – Я нахмурилась. В отличие от нее, я не считала себя ребенком. Она сказала это так, будто помимо похищения, изнасилования и принудительного удержания похищенных у себя в подвале Клевер нарушил еще какой-то закон. С юридической точки зрения я несовершеннолетняя, но уже не в том возрасте, который грозил бы Клеверу осуждением за педофилию. В подвале мой возраст не имеет никакого значения. И без этого все, что здесь происходит, противозаконно.

Я глубоко вздохнула.

– Хорошо, я побегу к двери.

Она едва заметно улыбнулась.

– Ну и умница. Значит, решено. – Решено? Вряд ли. У меня сосало под ложечкой. Именно к этому ощущению, по словам отца, следовало прислушиваться, принимая решение. Именно оно побудило меня на экзамене вернуть взятый билет и взять другой, который, как оказалось, я знала. Но сейчас на карту поставлено нечто куда более важное, чем переход в следующий класс.

– Ну все, идем на кухню. Они вскоре закончат и удивятся, что мы тут так долго. – Она вышла из комнаты. Мне хотелось втащить ее обратно. Нам еще так много надо обсудить! Предусмотреть ситуацию, если что-то пойдет не по плану, обдумать несколько возможных сценариев – например, что Роза и Мак попытаются нас остановить.

Фиалка оставила дверь открытой. Я смотрела, как она уверенно идет по комнате и начинает разрезать гренки, которые Роза выложила со сковороды на разделочную доску. Притворяться у Фиалки получалось лучше, чем она думала.

Когда он начал спускаться по лестнице, мне стало нехорошо. Если Фиалка права, ключ сейчас у него в левом кармане. Мое спасение находится в нескольких метрах, но в кармане психа. Фиалка выразительно на меня посмотрела и слегка кивнула. Она должна была ударить его вазой по голове и взять из кармана ключи. От меня требовалось только подняться по лестнице в ту же секунду, как он упадет.

Я охотно усложнила бы свою роль, но считала, что Фиалке видней. Раньше я думала, что могу защитить себя, но уже успела убедиться в своей наивности, поэтому теперь полагалась на суждения Фиалки и во всем ее слушалась. У меня сводило живот. Я боялась, что наш план не удастся, а второй возможности завладеть ключами не представится.

Он остановился у того конца стола, который дальше от лестницы, и приветствовал нас с улыбкой, как будто все происходящее вполне нормально. Он вызывал у меня тошноту, хотелось быть от него как можно дальше, и я попятилась.

Фиалка стояла у кухонной тумбы, между ее рукой и ручкой сковороды было всего несколько сантиметров. Сердце у меня запрыгало. Господи, сделай так, чтобы все получилось! Мне так хотелось домой, и я отмахивалась от мысли, что наше предприятие слишком рискованно.

Клевер повернулся к Розе:

– Как прошел день?

Фиалка взялась за ручку сковороды, и я перестала слушать их разговор. Ну же! Я знала, что после ее удара должна побежать, но он стоял между Фиалкой и лестницей. Что если он ее схватит? Тогда я должна прийти на помощь. Если бы он попробовал встать, я бы ударила его ногой. Я вовсе не сильная, но попробовать стоит. Фиалка рискует всем, чтобы помочь мне. При необходимости я обязана помочь ей.

Не успела я и моргнуть, как Фиалка ударила его сковородой по затылку, и он, пошатнувшись, сделал шаг вперед.

Никто не издал ни звука. Я ожидала, что Роза и Мак закричат, – они ведь ничего подобного не ожидали – но они молчали. Клевер прошел, спотыкаясь, два шага и не успел он восстановить равновесие, как Фиалка оказалась рядом с ним и бросилась к лестнице.

Он схватил ее за руку. Она закричала.

Глаза Фиалки расширились от ужаса: она поняла, что события развиваются не по плану. Вот почему надо было обсудить разные сценарии, мелькнуло у меня в голове. Теперь не видать нам ключей, а он будет еще более внимательно следить за тем, чтобы запереть дверь.

Я прижалась боком к стойке перил и впиалась ногтями в древесину. Что же теперь делать? Вдруг стало тяжело дышать, мне казалось, что я тону. Нет, не попасть мне сегодня домой. Я заплакала.

– Клевер, прости. Я не знаю...

– Заткнись, – проревел он, брызгая слюной. Он уже не шатался, даже расслабился, но по его крику я понимала: сейчас он настолько зол, что способен убить. Что он сделает? Я представила себе нож у него в кармане. Но он ведь не пустит его в ход. Нож, думала я, нужен лишь для того, чтобы запугать нас, сделать покорными.

Он вытащил из кармана тот самый нож. Лезвие блеснуло в свете лампы, под которой стоял Клевер. Я затаила дыхание, хотела закрыть глаза и не открывать их, пока он не уйдет, но не могла не смотреть. Стойка перил больно врезалась мне в спину, а я, не сознавая этого, пятилась и налегала на нее, стремясь оказаться как можно дальше от Клевера.

Фиалка подняла дрожащие руки и покачала головой.

– Пожалуйста, не надо. Прости.

– Я уже давал тебе возможность исправиться, а получить ее непросто. Третьей попытки не будет, Фиалка, – он говорил так спокойно, что у меня внутри все похолодело. Все молчали. Он сделал шаг вперед и без колебаний воткнул нож Фиалке в живот.

Ноги у меня подкосились, я, цепляясь за стойку перил как за спасательный канат, упала на пол. Попробовала закричать, раскрыла рот, но не могла издать ни звука. Слезы текли по лицу, и я моргала, чтобы хоть что-то видеть. *Это сон, это сон* — эти слова повторялись у меня в голове. *Проснись же, проснись!*

Фиалка, хватая ртом воздух, обмякла и осела на пол. Через минуту она была мертва. Я никогда не видела мертвого человека, разве что по телевизору, и была потрясена. Она мертва. Все произошло быстрее, чем в кино.

Он резко повернулся к Розе и Мак.

– Приберите здесь. Живо. – Развернувшись, он пошел к лестнице, поднялся по ней, вышел за дверь и запер ее за собой.

Мак подняла меня на ноги, дотащила до дивана и усадила на него.

– Ш-ш, сиди тихо.

Как будто я куда-то могла пойти. Я двинуться не могла, как парализованная.

Тяжело дыша, я смотрела широко раскрытыми глазами на Розу и Мак. Они принесли ведро, швабру и еще одно ведро с чистящими средствами.

– О господи, она действительно мертва, – прошептала Мак, как будто не веря.

Роза стиснула плечо Фиалки и провела пальцами по ее лицу, закрыв ей глаза.

– Давай мешок для тела, Мак. – У меня глаза на лоб полезли и в горле пересохло. Эти пять слов запечатлелись в памяти как выжженные огнем. Видимо, девушкам не впервые приходилось выполнять такую работу.

Из-под мертвого тела показалась небольшая лужица крови. Я не могла отвести глаз от этой ярко-красной жидкости. Роза взяла руку Фиалки и поцеловала ее.

– До свидания, дорогая, – прошептала Роза.

Я поперхнулась, прижала ладонь ко рту и побежала в ванную.

Когда я вернулась в гостиную, Роза и Мак пытались приподнять Фиалку с пола. Я не могла предложить им свою помощь. Они осторожно положили мертвую на мешок и вытащили из-под нее черные пластиковые края. Им с трудом удавалось передвигать тело, но меня о помощи они не просили. То ли думали, что я слишком потрясена случившимся у меня на глазах убийством, то ли понимали, что я просто не смогу им помочь. Я смотрела на их слаженные движения: можно подумать, они проделывают это каждый день. Сколько же раз они убирались после его убийств? При этой мысли я похолодела и задрожала. Неужели мне снова придется быть свидетелем подобного?

Я не сводила глаз с лица Фиалки, его еще не закрыли мешком. Казалось, она безмятежно спит, но это только казалось. Наконец лицо Фиалки скрылось под черной пленкой, и я мысленно поблагодарила за это Розу. Я знала, что никогда не забуду это лицо. В ушах у меня стучала кровь, сердце учащенно билось. Я мучительно пыталась уложить в голове то, свидетелем чему только что стала.

– До свидания, – прошептала Мак и положила руку на сердце Фиалки. Девушки наполнили ведро водой, собираясь смыть кровь.

Вода в ведре быстро покраснела и цветом стала напоминать коктейль, который часто готовила моя мама. Я даже пыталась себя уговорить, что в ведре и есть коктейль. Меня едва не вырвало, когда Мак подняла швабру, и тяж сворачивающейся крови повис над полом, а потом упал вниз.

В комнате, несмотря на лимонное чистящее средство, от которого щипало глаза, чувствовался металлический запах крови. Я снова поперхнулась. Кровь исчезла с пола так же быстро, как пролилась на него. Девушки работали поспешно, но тщательно – на полу не осталось ни пятнышка. *Сколько же раз они проделывали подобное?*

Если бы не мешок с телом Фиалки в углу комнаты, никто бы не подумал, что здесь только что произошло убийство. Ничего более страшного я в жизни не видела, но девушки только что удалили все доказательства преступления. Так буднично, как будто стерли грязные следы от обуви. Они горевали недолго, а потом и вовсе перестали.

– Он примет душ и вернется за телом, – сказала Мак, вздохнула и посмотрела на Фиалку. *Тело*. Теперь Фиалка для них не человек. Не потому ли им удастся здесь выжить? Не потому ли они так быстро успокоились? Я тоже попыталась видеть не человека, а тело. Представила себе Фиалку – *тело* – без лица и без имени. Так я отнимала у нее одно за другим, пока она не превратилась просто в кусок мяса. Но мне все равно хотелось кричать и кричать, пока не потеряю голос.

Я села и сцепила руки, чтобы они не так тряслись.

– Сколько же он?.. Ну, вы понимаете, – прошептала я. *Убил*. Мак отвернулась, а я заскрипела зубами. Фиалка не первая. Он убивал и до нее. Это мне уже говорили. Свернувшись клубком на диване, я заскулила.

Роза наклонилась ко мне и сказала:

– При мне восемь человек, считая Фиалку.

Суббота, 25 марта (2005 года)

Одиночество подобно смертельной болезни. С каждым прожитым днем понемногу увядаешь. Последние четыре года я только и делал, что умирал, и с меня довольно. Еще раз причесав волосы, я сунул бумажник в задний карман брюк и взял ключи. Комната для девушек закончена уже три дня назад. Единственное, чего не хватает, – одежды для них.

По дороге в универмаг я зашел в цветочный магазин купить маме букет желтых тюльпанов. Это ее любимые цветы. Мне они никогда не нравились, но я ценю их природную красоту и чистоту.

– Доброе утро, Колин, – миссис Куп улыбнулась мне из-за прилавка, уставленного свежими цветами.

Я улыбнулся в ответ и вдохнул аромат цветов.

– Доброе утро.

– Как обычно?

Я кивнул.

– Да, пожалуйста.

– Сию минутку, – она повернулась ко мне спиной, взяла букет ярких тюльпанов и обвязала их стебли желтой лентой. – Как ваши дела?

– Спасибо, хорошо. А ваши?

– А, все по-прежнему, все по-прежнему, – она по-матерински мне улыбнулась. – Десять фунтов, пожалуйста, – я протянул ей наличные. – Спасибо. Удачного дня.

– И вам того же, миссис Куп.

Улыбаясь, я поехал к кладбищу. Светило солнце, день для начала весны был чудесный. Еще немного, и я снова оживу и больше не буду тонуть в тишине и пустоте своего дома.

На стоянке я с минуту посидел в машине, поглаживая нежные шелковистые лепестки тюльпанов. Никто еще не успел их испортить. Они чисты и невинны – такое не часто встретишь в нашем мире скупости, низости и сластолюбия. Одни (но не те, кто должен бы быть по справедливости) в безопасности, тогда как невинных я могу выбирать, как лев свою жертву. Я хотел покончить с этим, хотел защитить свою семью от

внешнего зла. *Я прекращу это. Я смогу их защитить.* Я знаю, как этого добиться, я так хочу. Я единственный готов пойти на все то, что для этого потребуется.

Я вышел из машины и побрел по знакомой дорожке. Мамина могила – в конце кладбища, в правом его углу. Рядом с ней оставлено место для меня. Чтобы мы в конце концов снова могли быть вместе. Я постелил на землю лоскутное одеяло и встал на колени. Глядя на нежные лепестки, улыбнулся, любуясь чистотой самого прекрасного творения природы.

Потом положил цветы маме на сердце.

– Мне не хватает тебя, – сказал я вслух. – Надеюсь, ты не думаешь, что обретение семьи, которой мне всегда так не хватало, охладит мои чувства к тебе. – Я сосредоточился на тюльпанах. – Я очень тебя люблю и буду любить всегда. Ничто не помешает мне приходить к тебе. Ты всегда будешь на первом месте. Никогда не забуду то, чему ты меня учила. Твои идеалы я претворю в жизнь, обещаю тебе. Я не позволю им выиграть, мама. Клянусь.

Мое внимание привлек девичий смех. Она шла вместе с родителями и, должно быть, с братом. Длинные светлые волосы струились по спине, как водопад. Вот причина, которая никогда не позволит мне отказаться от борьбы. Невинные девочки вроде нее, которые через несколько лет будут бесповоротно испорчены.

– Нет, мам, – закричала она. – Мне больше не нравятся «Бэкстрит бойз». Надоели.

Я улыбнулся этому свидетельству непостоянства. На вид ей лет десять-одиннадцать. Вскоре она обнаружит, что в мире существуют мальчики, и будет соревноваться с другими девочками за внимание того, который ей нравится.

Ее мама улыбнулась.

– Дорогая, вчера ты принесла домой их постер.

– Ну, то было вчера!

Родители покачали головами, оба улыбнулись. Они явно гордились дочкой.

Мальчик, ее брат, как бы стесняясь, отстал от остальных, достал мобильник и, держа его перед собой, нажимал на кнопки.

Так же быстро, как появилась, эта группа скрылась за кладбищенской оградой. Этого я и ждал. В отличие от родителей этой девочки, я не буду сидеть сложа руки и смотреть, как членов моей семьи растлевают. Очень скоро их красавица дочка станет одной из *них*.

Я поднялся с колен и сложил одеяло. Мне не терпелось поскорее оказаться в городе. Покидая маму ради того, чтобы заняться покупкой

нарядов для других женщин, я испытывал чувство вины, но купить одежду необходимо. Я больше не могу оставаться в одиночестве.

– До свидания, мама. Скоро снова увидимся. – Возвращаясь к машине, я смотрел по сторонам, надеясь снова увидеть эту семью, но она исчезла. Сердце у меня щемило при мысли об этой чистой, юной девочке с золотистыми волосами.

* * *

Я часто бывал в магазинах с мамой, но на этот раз все было не так, как раньше. Сейчас я выберу то, что нравится мне, а не кому-то другому. Я могу одеть их так, как мне хочется: пристойно, скромно, но современно. Я вошел в универмаг, и в нос ударил запах женских духов. В глазах рябило от ярких флаконов.

Направляясь к отделу женской одежды, я задумался о том, как будут пахнуть мои девушки. Будет ли у каждой свой особый запах или через некоторое время совместной жизни он станет для них общим? Неужели у нас всех появится в конце концов один и тот же запах? Изменится ли мой, впитав в себя смесь их? Изменится ли их запах, впитав мой? Я так разволновался, что меня, как пьяного, шатало из стороны в сторону. Мне хотелось, чтобы все это уже случилось.

Я заметил трех шумных девочек-подростков – они разглядывали плакат с изображением мужчины модельной наружности. Безвкусная одежда выставляла напоказ голое тело. Боже мой, как же матери позволяют им выходить из дома в таком виде?! Самая громкоголосая из них загорела почти дочерна, на лице тонны косметики. Куда катится общество, если женщины считают возможным вести себя и одеваться как шлюшки?! У меня начал подергиваться глаз.

Отвратительно! Я отвернулся и пошел прочь. Оказавшись в отделе женской одежды, занялся поиском подходящих вещей.

– Вам помочь? – подросла женщина-продавец, одетая в безвкусную короткую юбку и футболку с глубоким вырезом. Неудивительно, что, имея перед глазами такой пример, представительницы молодого поколения одеваются как шлюхи.

Я улыбнулся.

– Да, пожалуйста. Я ищу пару: кардиган и юбку.

– Понятно. Вот, взгляните, – не в силах скрыть удивление, она указала на комплект с цветочным узором.

– Может быть, что-нибудь более современное? Это для моей... невесты. – Глубоко вздохнув, я закрыл на секунду глаза. *Невесты*. Ведь может же у меня быть невеста! Нормальная невеста! Нет, наверно, нет. Никто бы не понял так, как мама, чего я пытаюсь добиться. Не сразу, но я хотел завести семью, чтобы делить с нею радости и печали.

– Вот более модные ансамбли: кардиганы с юбками, – я прошел следом за ней к следующему ряду. Эти модели показались мне идеальными. Мягкие оттенки розового, зеленого и голубого придадут девушкам приличный вид. И фасон молодежный.

– Я возьму по четыре комплекта этих трех цветов.

– По четыре каждой расцветки?

– Да, пожалуйста.

Она нахмурилась и передвинула одежду на вешалке.

– Какого размера?

– Десятого, пожалуйста. – Десятый – размер здоровой девушки, в отличие от шестого, к которому в наше время все стремятся.

– Это все, сэр? – спросила она, держа в руках выбранные модели.

Я кивнул.

– Да, это все. Спасибо. – Нижнее белье я заказал через Интернет, не мое дело – рассматривать его в магазине. Я заплатил за одежду наличными. – Спасибо за помощь.

– Пожалуйста. Надеюсь, вашей невесте понравится.

– Непременно, – взяв объемные пакеты, я вышел из магазина.

Я направился прямо домой, мне не терпелось развесить покупки и полюбоваться на них. Отодвинув в сторону книжный шкаф, я отпер дверь в комнаты девушек. Там очень красиво. Хоть помещение и не слишком велико, в нем есть все, что может им понадобиться. Отдельная спальня делает жилище похожим на бунгало. Я гордился тем, что создал. Все это для них.

Я зашел в спальню, развесил ансамбли разных цветов по разным шкафам и улыбнулся. Здесь, в этой комнате, готовя ее для них, я проводил особенно много времени. Я сделал нужное дело. Одобрив бы его мама? Или захотела бы, чтобы я был с кем-то другим? Я покачал головой. Я зашел уже слишком далеко, чтоб поворачивать назад. Мне это нужно. Я должен был так сделать.

Покрывала все в тон, кровати стоят ровно – по две у противоположных стен, друг против друга. Между кроватями, расположенными у одной стены, по две тумбочки. По углам спальни – платяные шкафы, каждой девушке отводится свое пространство. Всего год назад это был старый

подвал, заставленный древней мебелью и ящиками с хламом. Теперь он превратился в уютное жилище для четырех прекрасных, чистых женщин.

Поднявшись по ступеням, я запер дверь и передвинул на прежнее место книжный шкаф. Дверь, оклеенную такими же обоями, как и стены, трудно заметить, шкаф закрывает собой дверную ручку.

Пытаясь успокоить нервы, я глубоко вздохнул. Теперь уже совсем скоро я привезу сюда Фиалку. Повернувшись, я заметил нечто, из-за чего у меня упало сердце: букет увядших тюльпанов в хрустальной вазе. Дыхание у меня участилось, в кончиках пальцев стало покалывать. Они завяли, они мертвы. Единственное воистину чистое в этом мире – и вот оно мертво.

Красный туман поглотил меня.

Четверг, 29 июля (настоящее время)

– Мак, что это такое? – спросил он. Его ноздри раздувались, на шее набухла вена. От его неожиданного вопроса я подскочила на месте. О чем это он? Я посмотрела по сторонам. Все как будто на месте. Здесь всегда все на месте. О чем он? Оказывается, он, тяжело дыша, смотрел на увядшие маки.

– Виновата, Клевер. Ничего не могла поделать, – прошептала Мак.

Ничего не могла поделать с чем? Что тут такое происходит, черт возьми? Он смотрел на нее ледяным взглядом, от которого у меня сердце похолодело. Неужели он теперь убьет Мак?

– Прости, Клевер. Они только что завяли. – Страх, который слышался в ее голосе, приводил меня в ужас. Цветы завяли. Конечно, черт возьми, завяли! Ваза с ними стоит в подвале под землей! Я не могла поверить своим глазам. Он вел себя как дурак.

Он медленно подошел к Мак, глядя на нее глазами хищника.

– Ты не ухаживала за ними, – проревел он.

Ухаживай за цветами. Он что, не в своем уме?

Мак отпрянула и покачала головой.

– Я ухаживала, но они... они...

– Не мямли! – закричал он, заставив нас всех вздрогнуть. – Ты позволила им увянуть!

– Да нет. Клянусь. Я не позволяла. Мне самой очень их жаль, Клевер, – прошептала она, умоляюще глядя на него широко раскрытыми глазами. Он сделал шаг вперед, она прижалась спиной к стене. Что он, черт возьми, затеял?

Роза обняла меня и крепко прижала к себе.

– Все будет хорошо, – еле слышно пробормотала она. В самом деле? Или он убьет Мак из-за увядших цветов? Он что, думал, они будут стоять вечно? Я в страхе прижалась к боку Розы.

Мак подняла обе руки вверх.

– Клевер, честное слово, я заботилась о них. Но они увяли.

Ноздри у него раздувались. Он поднял руку и отвесил Мак пощечину.

Она застонала и схватилась за щеку. Я не верила своим глазам. Как можно приходить в ярость по такому пустяшному поводу?! Это ни в какие ворота не лезет.

Он схватил цветы из вазы и швырнул их на пол. Я еще сильнее прижалась к боку Розы, уткнулась головой ей в плечо, продолжая краешком глаза следить за происходящим. Что он задумал? Как раз, когда я решила, что он сейчас что-то сделает Мак, он развернулся на пятках и выбежал из подвала. Только услышав, как захлопнулась дверь наверх, я отпустила Розу.

– Все хорошо, Мак, – утешала Роза, поглаживая руку Мак.

Мак кивнула и сделала глубокий вдох.

– Все в порядке. Лилия, не дрожи. Все уже хорошо, честное слово. Со мной все в порядке.

А со мной – нет.

– Иди, сядь, – они с Розой переглянулись. Кажется, они собираются объяснить мне, что здесь только что произошло.

Я села на диван и подтянула колени к подбородку.

– Зачем он это сделал?

– Он не любит, когда увядают цветы, – прошептала Мак.

Я чуть не рассмеялась. Он не задумываясь убивает человека, но не любит, когда увядают цветы!

– Он не любит, когда увядают цветы, – повторила я, вдумываясь в эти слова. Нет, серьезно, это бред какой-то!

Мак вздохнула.

– Не знаю, в чем дело, но он говорит, что цветы чисты и прекрасны. Природа прекрасна и чиста. Наверно, поэтому он так себя ведет. – Она обвела рукой тюрьму, в которой он держал нас. – Так он представляет себе идеальную семью.

– Четыре девушки и четыре букета, запертые в подвале?

Мак едва заметно улыбнулась.

– Я не утверждаю, что в этом есть смысл. По крайней мере, для нас. Это всего лишь моя теория.

– По-моему, она недалеко от истины, – заметила Роза.

Я покачала головой.

– Да что с ним такое?

Роза почесала себе макушку.

– Не знаю, Лилия.

– Саммер! – крикнула я. Роза отпрянула. Кажется, она чувствовала себя виноватой. Хотя это была не ее вина.

– Прости, просто не люблю, когда меня так называют.

– Теперь ты Лилия. Уж извини. Я всего лишь пытаюсь тебе помочь. Если будешь держаться за себя прежнюю, сойдешь с ума. Прими эту жизнь, и тебе сразу станет легче. – Роза поднялась с дивана и пошла в спальню. Я опустила голову и уставилась в пол. Я не смирюсь с жизнью здесь. Никогда.

Роза ушла в ванную принимать душ, а я пошла в спальню. Хватит нам разговоров на сегодняшний вечер. Мак пришла и села в ногах *моей* кровати.

– Лилия, сначала надо принять душ.

Я легла и закрылась одеялом.

– Как, черт возьми, он узнает? К черту душ! Это просто смешно.

Я не хотела идти под душ. Я хотела домой и еще, чтобы девушки вели себя как нормальные люди, от этого жизнь здесь станет не такой невыносимой. Фиалку он убил прямо у меня на глазах, но ни Мак, ни Роза о ней не упоминали. «Все будет хорошо», – только и было сказано, когда они смыли кровь.

То ли Фиалка была девушкам безразлична, то ли им действительно удалось совершенно отгородиться от происходящего в подвале. Я так не могла. Всякий раз, закрывая глаза, я видела на полу безжизненное тело Фиалки. В ушах по-прежнему звучал ее крик, когда Клевер ударил ее ножом. Она пыталась выбраться из подвала не только потому, что не могла выносить жизнь здесь – она спасала меня. Не хотела, чтобы я прошла через то, что пришлось три раза вынести ей.

Меня донимало чувство вины. Надо было сказать ей, что мы должны затаиться и, пока нас не найдут, оставаться Фиалкой и Лилией. Тогда, может быть, она до сих пор оставалась бы с нами. Мне не хватало ее и казалось, что я знала ее давным-давно. Она доверилась мне и рассказала то, о чем не рассказывала другим, пыталась спасти меня, и мне было очень одиноко без нее.

Пятница, 30 июля (настоящее время)

Я проснулась в полной темноте. Одеяло закрывало почти всю голову, от этого было жарко. Я откинула его и вздохнула. Мне снился Льюис. Он тоже находился в подвале, и мы могли отсюда уйти, но я Льюиса боялась. Мы с ним лежали на диване и смотрели кино. Он, как уже бывало тысячу раз, играл с моими волосами. Клевера здесь не было, но были Роза и Мак. Я надеялась, это знак, что Льюис найдет нас и что все с нами будет хорошо.

Я заставила себя встать с кровати. Глядя на невероятно чистую комнату, в которой все одного тона, я поняла, как далеко от дома нахожусь.

Дома у меня в комнате всегда такой беспорядок, что, прибравшись, я уже ничего не могу найти. Глубоко вздохнув, я попыталась не расплакаться. Как же я устала от плача и от ощущения бессилия. Слезы ни к чему не приведут. Надо сосредоточиться, быть сильной и не упустить случая выбраться отсюда. А до тех пор придется играть в семью.

Дверь распахнулась, и в спальню вошла Мак.

– Вот хорошо, что ты не спишь. Тебе надо...

– ...принять душ и подготовиться, – закончила я за нее. – Да, знаю. – Мак фальшиво улыбнулась и вышла из спальни. Наверно, будет убираться в тысячный раз за это утро. Я попыталась представить, что было бы, если б он, спустившись в подвал, застал здесь ужасный беспорядок: яичница размазана по стенам, мусор вывален из ведра на пол. Фиалка тоже могла бы сейчас бегать по кухне, заканчивая приготовления к завтраку. Роза и Мак, кажется, даже не замечали отсутствия Фиалки – Дженнифер. Вели себя так, будто ее никогда здесь не было.

* * *

Я привела себя в порядок, как требовалось, вышла из ванной и села на диван. Как они еще тут с ума не сошли? Год за годом, день за днем умудряются сохранять здравый рассудок. Я не могла представить, во что бы превратилась здесь за три года.

– Хотите, помогу? – спросила я.

Роза повернулась и, впервые увидев меня сегодня, тепло улыбнулась.

– Нет, спасибо. Все уже готово. Садись за стол. Он скоро спустится. – Все это она проговорила сухо и деловито. *Открой же глаза, Роза!*

Я села и, барабанив пальцами, стала ждать. Тикали часы, отсчитывая секунды, мое напряжение нарастало. Он должен скоро прийти, но я не знала, когда именно. Послышался лязг ключа в замке, звук, которого я так боялась, и дверь подвала распахнулась. Вот оно! Я затаила дыхание, сердце в груди колотилось.

– Доброе утро, цветы, – сказал он, спускаясь по лестнице.

– Доброе утро, – ответили Роза и Мак. Получилось синхронно, как будто это их реплика в пьесе. Так я и буду к этому относиться. Я тоже играю в пьесе. Все это как бы понарошку, и я буду играть свою роль, пока нас не найдут.

Он остановился у начала лестницы и посмотрел на меня.

– Доброе утро, Лилия. – Голос стал более строгим. Он хотел, чтобы я

тоже поздоровалась. Лицо у него покраснело. Он ждал.

Я поднялась с места. Руки дрожали.

– Доброе утро, – тихо ответила я и заставила себя взглянуть в его холодные, грязно-карие глаза. Он торжествующе улыбнулся и осмотрел меня. Мне было неловко, по коже пошли мурашки. Я не смела отвернуться. Нет, я не доставлю ему такого удовольствия – не покажу, что мне не по себе от его взгляда. Если он этого добивается. Не все ли ему равно, что я чувствую? Конечно, все равно. О том, что я чувствую, он, видимо, даже не догадывается.

– Ты очень красивая, Лилия. – В животе у меня что-то сжалось. Я стиснула кулаки и вонзила ногти в ладони. С точки зрения закона я еще ребенок. От его взгляда, скользившего по моему телу, я чувствовала себя оскверненной. – Что ж, приступим к еде, – сказал он. – Пахнет, девочки, замечательно.

Я с облегчением вздохнула и села. Пахло действительно аппетитно, но есть я не могла. Он положил что-то на край стола. Газета. Сердце у меня запрыгало. В ней обо мне? Искушение схватить ее и прочитать было непреодолимым, но я слишком боялась Клевера.

Мы ели в молчании, все думали о газете. Мне очень хотелось узнать, что происходит за стенами нашей тюрьмы.

– Ну очень вкусно. Спасибо. Увидимся вечером, за ужином, – он ушел, не поцеловав, по обыкновению, Розу и Мак. Впрочем, они этого, кажется, и не заметили, но я была за них рада.

Я не смела взять газету, пока он не запер дверь. Раскрыла ее и ахнула. На первой странице – мой портрет крупным планом. Фото сделали несколько недель назад, на вечеринке по случаю дня рождения моей тети. На фотографии был и Льюис, но в кадре поместилась лишь часть его головы со стриженными черными волосами, глаз не было видно. Жаль, что не видно лица.

Я погладила газетную страницу там, где должно было находиться изображение Льюиса, и закрыла глаза. Слезы потекли по щекам и стали с легким стуком падать на газету. Тяжело видеть эту фотографию, тяжело читать о себе, но, по крайней мере, я узнала, что меня ищут. Меня ищут и найдут, это лишь вопрос времени. Но сколько же я здесь выдержу?

– Это Льюис с тобой? – спросила Мак, заглядывая мне через плечо. Я кивнула, не решаясь заговорить, – боялась разреветься в голос. Мак положила руку мне на плечо и слегка пожалала его.

– Сочувствую, Лилия. – *Саммер*. – Вечером посмотрим кино, хорошо?

Да, для разнообразия. Она сказала это так, будто речь шла не о

единственном возможном для нас занятии, а редкой возможности получить удовольствие.

– Конечно, – кивнула я.

Мак улыбнулась:

– Сегодня вечером Клевер принесет попкорн.

Принесет... и останется здесь на весь вечер? Сердце у меня упало. Я кивнула и пошла к большому шкафу выбрать себе книгу, чтобы чем-нибудь заняться и перенестись хотя бы на время в другой мир.

Чтобы скоротать время, я начала читать «Жену путешественника во времени»^[2]. Каждая секунда в подвале, казалось, растягивалась на многие часы. Переворачивая страницу, я задумалась: сколько же книг я прочту до того, как выберусь отсюда? Десятки? Сотни? Тысячи?

– Лилия, пора готовить ужин, – Роза положила руку на страницу книги, чтобы привлечь мое внимание. Я подняла глаза и оцепенела. Оказывается, я провела за чтением весь день. Улыбнувшись, я дала себе обещание читать все время, пока меня не найдут.

– Хорошо, – сказала я, заложила страницу закладкой и поставила книгу на полку. Будь я дома, я бросила бы книжку на кровать, но Клевер помешан на чистоте и аккуратности, так что не стоит играть с огнем.

Поставив ужин в духовку, мы прибрались и убедились, что все в полном порядке. Роза и Мак так пеклись о чистоте, что меня это пугало.

– Сейчас только причешусь, – сказала я и ушла в спальню, не желая присутствовать при его появлении. Ожидание этого момента давалось мне тяжело – сердце, казалось, разорвется в груди.

Я села на кровать и, чтобы успокоиться, начала делать глубокие успокаивающие вдохи. *Просто подыгрывай, только это от тебя и требуется. Только это.* Как будто это можно вынести, не сойдя с ума. Из-за двери донеслись голоса: он пришел. Преодолев страх, я открыла дверь и заставила себя улыбнуться.

– Ах, Лилия, я так рад, что ты с нами, – сказал он с улыбкой. – Иди, иди, садись. Ужин почти готов, верно, Роза?

– Через две минутки, Клевер. Уже подаю, – ответила она.

Не обращая на него внимания, насколько это возможно, я помогла Розе и Мак подать ужин. Затем села, и он уставился на меня. Я понурилась и начала передвигать еду по тарелке. Мне было не по себе. Все уже доели, а я едва осилила половину и уже больше не могла проглотить ни кусочка.

– Разве ты не голодна, Лилия? – спросила Мак.

– Да нет. Я немного устала. – Это была ложь. Физически я несколько не устала, просто мне хотелось быть где угодно, лишь бы не в одном

помещении с ним. Стоило взглянуть на него, и перед глазами вставала картина: он убивает Дженнифер.

– А теперь посмотрим кино и расслабимся, – сказала Роза, проворно убирая со стола. Если бы существовал мировой рекорд по скорости уборки, Роза бы легко его побила. Уж не следствие ли это трехлетнего пребывания в подвале?

Мак насыпала попкорн в большую пластиковую миску, и мы все уселись на диван. Он был достаточно велик для четверых, но, желая оказаться как можно дальше от Клевера, я тесно прижалась к боку Мак. Он сидел между мной и Розой – все равно довольно близко ко мне. Из-за неудобной позы и от напряжения у меня заболели мышцы.

Фильм «Дневник памяти»^[3] я смотрела с Льюисом, который без конца зевал. Если в фильме нет машин, драк и наготы, ему неинтересно. Чего бы я сейчас не сделала, чтобы вернуться к нему и слушать его жалобы на скуку!

Клевер закинул руку на спинку дивана, и я сжалась. Сердце забилося, я не могла сосредоточиться на происходящем на экране. Примерно посередине фильма он легко, едва ощутимо провел пальцами по моим волосам. Я замерла. Нет! Хватая ртом воздух, я уставилась себе в колени и закрыла глаза, представляя, что нахожусь где угодно, но только не на диване. Я пыталась управлять дыханием – три секунды вдох, три секунды выдох, – надеясь, что это отвлечет меня от происходящего и успокоит сердце, которое колотилось как бешеное.

Он гладил меня по волосам до конца фильма. Потом встал, пожелал всем спокойной ночи и ушел. Я бросилась в спальню, легла и накрылась одеялом. Казалось, что тысячи крошечных насекомых копошатся у меня на коже. Я поджала колени к подбородку и разрыдалась в подушку. Через несколько секунд она вся промокла.

Воскресенье, 31 июля (настоящее время)

Со времени исчезновения Саммер прошла неделя, и все это время я почти не спал. Отдыхал немного, чтобы совсем не свихнуться, все остальное время тратил на поиски. Вид у меня был ужасный, и я читал тревогу в глазах родителей. Положение казалось безнадежным, но я не сдавался. Зона поиска расширилась, но никаких следов Саммер по-прежнему не обнаружили.

Ее фотографию каждый день показывали по местному и национальному телевидению, нам помогали добровольцы. Говорят, сутки с момента исчезновения имеют ключевое значение для успеха в поисках. Не знаю, каковы наши шансы на успех теперь, когда прошла уже неделя. Если где-то оставалось хоть что-нибудь, будь то отпечатки пальцев или ДНК, не смыло ли их дождем? Сколько они могут сохраняться? Я отчаянно хотел узнать это, но боялся спросить.

Кто-то мог что-либо видеть или знать. Невозможно, чтобы человек вот так взял и исчез. Мы понимали, что Саммер похитили, но подозреваемых не было. Люди, которым нечего делать, много раз звонили нам, предлагая свои версии, но ни одна из них ни к чему не привела.

Я ехал домой к Саммер, где меня ждали наши родители и ее брат. Два дня назад они все вместе уговорили меня поужинать наконец по-настоящему, но я все равно собирался быстро поесть и продолжить поиски. При всяком перерыве я испытывал чувство вины. Что если я упускаю что-то важное?

— Льюис, — мама обняла меня, как только я вошел в двери. Мне было тяжело с ними. Не потому, что я не люблю их. Просто мне казалось, что они лучше меня переносят напряжение этой недели. Они и спали, и ели, а я едва мог дышать.

— Милый, тебе надо бы побольше спать, — мама нахмурилась, глядя на темные круги у меня под глазами. Ну да, я дерьмово выгляжу, но кто бы в моем положении выглядел иначе?

Не обращая внимания на ее замечание, я прошел в кухню, где хлопотала Дон: терла на терке сыр, каждые несколько секунд помешивая

бобы, варившиеся на плите. Последние дни она старалась все время чем-то себя занимать, чтобы не сойти с ума от невыносимого ожидания. Домашний телефон всегда был рядом с ней – она и двух шагов без него не делала.

– Льюис, садись. Уже почти готово, – Дон внимательно взглянула на меня и помешала бобы в кастрюле.

Отец Саммер Дэниел, ее брат Генри и мой отец сидели за столом перед разложенной картой. Дэниел поднял голову и улыбнулся мне:

– Рассматриваем зону, не охваченную полицией.

Эта зона меня и смущала. Границы поиска расширили, но достаточно ли? Что если Саммер находится в километре от этой границы или в нескольких метрах от нее? Местность, прилегающую к нашему дому, которая теперь включала в себя и лес, обследовали уже не раз и не два. Впрочем, в лесу скорее найдешь не живого человека, а тело.

Я сел и отогнал от себя мысль о том, что Саммер мертва. Не мог представить ее холодной и бледной, не мог поверить в возможность ее смерти. Для меня она будет жива и здорова, пока не появятся веские основания предполагать противное.

– По-видимому, все беглецы направляются в эту часть города, – сказал отец, указывая на место на карте, находившееся в двадцати минутах ходьбы от нас.

– Саммер ведь не убежала из дому, – сказал я, нахмурившись.

– Согласен, но, Льюис, отсюда не следует, что такую возможность надо исключить. Может быть, кто-то видел ее там. Может быть, она была не одна.

С похитителем.

– Хорошо. Едем.

– Нет-нет. Сначала поешь. Я серьезно, Льюис, – решительно сказала мама. Я почувствовал себя ребенком, которого отчитывают за то, что насыпал соли в сахарницу.

Не чувствуя вкуса, я проглотил ужин и через несколько минут был готов ехать. Я не сознавал, как проголодался, пока не поел.

– Ну что? – я отодвинул пустую тарелку. – Поехали?

Отец, Дэниел и Генри поднялись с мест.

– Льюис, заедешь домой, возьмешь Тео, и вместе поезжайте в восточную часть города. Мы втроем начнем с западной, встретимся в центре. Сначала тщательно обследуйте окраину. Если что-то и отыщем, то именно там, – сказал отец. Организовывать людей – его конек. Вряд ли он понимает суть дела лучше остальных, но, по крайней мере, он способен

рассуждать спокойно и логично, тогда как я просто готов носиться по округе, осматривая каждый уголок. Дэниел и Генри, в отличие от Дон, были спокойны. Мне кажется, они тоже крепились: старались верить, что мы найдем Саммер живой.

– Тео готов? – спросил я, так как не собирался его ждать.

Отец кивнул.

– Готов и ждет, так что поехали.

* * *

Я подъехал к нашему дому и посигналил. Ну же, Тео! Парадная дверь открылась, из нее вышел мой брат. Я завел двигатель, чтобы тронуться, как только он сядет.

– Едем в город? – спросил Тео. Едва он закрыл дверь, я дал газу.

– Да.

Он кивнул и посмотрел в окно. В последнее время мы с ним если и говорили, то только о поисках Саммер. А раньше говорили почти обо всем. Тео всего на год старше меня, так что мы были очень близки. Сейчас все это изменилось. Все, что нас занимало раньше, превратилось в ничто. Ничто не имело значения.

– Каков план?

– Ищем, продвигаясь с востока на запад навстречу отцу, Дэниелу и Генри. Встретимся с ними в центре.

– У тебя есть ее фотографии?

Всего тысяча штук в телефоне.

– Да. – У меня была копия фотографии, опубликованной в газете. Портрет Саммер крупным планом. Прекрасное лицо, обрамленное золотистыми волосами. И эти всегда улыбающиеся изумрудно-зеленые глаза. Я так любил смотреть на них, просыпаясь утром, перед тем как тайком выбраться из ее комнаты.

– Льюис.

– Что?

– Как ты? Как себя чувствуешь?

Ужасно. Я не знаю, где она и что с ней, и это пытка. Только бы знать, что она в безопасности. Вздыхнув, я ответил:

– Нормально.

Тео нахмурился и, отвернувшись, стал смотреть в окно.

– Что ты хочешь от меня услышать, Тео?

– Правду.

– Правду! Если честно, то я подыхаю на хрен! Это ты хочешь услышать?

– Именно, – ответил Тео. – Мы найдем ее.

Мы ехали через город. *Мы найдем ее.* Я не сомневался, что найдем, вопрос – когда? Ее мог похитить кто угодно, и мне даже думать не хотелось о том, что с ней сейчас происходит. Я сжал руль так, что костяшки пальцев побелели. Что если с ней жестоко обходятся?!

– Стоянка вон там, – Тео показал на ветхое многоэтажное здание. Почти каждый сантиметр этого унылого бетонного сооружения покрывали колоритные надписи. Вряд ли машина будет на месте ко времени нашего возвращения. Еще недели две назад я бы никогда не оставил ее в таком месте. Теперь, если бы она и взорвалась, мне было бы все равно.

Я припарковался как можно ближе к выезду, и мы глухими закоулками вошли в город.

– Не представляю, с чего начать.

Тео почесал макушку.

– Я тоже. Может быть, начнем возле главной улицы? – Мы прошли между двумя магазинами и двинулись вдоль длинной улицы. Двое подростков, хихикая, сидели на лестнице у входа в студию пирсинга, явно под кайфом.

– Простите, – сказал я, не дожидаясь, пока они успокоятся. – Вы не видели эту девушку? Ее зовут Саммер Робинсон, ей шестнадцать лет.

Девчонка покосилась покрасневшими глазами на фотографию. Парень с удовольствием рассматривал Саммер. Я стиснул челюсти и приказал себе сохранять спокойствие, хотя мне очень хотелось дать ему по роже. Всклобоченная девчонка покачала головой и криво усмехнулась.

– Нет, извини, чувак, не видела.

– Никогда ее не видел, к сожалению, – едва ворочая языком, сказал парень. Хотелось бы верить, что Саммер не где-нибудь здесь, в компании с полуживыми подонками вроде него.

– Спасибо, – буркнул Тео и потащил меня дальше.

Меня донимало ужасное ощущение, что мы здесь попусту теряем время. Даже если кто-то и видел Саммер, разве признается? Казалось, здесь каждый уважает право и желание другого исчезнуть. Но Саммер не желала исчезать.

Мы с Тео ходили еще полтора часа, показывая каждому встречному фотографию Саммер. Разумеется, никто ничего не видел, по крайней мере, так нам говорили.

– Не знаю, что теперь делать, – сказал я, хотя мне следовало знать.
– Будем искать дальше. Это все, что мы можем.
– Ладно, давай встретимся с группой отца и попробуем где-нибудь еще.

Мне так ее не хватало, что я испытывал физическую боль, как будто мне снова и снова бьют под дых. Оставалось только искать, но от бесплодных поисков болело только сильнее. Когда-то я говорил ей, что не позволю никому обидеть ее, а вот теперь никак не могу ей помочь.

Воскресенье, 1 августа (настоящее время)

Проснулся от светившего в лицо яркого солнца. Посмотрел на будильник Саммер, ахнул и сел. Черт, я проспал! Почти десять часов. Я отбросил одеяло и вскочил с кровати. Как, черт возьми, я могу так долго спать, когда Саммер неизвестно где! Быстро одевшись во вчерашнюю одежду, я сбежал вниз. Почему меня никто не разбудил?

– Льюис, иди завтракать, – крикнула мама, когда я пробежал мимо кухни, чтобы взять рюкзачок. Сегодня я тщательно осмотрю небольшой лесок возле парка.

– Некогда, – ответил я.

– Льюис! Иди поешь сейчас же, – приказала мама.

Я вздохнул и зашел в кухню.

– Ну, тогда дай мне с собой что-нибудь.

Дон сидела за кухонным столом, уставившись невидящим взглядом в полную чашку кофе. Рядом лежала телефонная трубка. Со времени исчезновения Саммер Дон с ней не расставалась.

Мама дала мне увесистый пакет с едой.

– Спасибо, – пробормотал я и выбежал из дому. У меня самого в рюкзачке лежали запасы провизии – все, что больше всего любит Саммер: банки со спортивными напитками, солодовое драже, мармеладные мишки, шоколадные батончики «фрут-энд-нат», имбирные пряники в виде человечков. Но без Саммер я их есть не собирался.

Я оторопел, увидев толпу возле дома. Репортеры-новостники выстроились вдоль невысокой кирпичной ограды.

– Льюис, Льюис! – закричали все сразу. Засверкали вспышки фотокамер.

Не отвечая на вопросы репортеров, я сел за руль и повернул ключ зажигания. В это время открылась передняя пассажирская дверца.

– Я с тобой, – Генри опустил на сиденье и пристегнул ремень. Я

кивнул, нажал на газ и мысленно сказал себе: *Сегодня я найду ее*. Но это я повторял каждый день.

Пятница, 11 марта (2005 года)

Я остановил фургон в самом темном углу стоянки и направился к универмагу. Никогда еще я не чувствовал себя таким одушевленным. Очень скоро она станет моей, мне не терпелось окружить заботой мою идеальную Фиалку.

Погода для марта стояла теплая, но, несмотря на это, улицы были пустынные. Два последних вечера девушка ютилась у входа в старый обувной магазин. Я прошел по переулку между угловой лавчонкой и банком. Как я и надеялся, Фиалка сидела, прислонившись к двери магазина «Обувь Бентли».

– Привет! – я улыбнулся прекраснейшему из созданий. Я бы никогда этого не признал, но красотой она затмевала маму. Она была чиста и невинна, и это тотчас привлекло меня к ней.

Вздвогнув, она подняла на меня взгляд.

– Привет, – нерешительно сказала она. Глаза светло-голубые, как тропический океан. Волосы пушистые, темно-каштановые. Я знал, что они будут лежать гладко и красиво. – Чем я могу вам помочь?

– Я бы хотел угостить вас кофе, – улыбнулся я.

Она приоткрыла рот. Потом нахмурилась, глаза потемнели.

– Зачем? Я, знаете ли, не такая.

Я поднял руки вверх.

– Нет-нет, я совсем не то имел в виду и очень рад, что вы... не такого типа девушка. Я просто хотел угостить вас горячим кофе и, может быть, чем-нибудь еще. Тут неподалеку есть кафе, оно работает круглые сутки.

– Нет, так не пойдет. Чего вы от меня хотите?

– Ничего. – *Просто хочу тебе помочь.* – Пожалуйста, позвольте предложить вам поздний ужин.

– Только ужин?

Я, улыбаясь, кивнул.

– Ну да.

Она подумала и медленно поднялась.

– Ладно.

Сердце у меня запрыгало.

– Прекрасно. Идемте.

– Меня зовут Кэтрин.

Это имя ей вовсе не к лицу. Ей идет имя Фиалка.

– Колин, – представился я и предложил ей руку. – Есть хотите, Кэтрин?

– Хочу, – ответила она, улыбнулась и опустила глаза в землю.

– Что ж, кафе недалеко. – Она шла рядом, примерно в полуметре от меня. Мне это не нравилось. – Давно вы здесь живете, Кэтрин?

– Ну... почти год.

– Давно. – Как ее так называемая семья позволяет ей спать на грязной и небезопасной улице? – Прекрасной молодой женщине не пристало спать на холоде. О вас должны заботиться, лелеять вас.

Фиалка покраснела и наклонила голову так, что волосы заслонили от меня ее лицо. Ее застенчивость потрясла меня. Я к такому не привык. Мама была женщина сильная и властная. Другие женщины, с которыми мне приходилось сталкиваться, продавали себя за деньги. Фиалка оказалась первой милой, мягкой и невинной девушкой, с которой я познакомился.

– Где это кафе? – спросила она.

– Недалеко. Вы там не бывали?

Она покачала головой.

– Нет, я держусь другой части города, там больше народу.

– Эта часть тоже неплоха, Кэтрин, просто немного запущенная. А кафе приличное.

Она оглянулась через плечо и прикусила губу. Уж не задумала ли убежать? Улицы были пустынные, если не считать нескольких бездомных, которые грелись у магазинов.

– Далеко еще? – спросила она и оглянулась назад. Мой фургон был уже всего в нескольких метрах от нас. Мы почти пришли.

– Я, пожалуй, пойду обратно.

Мы подошли к задней двери фургона. Я достал из кармана ключи и отпер ее. Замок щелкнул, мигнули габаритные огни, Фиалка ахнула.

– Что это значит? – она широко раскрыла глаза.

– Все в порядке, Фиалка. Я буду о тебе заботиться.

– Фиалка? Что? Я не... – она сделала шаг назад и оглянулась через плечо, глядя, куда бежать. Я вздохнул. Она не понимает, что я хочу сделать. Не понимает, от чего я пытаюсь спасти ее. Еще не поняла. Вдруг она вздрогнула и осела на асфальт. Я удивленно смотрел на нее: девушка потеряла сознание. Быстро открыв заднюю дверь, я положил Фиалку в фургон.

Я перенес ее на диван. На лестнице она очнулась и с тех пор не переставала плакать. Потрясенная и дрожащая, она оглядела комнату. Несмотря на слезы и потекшую тушь, она была прекрасна.

– Фиалка.

– Я... н-н-не Фиалка, – она заикалась и хватала ртом воздух.

– Пожалуйста, перестань плакать, Фиалка, – сказал я. – Успокойся. Все будет хорошо.

Она несколько раз глубоко вздохнула и попробовала расслабиться, но все равно время от времени всхлипывала, и эти звуки ранили меня как нож. Сильные женщины не плачут. Мама никогда не плакала.

– Чего вы от меня хотите? – прошептала она.

– Мне нужна семья.

Ее глаза в ужасе расширились.

– Я не буду вынашивать вашего ребенка!

– Ребенка? – Я не говорил, что хочу этого. Хочу ли я ребенка? Нет. И уж, конечно, не сейчас и не от женщины, которую едва знаю.

– Фиалка, я не хочу ребенка. Семья не определяется потомством. Я хочу, чтобы мы впятером образовали семью. Я буду заботиться о вас всех, а вы, в свою очередь, будете заботиться обо мне. – Разве не на этом основывается семья?

– Что? Впятером?

– Это не сразу. Пожалуйста, чувствуй себя как дома. Я создал все это для тебя, для всех вас. Не бойся меня. Я хочу помочь тебе. Хочу заботиться о тебе, Фиалка.

– Почему вы называете меня Фиалкой?

Я нахмурился.

– Этим именем?

– Да.

– Потому что это твое имя, – я улыбнулся. – А теперь я уйду и спущусь сюда к завтраку в восемь утра и потом к ужину в половине седьмого. Боюсь, работа не позволит нам видеться днем в будни, так что обедать вместе будем только по выходным. – Фиалка смотрела на меня невидящими глазами, челюсть у нее отвисла самым неженственным образом. – Пожалуйста, не смотри на меня так.

Она закрыла рот.

– Зачем вам это?

Вздохнув, я поднялся. Что в моих словах осталось для нее неясным?

– Это я уже объяснил. Мне нужна семья, и я бы хотел уберечь ее от... – я остановился, не находя подходящего слова, которое она бы поняла, – от растрепанности, боли, унижения.

– Вот как, – сказала она в ответ, и это показалось мне удивительным. Поняла ли она меня теперь? – Но со мной ничего такого не происходит. Я просто хочу уйти.

– Фиалка, если я что-то не люблю, так это людскую неблагодарность. – У нее снова открылся рот, и она подняла брови. Лицо этой девушки способно принимать тысячи разных выражений.

– А теперь, пожалуйста, позволь мне разъяснить тебе правила. – Ее глаза расширились, и она молча кивнула. – Итак. Я буду о тебе заботиться. И вообще обо всем. От тебя же мне надо, чтобы в доме всегда было чисто и опрятно. Я не выношу грязь и беспорядок. Они *омерзительны*. – Ее глаза распахнулись еще шире. – Ты должна дважды в день принимать душ, ведь микробы распространяются быстро. – Я поднял брови.

– Понятно, – прошептала она.

– Я обеспечу тебя всем необходимым – едой, туалетными принадлежностями, развлечениями. Мы – семья, Фиалка, и скоро у тебя появится здесь компания.

Она открыла и закрыла рот.

– Компания?

– Да, компания. Я понимаю, тебе пока трудно это принять. Это непривычно, но, поверь, правильно. Нам обоим понадобится время, чтобы приспособиться, так что несколько дней просто привыкай к новой обстановке. А с понедельника мы начнем жить по новым правилам. Договорились?

Я видел, что у нее миллион других вопросов. Но сейчас для них не время.

– Отдыхай и устраивайся. Хочешь, покажу тебе здесь все или осмотришься сама?

– Сама, – прошептала она.

– Очень хорошо, – она сидела на диване в гостиной, в главной части отведенного для них помещения, где были еще спальня, кухня, ванная и комнатка рядом с гостиной. Идеальная оранжерея для моих цветов.

Суббота, 12 марта (2005 года)

– Доброе утро, Фиалка, – сказал я, спускаясь по лестнице. От волнения

у меня бурлило в животе. Я хотел, чтобы с ней и со всем остальным все было в полном порядке. Вчера я ей все объяснил, но, боюсь, она не совсем поняла. Она сидела на диване, подтянув колени к груди. Точно так же она сидела возле магазина.

– Все хорошо?

Она смотрела на меня, разинув рот, как будто у меня выросла вторая голова.

– Да, – кивнула она наконец. Я широко улыбнулся. Душа у меня ликовала. *Теперь она моя.*

Суббота, 31 июля (настоящее время)

Я проснулась с тяжелой головой, как будто накануне вечером выпила лишнего. Горло болело от долгого плача. Я до сих пор ощущала прикосновение его руки к моим волосам, и у меня шел мороз по коже. Только бы он не дотрагивался до меня больше.

– Лилия, как ты? – Роза присела ко мне на кровать.

Саммер.

– Все в порядке, – соврала я.

Она кивнула, и по ее лицу расплылась теплая улыбка.

– Прими душ. Через полчаса Клевер придет завтракать. – *Пусть уж лучше убьет меня сразу.*

Вздохнув, я поднялась с кровати. Я не хотела сдаваться. Не такая уж я слабая. Мысли о воссоединении с Льюисом и моими близкими поддерживали во мне надежду, что я выберусь отсюда. Что бы ни случилось здесь, я все переживу, ведь скоро я выйду на свободу и вернусь домой. *Думай об этом так, будто все это происходит с кем-то другим, будто это происходит с Лилией, а ты – не Лилия.*

Я взяла одежду из шкафа и пошла в ванную. Черные бриджи, светло-голубая футболка и кардиган в тон. Хотя одежда и современная, в ней я выглядела не на шестнадцать, а на двадцать лет. Все мне великовато, но это даже хорошо: не облегает фигуру. Я не хотела, чтобы он меня разглядывал.

Быстро приняв душ, я оделась и мысленно приготовилась играть свою роль. Раньше я подолгу простаивала под душем, но сейчас ограничилась пятью минутами. Теперь макияж. Я собиралась нанести на лицо тонну косметики только потому, что ему это не нравится. С чего он взял, что может указывать мне, как выглядеть? Этого я даже Льюису не позволяла!

– Лилия, – позвала из-за двери Роза. В то же время послышался скрип двери в подвал. – Иди скорей.

Меня охватила паника. Я распахнула дверь ванной и выбежала в гостиную. Хотела присутствовать при его появлении, чтобы не давать ему повода меня искать. Клевер как ни в чем не бывало спускался по лестнице. Каждый день я не переставала поражаться его заурядному виду. Разве такие

как он не должны походить на чудовищ? Не может быть, чтобы они ничем себя не выдавали в обычной жизни. Но нет, он выглядел вполне обыкновенно.

– Доброе утро, цветы, – бодро проговорил он. Мы с Розой и Мак хором ответили «доброе утро». Чтобы не выделяться. Он сел на свое обычное место и жестом предложил мне сесть напротив. Я затаила дыхание и опустилась на стул.

Неужели никто не замечает в нем ничего странного? Должен же хоть кто-то заметить. Насколько я понимаю, он живет один. Неужели никому это не кажется странным? Немного замкнутый тридцатилетний мужчина живет совсем один. Я молила бога, чтобы хоть кто-то внимательно присмотрелся к его манере играть роль идеального джентльмена и поделился своими подозрениями с полицией.

– Выглядит невероятно аппетитно, – он улыбнулся Розе. Речь шла об омлете на кусочках поджаренного хлеба. – Цветы, я собираюсь за покупками. За новой одеждой для вас.

Кому-то же должно показаться странным, что взрослый мужчина, явившись в магазин в одиночку, покупает целый воз женской одежды? Впрочем, его могут принять за трансвестита. В конце концов, проще допустить это, чем то, что происходит на самом деле.

– Отлично, спасибо, – ответила Мак. Он посмотрел на меня, и я улыбнулась, молясь, чтобы улыбка выглядела улыбкой, а не гримасой.

– Надеюсь, вам понравится.

Роза одарила его улыбкой.

– Конечно, понравится.

Вот это вряд ли.

– Ну и прекрасно. Одежда, которая сейчас на вас, вполне недурна, но, если вы соберете всю остальную, вечером я ее унесу. Ужин, пожалуйста, приготовьте сегодня к восьми.

Наступило молчание, которое, похоже, никому не казалось неловким. Я заставила себя проглотить немного яичницы и тост. Он смотрел на Розу совсем не так, как на Мак. Наверное, он и относится к ним по-разному. Если б я не знала, что душа у него холодная и мертвая, я бы решила, что он искренне любит Розу. Почему именно ее?

– Ты не мог бы купить нам новую тушь для ресниц? – спросила Роза.

Я чуть не расхохоталась, хотя ничего смешного в этом не было.

Тарелки девушек опустели. Я отстранилась от своей и прислонилась к спинке стула. Клевер поднялся из-за стола.

– Сегодня принесу вам свежую газету, – сказал он. Еще одна газета.

Хорошо бы в ней была фотография Льюиса. Или хоть кого-нибудь еще. Мне так хотелось увидеть любимых.

Поцеловав в щеку Розу и Мак, он сделал шаг в мою сторону. Сердце замерло, я затаила дыхание. Что сейчас будет? Он остановился прямо передо мной. Я прикусила язык. Он наклонился и поцеловал меня в щеку. Все мышцы у меня напряглись, я изо всех сил пыталась подавить позыв к рвоте. Хотелось закричать. Секунду помедлив, он повернулся и пошел к лестнице.

Едва он вышел, я кинулась в ванную. По коже шли мурашки, меня тошнило, я казалась себе грязной. Я подняла сиденье унитаза, и меня вырвало. Было такое ощущение, будто щеку мне намазали дерьмом.

– Лилия, – Мак встала рядом со мной на колени. – Все будет хорошо. Успокойся, надо быть сильной.

Я привалилась к стене и разрыдалась. Я просто хотела домой.

– Я н-н-не хочу, чтобы он прикасался ко мне, – проговорила я, заикаясь. Надо придумать, как его отпугнуть.

– Тихо, – Мак протянула мне салфетку. – Я тоже не хочу. Просто придется делать то, что необходимо. – В этом весь секрет? *Делать то, что необходимо?* А он, значит, пусть делает что хочет.

– Будем надеяться, что это лишь временно, пока нас не найдут. Потерпи, все устроится.

«Будем надеяться» – не слишком оптимистично, но, похоже, только это нам и оставалось. Я кивнула и поднялась на ноги. *Соберись.*

– Ладно. – Мак улыбнулась и жестом дала понять, чтобы я шла за ней. Глубоко вздохнув и приказав себе не падать духом, я вышла из ванной.

– Будем смотреть кино? – спросила я.

– Мы с Розой собирались почитать, но ты посмотри, если хочешь.

Я покачала головой.

– Также почитаю. – Главное – затеряться в другом мире, будь то мир книги или фильма. Я выбрала на полке самую толстую книгу и села на диван. Прочитала несколько глав. Роза поднялась с дивана, прошла в кухню и надела резиновые перчатки.

Подняв глаза от страницы, я наблюдала за ней. В наших комнатах все чисто и опрятно – свалка, где весь мусор зарывают в землю. Роза, как я заметила, занимается уборкой больше, чем Мак, и, кажется, вовсе не ради того, чтобы угодить Клеверу. Она так же одержима чистотой, как и он. Она распылила чистящее средство на кухонный стол и стала протирать его круговыми движениями. В комнате запахло лимоном. *Там вообще не было грязи.* Роза протирала совершенно чистую поверхность!

Внимательно осмотрев комнату, я поняла, что для него важна не только чистота. Книги на полке между ванной и спальней стоят в алфавитном порядке по названиям. Как и диски с фильмами. Предметы на полках под лестницей расположены на равных расстояниях друг от друга. Неужели он измеряет эти расстояния? Не может быть, чтобы мания завела его так далеко.

На кухне все тоже в одних тонах и выстроено рядами. *Маньяк!* В вазах стоят, понурясь, розы и маки. Мои лилии еще не завяли. Какой смысл ставить цветы в подвал, где они так быстро вянут? Он просто бросает деньги на ветер – какая расточительность!

Льюис дарил мне подсолнухи – он говорил, я на них похожа. Обычно он приносил цветы, когда я на него за что-то злилась. Я бы отдала что угодно, лишь бы сейчас быть дома и смотреть на подсолнухи, чем любоваться лилиями в тюрьме.

– Так, – Роза убрала резиновые перчатки на место в шкаф. – Теперь надо разобраться с одеждой. Клевер просил, чтобы к его возвращению мы сложили ее в мешки.

Он купит нам новую одежду. *Что ж, по крайней мере, не придется донашивать одежду убитых.* Роза улыбнулась и помахала двумя большими черными пакетами, как будто ей предстояло развлечение, которого она давно ждала.

– Приступим.

Я неохотно пошла за девушками в спальню и открыла свой гардероб. Роза встряхнула мешки и разложила их посередине комнаты. Свободного места осталось не так уж много. Проход между кроватями узкий, вдвоем не разойдешься.

– Всю одежду? – спросила я.

– Всю, – кивнула Роза. – Я соберу и свои вещи, и Фиалки.

Молча мы сложили одежду в мешки. Роза и Мак несколько раз переглянулись, смысла их взглядов я не поняла. Я нахмурилась и спросила:

– Зачем ему это?

– Не знаю, Лилия, – ответила Роза.

– Меня зовут Саммер! – воскликнула я.

Роза вздохнула и покачала головой. Может, ей проще было принять жизнь в подвале потому, что она сравнительно давно порвала отношения со своей семьей. Но я-то не порвала! Я люблю своих близких, хоть они порой и сводят меня с ума. Невозможно представить, что я никогда не увижу их снова.

– Теперь ты, Лилия, – Роза окинула меня твердым, почти суровым

взглядом. Я сердито уставилась на нее. *Может, ты и сдалась этому придурку, но я не сдамся!* Так мы смотрели друг на друга некоторое время – глаза в глаза. Мак, не поднимая головы, разбирала вещи, но мне казалось, что к жизни в подвале она относится не так, как Роза. Не сомневаюсь, получи Мак возможность выбраться отсюда, она бы ею воспользовалась.

Наконец Роза вздохнула.

– Давайте заканчивать. Этот я отнесу. – Она взяла у Мак завязанный мешок и вышла из спальни. *Да ради бога!*

– Что это с ней?

Мак едва заметно пожала плечами:

– Три года здесь – срок немалый.

Да и три минуты – тоже!

– Надо держаться друг друга. – Мак говорила это уже не в первый раз, и я подумала, что таким образом она пытается себя убедить. Ну, будем мы держаться друг друга, и что? Волшебным образом окажемся на свободе? Эта мысль поразила меня. Нет. Мак говорит не о побеге. Она говорит о выживании. Сердце у меня упало. Я-то раньше думала, что мы с нею заодно.

Я запихнула оставшуюся в шкафу одежду в мешок. Глупо: нас трое, а он один. Мы могли бы вырубить его, ударив чем-нибудь по голове – стулом, телевизором, да чем угодно, – но я не справлюсь с этим в одиночку.

Подняв тяжелый черный мешок, я перенесла его в гостиную и бросила рядом с другим. Два черных мешка – в них вся наша одежда, доставшаяся в наследство от убитых девушек. Я замерла. А куда делись вещи, в которых я была в день похищения? Я даже ни разу о них не вспомнила. Он забрал их? Может, это имеет какое-то значение?

– Отлично поработали, девочки, – сказала Роза. – Свяжу-ка я что-нибудь. Хотите вместе со мной? – Мак кивнула. – А ты, Лилия?

– Я не умею. – Мне шестнадцать, а не шестьдесят.

– Не беда. Мы тебя научим. Мак, тащи спицы для Лилии и начнем.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула. *Только не плачь.*

– Зачем вязать? – В подвале не было ничего вязаного. Что же они делают со своими связанными вещами?

– Мы вяжем не для себя, а для других.

– Что?

– Клевер отдает эти вещи благотворительным организациям. – *Или только говорит вам так.* А вдруг он их сжигает? Девушки же не могут об этом знать.

– Взрослый мужчина с вязаными вещами? Не выглядит ли это как-то

странно?

Роза нахмурилась.

– Вряд ли. Скорее всего, он оставляет вещи в специальных пакетах – благотворительные фонды их присылают.

Ах вот как! Его никто не видит, пакет забирают от крыльца в его отсутствие. Ловко придумано.

Урок вязания, преподанный мне Розой, продолжался час и был очень содержателен. Было страшно скучно, но, по крайней мере, я на время отвлеклась от своих мыслей. Видимо, потому-то девушки и вяжут: чтобы не думать о происходящем в подвале.

Выживание.

* * *

Едва мы приготовили ужин, послышался лязг ключа в замке. Кровь отлила от моего лица, голова закружилась. Идет! Принесет ли он и сегодня газету? Хорошо бы с фотографией, на которой я изображена с кем-нибудь еще, все равно с кем, лишь бы увидеть кого-нибудь из любимых.

Он спускался по лестнице, глядя на нас.

– Добрый вечер, цветы, – сказал он. Я сделала шаг назад. Сердце у меня бешено колотилось. – Вот ваша новая одежда. – Он положил чуть ли не десяток пакетов рядом с черными мешками и улыбнулся. – Вижу, все уложено. Очень хорошо.

Роза и Мак подошли к покупкам с радостными улыбками. *Играй свою роль, подражай им.* Я сделала маленький шагок вперед. Так я могу видеть Клевера и вместе с тем изображать, что заглядываю в пакет. Комната не настолько велика, чтобы отойти от него на такое расстояние, как мне хотелось бы. Где бы я ни находилась, я была слишком близко к нему.

– Теперь, пожалуйста, переоденьтесь в одежду из этого пакета, а ту, что на вас, отдайте мне.

Сейчас? Мне совсем не хотелось лезть в пакет с покупками. По крайней мере, одежда там наверняка скромная, закрытая и уж точно не сексуальная. Но одеваться по его вкусу так унижительно.

Роза кивнула. Какая же она послушная! Впрочем, я уже видела, как он наказывает за непослушание.

– Хорошо, – она взяла пакет из его рук. – Давайте, девочки. – Я, потрясенная, пошла в спальню. Неужели все это происходит наяву? Роза перевернула пакет и вытрясла из него четыре комплекта одежды. Все

совершенно одинаковые: элегантные серые брюки, розовые с неглубоким вырезом топы на бретельках и розовые в тон кардиганы. Как будто форменная одежда.

– Все одинаковые, – Мак констатировала очевидное. Может, он хочет, чтобы мы походили друг на друга во всем?

– Давайте быстренько переоденемся, – сказала Роза. – Они все одного размера, так что берите, что под руку попадется.

Я взяла комплект и посмотрела на ярлычки – десятый размер. Что мешало ему каждой купить одежду подходящего размера? Господи, неужели предполагалось, что мы все носим десятку?

Переодевшись, мы вернулись в гостиную.

– Прекрасно выглядите, девочки, – он улыбнулся. *Псих, псих, псих!*

Роза просияла.

– Спасибо, Клевер. И спасибо за одежду. – Мне хотелось основательно встряхнуть Розу. Либо она нуждается в медицинской помощи, либо ей надо присудить «Оскар».

Клевер сделал шаг назад и поцеловал руку Розы.

– Пожалуйста. Рад, что вам нравится. – При виде этой сцены меня едва не вырвало, но Роза даже не поморщилась.

– Лилия, – она повернулась ко мне. – Не беспокойся. Ты у нас скоро поправишься и снова станешь, какой была.

И снова станешь, какой была. Я стиснула челюсти и заставила себя улыбнуться. Я не собиралась набирать вес, особенно для него. Если он хочет, чтобы я поправилась, я собираюсь только худеть.

– Мак, и тебе тоже эта одежда невероятно идет.

Она наклонила голову.

– Спасибо.

Явно довольный собой, он хлопнул в ладоши.

– Ну что? Теперь поедим?

* * *

Я продела дурацкую спицу в дурацкую петлю (у Розы для нее было какое-то название), и все связанное мною распустилось – опять! Мне хотелось развлечься, а не в петлю лезть.

– Хватит! – я бросила вязание на пол.

– Лилия, у тебя все получится, – засмеялась Роза.

– Я не хочу, чтобы получалось. Я... хочу... домой.

Роза и Мак переглянулись.

– Кажется, пора ей кое-что дать, – сказала Роза.

– Что дать? – воскликнула я.

– Клевер купил газету. Она была в одном из пакетов. Мы не отдали тебе ее сразу, потому что ты и так была расстроена, и мы не хотели тебя еще сильнее огорчать, – объяснила Мак.

Я выпрямилась, широко распахнув глаза.

– Где она?

– Сейчас принесу, – Мак ушла в спальню и вернулась с федеральной газетой. – Вот.

Я выхватила ее, раскрыла на первой странице. Сердце остановилось. Льюис. Нас сняли вдвоем, когда мы весной ездили в парк Олтон-Тауэрз. Заголовок и текст статьи померкли и исчезли, я видела только лицо Льюиса. Он улыбается, обнимает меня за плечи и кажется таким счастливым. Вдруг примерка одежды для психопата перестала меня беспокоить.

«Если это необходимо, чтобы снова увидеть Льюиса, – мелькнуло в голове, – я это вынесу».

Я так увлеклась газетой, что не расслышала, как открылась дверь подвала. Внезапно раздался оглушительный крик. Я подскочила на месте. Клевер тащил за собой худенькую девушку. На полпути вниз она упала, скатилась к подножию лестницы, да так и осталась там лежать. Я прижала газету к груди.

Клевер встал над ней.

– Дрянь! – выкрикнул он. – Мерзкая шлюха! – Слова «шлюха» или «ублюдок» совершенно ему не подходили, казались какими-то чужеродными. Как если бы десятилетний мальчик назвал свою подружку «секс-бомбой».

Клевер схватив девушку за волосы и заставил подняться.

– Отпустите. Пожалуйста, отпустите меня, – молила она, всхлипывая.

– Заткнись, – закричал он и толкнул ее к стене. – Паршивая шлюха!

Сердце у меня стучало так громко, что я едва слышала слова Клевера.

– Мак, – заскулила я, прижимаясь к ней. Так я чувствовала себя почти в безопасности. Это напомнило мне, как в детстве во время салюта я от страха прижималась к маме.

– Тихо, – прошептала Мак.

Клевер толкнул новую девушку, она ударилась о стену и закричала от боли.

– Нет, пожалуйста!

– Заткнись, просто заткнись! – Клевер приблизил к ней лицо, она, плача, отвернулась. – Меня тошнит от таких как ты.

– Пожалуйста, отпустите меня. Я никому ничего не скажу, – слезы текли у нее по лицу, тушь размазалась.

– Ты отвратительна. Вы все отвратительны.

– П-простите. Пожалуйста, отпустите меня. – Он покачал головой и вытащил из кармана нож. Я ахнула.

Я смотрела на них, не в силах отвернуться. Девушка громко всхлипывала и дрожала.

– Пожалуйста, не надо, пожалуйста...

Надо было что-то предпринять. Я хотела было выступить вперед, но Мак удержала меня на месте.

– Нет, – прошептала она.

Он снова схватил девушку за волосы. Она кричала и отбивалась. Без колебаний он ударил ее ножом в живот. Я поперхнулась, девушка испустила дикий крик. Закрыв глаза, я съежилась за спиной Мак.

Вдруг все звуки стали громче: его тяжелое дыхание, ее стоны. Через несколько секунд она умолкла, тело с глухим стуком упало на пол. Теперь было слышно только его дыхание.

Он убил ее.

Я не смела открыть глаза, страхась того, что мне предстоит увидеть.

– Уберите здесь, – его громкий голос пронзил меня насквозь. Я задрожала. Он командовал так, будто мы ее убили.

Мак вскочила. Я потеряла равновесие и раскрыла глаза. Он бегом поднялся по лестнице и захлопнул за собой дверь подвала. Очень медленно я перевела взгляд на пол, и меня едва не вырвало. Все мое тело сотрясилось от ужаса. Роза и Мак собрали необходимое для уборки и принялись за работу. О чем они сейчас думают? Я смотрела на них и не могла догадаться. Легче ли им оттого, что они незнакомы с убитой?

Они работали споро. Роза энергично орудовала шваброй, сжав губы и избегая моего взгляда. Казалось, Мак вытирает следы грязной обуви, но ее потрясение было более заметно. По крайней мере, она выглядела удрученной. Мы даже не знали имени бедной девушки. Есть ли у нее семья, дети? Так или иначе, у нее была жизнь, которую он отнял, как будто не имело никакого значения, жива она или мертва.

Я медленно пошла в спальню и закрыла за собою дверь. Я не хотела видеть, как он придет за ее телом, а Роза и Мак будут вести себя так, будто ничего не случилось. Я легла и заплакала в подушку.

Пятница, 15 июля (2005 года)

– Доброе утро, Фиалка. А у меня новости, – сообщил я, спускаясь по лестнице в подвал. Новости были прекрасные. Мне не нравилось, что нас только двое. Незанятые места за столом нарушали гармонию. Три места вокруг него пустовали.

Фиалка, стоя у кухонного стола, взбивала яйца, но оторвалась от работы и посмотрела на меня.

– Новости, Клевер?

– Да, еще один сюрприз. Узнаешь примерно через день. – Фиалка красивая молодая женщина. Два дня назад я привез сюда Мак, и Фиалка уже знала, что сюрприз – это появление нового члена семьи. С тех пор я еще не видел Мак, ей требовалось время, чтобы освоиться. Я не сомневался, что она у нас приживется. Как ни хотел я, чтобы она поскорее влилась в нашу семью, все же надо было дать ей несколько дней, чтобы привыкнуть. Я так долго ждал ее, подожду еще немного.

– Что на завтрак? Омлет с тостами?

– Да.

Я улыбнулся.

– Одно из моих любимых блюд.

– Умеешь готовить?

– Умею. Мама научила. – Глаза у меня расширились, и я мысленно выругал себя за то, что проговорился. Я не хотел говорить о маме членам моей новой семьи, они не должны знать об этой стороне моей жизни. – Долго еще?

– Пять минут. Кстати, у нас кончаются продукты.

– Сегодня вечером доставят заказ. Я потом перенесу сюда.

– Спасибо.

Я сел, глядя на пустующие места. Пальцы барабанили по деревянной столешнице, будто жили своей жизнью. Меня одолевало нетерпение. Все слишком затянулось. Семья уже должна была быть в полном составе. Фиалка мне очень нравилась, но оставаться нос к носу с нею становилось невыносимо.

Поставив еду на стол, она села.

– Спасибо, Фиалка. Можно задать тебе вопрос?

– Конечно.

– Тебе одиноко? – Она опустила глаза, ответ был ясен и без слов. – Фиалка, ответь мне, пожалуйста, – попросил я. – Мне не нравится, когда ты от меня что-то скрываешь.

– Да. Мне бывает одиноко. Извини.

– Я так и думал, и, пожалуйста, не извиняйся, – я едва мог скрыть радость оттого, что скоро привезу сюда Розу и Лилию. Четыре прекрасных чистых цветка. – Разве Мак – неподходящая компания?

Фиалка встревожилась.

– Подходящая. Но надо дать ей немного привыкнуть. С нею все будет хорошо.

– Знаю. Естественно, она боится, ведь все здесь для нее так ново. Ей уже лучше?

– Да. Но рана на голове все еще болит. Пусть спит, я ее не бужу.

– И правильно, – я отпил из стакана апельсиновый сок. – Какие планы на сегодня? Совсем забыл о книжках. Но скоро заполню ими всю полку.

– Спасибо. Я как раз сегодня хотела почитать, – она потыкала вилкой в омлет. – Клевер...

– Да?

Она прикусила губу.

– Я прежде любила вязать и подумала, не мог бы ты достать мне спицы и шерсть?

– Умеешь вязать? – Я слышал, что бабушка у меня хорошо вязала, но мама никогда не бралась за спицы. По крайней мере, я такого не припомню.

– Да. Меня бабушка в детстве научила. Я вязала кардиганы, шарфы, перчатки, носки, да что угодно. Это успокаивает и расслабляет. Мне нравится что-то свое. В наше время не так уж часто увидишь вещи ручной работы – все продукция массового производства.

Я улыбнулся.

– Да, ты права. Но я не знаю, что именно тебе требуется. Может быть, приготовишь мне список?

Глаза у нее загорелись, и мое сердце дрогнуло.

– Конечно! Спасибо! Свяжу тебе зимнюю шапку.

– Это было бы прекрасно, Фиалка, спасибо. Как бы то ни было, надо идти на работу. Что сегодня на ужин?

– Лазанья и салат. Как тебе такое меню?

– Отлично. – Я обошел стол и поцеловал ее в щеку. – Спасибо за

завтрак, желаю приятно провести день за чтением.

– На здоровье, и тебе удачно поработать, – ответила она, лучезарно улыбаясь. Я кивнул и вышел из комнаты.

Суббота, 16 июля (2005 года)

Остановившись на небольшой парковке за складом, я осмотрел улицу. *Где они?* Я нахмурился. Неужели я упустил такую возможность? Хотелось верить, что нет. Хотелось верить, что я не упустил Розу и Лилию из-за своей медлительности, но ведь до сих пор действовать было преждевременно.

– Ну же, – шептал я. На сердце у меня было тяжело. Они где-то здесь, одни. Эта мысль казалась ужасной особенно теперь: ведь их ждали семья и приготовленное мною безопасное жилье. Кто-то подошел к машине и постучал в окно.

Я вздрогнул от неожиданности и опустил стекло. К окну наклонилась молодая женщина. Одежды на ней было совсем немного.

– Что надо? – спросил я. Вопрос прозвучал более грубо, чем мне бы хотелось, но я понимал, кто она такая.

Она улыбнулась и склонила голову набок.

– Не хочешь прокатиться куда-нибудь вместе?

Она, видимо, считала, что мне от нее – от любой из них – что-то надо. Мне стало нехорошо. Перед мысленным взором промелькнули образы отца и той женщины. *Грязная шлюха.*

– У меня есть жена, – сказал я, желая убедиться в ее безнравственности.

Она пожала плечами.

– И что?

И что? Я скривил губы.

– Садись, – сказал я. Она не колебалась, ее не смутил даже мой суровый тон. Прошла перед капотом и села на пассажирское сиденье. В нос ударил запах дешевых духов.

– Лес здесь неподалеку. На перекрестке налево, – сказала она.

Я сжал руль.

– Я знаю более подходящее место, – ответил я.

По дороге домой я думал о маме. Гордилась бы она тем, что я не сдался? С тех пор как она умерла, я не слишком рьяно следовал ее заветам. Да и не хотел этого. А теперь пришло время завести семью и попробовать начать все заново. Да, с моей стороны это эгоизм. Я отчаянно устал от

одинокства, больше всего на свете мечтал завести семью и все же ничего не мог поделать с ненавистью, которую вызывали у меня женщины вроде этой. Не было сил противиться желанию что-то исправить.

Через десять минут я свернул на подъездную дорожку к дому и выключил двигатель. Сердце трепетало, меня подташнивало. Я не думал, что вернусь сюда так скоро. Происходящее считалось не моей жизнью. Я не так наивен, чтобы предать забвению все, созданное мамой и мной, но мне хотелось чего-то и для себя.

– Это твой дом?

– Да, – ответил я. – У меня тут есть специальная комната.

Она захихикала.

– Извращения за дополнительную плату, ты в курсе?

Я промолчал и вышел из машины. Где ее самоуважение? Его нет. Интересно, в каком возрасте она стала шлюхой? Все больше и больше девочек-подростков становится проститутками. Что ж удивительного, что некоторые совершенно теряют представление о нравственности. Видимо, теряют ее вместе с невинностью.

В доме я отодвинул книжный шкаф и открыл дверь.

– Ух ты, секс-подвал? Садомазо? – я снова промолчал и кивком велел ей идти по лестнице первой. Она без колебаний стала спускаться по ступеням.

Но с лестницы увидела девушек.

– Какого?..

– Встань к стене, – приказал я.

Она прижалась к цементной стене.

– Что ты собираешься делать? – спросила она. – И кто они? Я такими делами не занимаюсь.

– Не задавай вопросов. Закрой глаза. Ну!

– Нет. Послушай, я всего лишь хочу уйти, ладно? Что бы тут у вас ни происходило, это не мое дело. Я об этом никому не скажу.

– Закрой глаза. – К моему удивлению, она повиновалась. – До свидания, – прошептал я и вытащил из кармана складной нож. Она вдруг открыла глаза, а я бросился вперед и ударил ее ножом в живот.

Пронзительный крик эхом отозвался в комнате – это вскрикнула одна из девушек. Я не сводил глаз со шлюхи. Она сползла по стене на пол. Я вздохнул с облегчением и обернулся.

– Дело сделано.

Фиалка в ужасе уставилась на меня.

– Что ты сделал?!

– То, что должен был. Не волнуйся, Фиалка, дело сделано. Она больше никому не причинит зла. Я об этом позаботился. Я всегда буду заботиться об этом. – Я ничего не мог с этим поделать.

– Н-но что? Клевер, так... нельзя, – прошептала Фиалка. Ее глаза расширились от испуга, руки тряслись. *Нельзя.* Я мысленно повторил это слово. Нет, нельзя делать то, что делала эта шлюха. Теперь она никому не причинит зла, я предотвратил это. Теперь ни один ребенок не потеряет из-за нее отца.

Сердце бешено колотилось. Как она смела сказать мне «нельзя»? Руки сами сжались в кулаки. Я глубоко вздохнул, чтобы совладать с гневом. *Она просто не понимает, что я делаю, только и всего.*

– Фиалка, ты не понимаешь.

– Да, – сказала она. – Я действительно не понимаю.

– Я не сделал ничего такого, чего делать нельзя. Ты ведь знаешь, кто она? – Фиалка кивнула, по-видимому, она понимала, что убитая – проститутка. – Хорошо. Как, по-твоему, можно позволить им разрушать семьи? Одеваться вызывающе, отдаваться всякому, у кого есть деньги? Это можно?

– Нет, – ответила она, и по ее щеке скатилась слеза. Наконец-то она начала понимать.

– Верно, нельзя. – Я оглянулся на Мак, сидящую на диване. Она вся дрожала. – Как, по-твоему, Мак, можно это так оставить? В конце концов, полиция никак им не препятствует. – Мак покачала головой. Глаза широко распахнуты, рот приоткрыт. Я улыбнулся. – Вот видишь. Я просто борюсь со злом, – я почесал голову. – А теперь надо все это убрать.

– Убрать? – вскрикнула Фиалка.

– Да. Наполнить ведро горячей водой, добавить мыла и отбеливателя. Взять мешки. – Фиалка и Мак стояли как зачарованные. – Живо, – рявкнул я. Я знал, где в шкафу под лестницей лежат мешки для тел. Со времени смерти мамы я их больше не покупал, но теперь понимал, что придется купить еще.

Я вернулся к Фиалке с большим черным мешком. Они с Мак уже начали уборку. Я прижал кулак ко рту и бросил мешок на пол.

– Положите тело сюда, – проговорил я, по-прежнему прижимая к губам кулак. Из раны в животе проститутки все еще сочилась кровь, и меня тошнило. Я дышал поверхностно и часто, по коже пошли мурашки. Я чувствовал себя грязным, будто микробы этой шлюхи ползают у меня по телу.

Бегом поднявшись по лестнице, я запер за собой дверь в подвал,

бросился в душ и встал под воду прямо в одежде. Скинув ее с себя, я схватил губку и начал до красноты тереть кожу.

Воскресенье, 17 июля (2005 года)

Я оставил машину на том же месте, что и накануне. Сегодня они сидели на скамье. Закрыв глаза, я сделал глубокий вдох. Я был счастлив. Обе они прекрасны. У Лилии длинные светлые волосы, золотистая вуаль. Роза – прямая противоположность: у нее волосы до плеч и черные как смоль. Обе одинаково привлекательны, обе совершенны.

Я вышел из машины, с трудом скрывая радость.

– Привет, – сказал я. Обе от неожиданности подскочили на месте. – Простите, не хотел вас напугать.

– Ничего, мы просто не видели, как вы подошли, – отозвалась Роза.

– Куда путь держите?

– Ну, – замялась Лилия. – Пытаемся добраться до Лондона. – До Лондона? До столицы еще ох как далеко. – Сюда добирались почти неделю, а оказывается, всего-то проехали восемьдесят километров. Пытаемся подрабатывать где придется, но деньги даются нелегко.

– Не знаю, заинтересует ли вас мое предложение, но я живу в шестидесяти километрах от Лондона. Готов, если хотите, подвезти вас до своего дома.

Глаза у Розы загорелись.

– Правда? Это было бы здорово.

– Конечно. И мне в дороге веселее будет. Я остановился, чтобы перекусить. Хотите сэндвичи?

– Еще бы, – с широкой улыбкой ответила Лилия. – Меня зовут Бри, а это Сейди.

Я заставил себя улыбнуться.

– Ну что? Идемте, Бри и Сейди? – Они кивнули одновременно, как будто раньше отрабатывали синхронность движений, и пошли со мной к машине. По дороге домой на душе было легко: я завершил важное дело. Четыре цветка. Четыре безупречно красивых, невинных, прекрасных женщины. Теперь у меня полная семья.

15

Саммер

Вторник, 14 декабря (настоящее время)

Пока Роза убиралась в ванной, я воспользовалась возможностью поговорить с Мак с глазу на глаз. Прошло почти пять месяцев с тех пор, как Клевер похитил меня и бросил в подвал, но меня не покидала надежда – даже после того, как вчера мне исполнилось семнадцать лет. Никто о моем дне рождения не знал (хотя Клевер наверняка мог бы выяснить), и потому на эту тему не было сказано ни слова. Как бы то ни было, праздновать мне не хотелось.

– Мак, – еле слышно прошептала я. Она подняла глаза от книги. – Когда ты потеряла надежду выбраться отсюда? – Этот вопрос я собиралась задать ей уже тысячу раз, но не смела. С Мак я связывала последнюю надежду предпринять что-то, чтобы оказаться на свободе, и боялась услышать, что она этого не хочет. Пять месяцев – довольно долгий срок. Пять месяцев – почти достаточно, чтобы он «полюбил» и изнасиловал свой «цветок». Я не могла умолять Мак помочь мне с побегом. Прежде надо убедиться, что ей можно доверять и что она действительно хочет вырваться отсюда. Но время шло, и оставалось уже недолго до поры, когда он потащит меня в *ту* комнату.

Мак поерзала на диване, как будто я спросила о чем-то слишком личном. Вопрос чертовски прост, а ответ на него – «Я не потеряла надежду».

– Дело не в том, что я потеряла надежду, Лилия. Дело в том, чтобы выжить, – ответила она. – Не знаю, удастся ли нам отсюда выбраться, но единственный наш шанс – смириться с тем, что здесь происходит.

Мне казалось, должен быть и иной путь.

– Как думаешь, твоя семья тебя ищет? – спросила я.

Она покачала головой и уставилась в пол. Я знала, что отношения с родителями у нее были не очень теплые, но кто же откажется от поисков ребенка, особенно пропавшего ребенка?!

– Меня не ищут, я знаю. Мы очень сильно поссорились, и родители сказали, что, если я уеду, домой могу не возвращаться. Раньше я думала, что меня ищет брат. И он, наверно, действительно искал некоторое время,

но сомневаюсь, что ищет до сих пор.

– Твои родители сказали так сгоряча. Иногда слова ничего не значат. – Я сама лет в двенадцать-тринадцать говорила родителям ужасные вещи. Чего бы я сейчас не отдала, чтобы взять свои слова обратно!

– Может быть, – Мак слабо улыбнулась. На нее нельзя было смотреть без слез. Каково это, когда твоим родителям безразлично, что с тобой происходит?! Я попыталась себе это представить и не смогла. – Но твоя-то семья тебя ищет. Как знать, может, нас и найдут.

Я кивнула.

– Да, будут искать. Льюис не откажется от поисков, пока не найдет... – Упорства ему не занимать. Мы с Генри и Тео, бывало, спорили, кто из нас самый упорный, держали пари, кто первым отступит в сложной ситуации. Обычно эти пари выигрывала я, но все равно считала, что Льюис упорнее. – Мы выберемся отсюда, – сказала я, обращаясь не столько к Мак, сколько к себе самой.

Она стиснула мне руку.

– Да.

Но когда? Мне надо выбраться до того, как он меня изнасилует.

– Почему ты ушла из дому? – Мак с трудом сглотнула, я видела, что ей по-прежнему тяжело даже думать об этом. – Извини, не отвечай, если не хочешь.

– Нет, все нормально. Просто дело в том, что здесь я никогда никому не рассказывала об этом в подробностях. В подвале не принято раскрывать душу, – сказала она и подмигнула. Я виновато улыбнулась. – Лет в двенадцать-тринадцать я связалась с дурной компанией. Меня брали на тусовки с наркотиками и алкоголем. Тогда мне казалось, что это все круто. Компания давала чувство уверенности в себе, и мне это нравилось. – Она улыбнулась и покачала головой. Я вполне понимала Мак во всем, кроме дружбы с дурной компанией. Мне не хватало уверенности в себе, выпив, я становилась общительней, но пила всегда очень мало, не больше, чем необходимо, чтобы немного расслабиться.

– Родителям это, конечно, не нравилось. Они пытались запретить мне общаться с друзьями, прятали вещи, заставляли меня разговаривать с другими родственниками, но я никого не слушала. Мои новые друзья понимали меня, по крайней мере, так мне казалось. Всякий раз, как я, пошатываясь, являлась домой после полуночи, домашние приходили в отчаянье. В конце концов они, кажется, решили, что с них хватит. Мы поскандалили, от меня потребовали, чтобы я обратилась за медицинской помощью и перестала поддерживать отношения с нашей компанией. Я

собрала вещи и ушла. Помню мамины слова: «Тебе нужна помощь, Бекка. Так что, если сейчас уйдешь, о возвращении даже не думай». Я и сейчас как будто это слышу. Надо было мне остаться. Жаль, что нельзя повернуть время вспять. Лучше бы я завалилась тогда к себе в комнату, чем хлопнула дверь и ушла, – она вздохнула. – А теперь я здесь.

Странно, но имя Мак подходило ей больше, чем Бекка. Может, потому, что с самого начала я звала ее Мак. Легко вообразить, через что пришлось пройти ее родителям, особенно после такого расставания. Нам надо выбираться отсюда: Мак и ее семья должны наладить отношения, хотя бы попробовать.

– Так, – Роза закрыла за собой дверь ванной. – Готово. Посмотрим кино?

А что еще остается? Правда, все фильмы мы уже пересмотрели по два раза. Он раз в месяц обменивал диски. У нас их около сорока, но, поскольку делать тут почти нечего, мы их быстро просматривали, и я почти возненавидела даже свои самые любимые картины.

– Как скажешь, – я плюхнулась на диван, готовясь провести еще один вечер у экрана.

Среда, 15 декабря (настоящее время)

Я быстро вытерлась полотенцем и натянула на себя одежду на размер больше моего. Интересно, будет он когда-нибудь покупать мне одежду моего размера или слишком заиклен на мысли, что у меня должен быть десятый? Впрочем, разве это важно?

Я взялась за дверную ручку и открыла дверь. Мы сегодня припозднились, Розе еще предстояло принять душ. Едва я вышла из ванной, она бросилась туда. Глаза широко раскрыты, лицо бледное. *Черт, что он сделает, если мы не успеем вовремя?* Этого я не знала – никогда не спрашивала, – да и не хотела знать.

Мак энергично взбивала в миске яйца. Хорошо, подумала я, что наш псих так любит запеченный омлет на тостах – его готовить просто и недолго. Я разорвала пакет с нарезанным хлебом и выложила на сковороду восемь кусков.

– Все нормально, Мак?

Она закивала, пытаясь усердно убедить нас обоих, что с ней все в порядке. Волосы у нее взлетали и опускались.

– Поставь, пожалуйста, тосты в духовку.

Я так и сделала. Сердце у меня отбивало сверхурочные.

Взвинченность девушек мне не нравилась. Обычно в его присутствии они держались раскованно и уверенно. Как Роза может мириться с происходящим здесь, если она явно испугана?

Дверь в подвал открылась, одновременно из ванной вышла Роза, и мы начали подавать завтрак. Я несла две тарелки и вдруг почувствовала прикосновение к спине. По слабому запаху лосьона после бритья поняла, что это Клевер.

– Пахнет невероятно аппетитно, – сказал он. Я напряглась и улыбнулась ему через плечо, стараясь скрыть отвращение. Потом повернулась, отступила от него назад и поставила тарелки на стол.

Сердце, бешено колотившееся в груди, стало успокаиваться. Сколько еще мне удастся избегать этого психа? Он сел, мы с Розой и Мак последовали его примеру, все в молчании принялись за еду. Он медленно жевал.

Наконец оторвался от тарелки и спросил:

– Как вам понравился вчерашний вечер?

Удручающе скучный, как и все остальные здесь.

– Понравился. Посмотрели несколько душевных фильмов, – ответила Роза. – А как прошел вечер у тебя?

Душевных? Для подвала больше всего бы подошли «Зомби» и «Техасская резня бензопилой». Нет ничего хуже, чем оказаться запертой у придурка Клевера.

Он слегка улыбнулся, глаза потемнели, бровь подергивалась. От его зловещего взгляда я похолодела. Что он сделал? Опять убил кого-то? Получил ли удовольствие от убийства или просто «выполнил свой долг»? Вряд ли я смогу понять, что им движет, даже если бы он объяснял до конца света. Хотя он очень сообразительный. Если Мак и Роза правы, что он действительно хочет изменить мир к лучшему, то мог бы действовать иначе. Все в его наружности вызывает доверие. Он кажется нормальным, добрым, надежным. Я не могла постичь, откуда при этом у него такой сдвиг по фазе.

Я покачала головой. Что толку пытаться понять эту гниду? Психиатры нашли бы у него немало интересных заболеваний.

– Что такое? – спросил он. От этих слов я подскочила на месте и через плечо посмотрела туда, куда был направлен его взгляд. О нет! Темно-красные маки в вазе безжизненно поникли. Сердце у меня учащенно забилося. Лилии и розы выглядели тоже неважно, концы стеблей внизу под водой у них стали коричневыми. Цветы понемногу увядали – иначе и быть не могло!

Он встал, резко оттолкнув стул, и тот упал на пол. Я сжалась. Роза и Мак быстро поднялись со своих мест. Я замерла от ужаса, понимая, что за этим последует.

– Что... такое? – глаза у него остекленели, он стал похож на доктора Джекилла и мистера Хайда. Настроение у него менялось моментально. Он вообще не в состоянии контролировать себя, когда видит увядшие цветы? – спрашивала я себя. Не может же он не знать, что происходит со срезанными цветами. Почему тогда он не остановится?

– Прости, Клевер. Они завяли, – проговорила Роза тихим, умиротворяющим голосом, моля его понять то, что ей не следовало объяснять и за что не следовало извиняться.

– Они умерли, – медленно произнес он и задышал глубоко, но прерывисто, будто стараясь овладеть собой. Неужели же он снова не сможет сдержаться?

– Да, они завяли. Они умерли, потому что вы не умеете за ними как следует ухаживать! – он ударил кулаками по столешнице так, что стаканы с апельсиновым соком подпрыгнули, опрокинулись и сок потек по столу на пол.

Естественно, завяли. Ведь это же цветы! Как мог такой сообразительный человек не понимать этого? Или он понимал, но не мог принять? Все в нем непрямо и непросто. Я раньше считала, что хорошо разбираюсь в людях, но такого человека, как он, понять не могла.

Он сделал шаг, и мы с ним оказались по одну сторону стола. Я попятилась. Роза и Мак придвинулись ко мне и встали плечом к плечу. Если бы мы действовали заодно, мы бы выбрались отсюда. Правда, сейчас, когда он в таком состоянии, я бы не рискнула что-либо предпринять.

– Можете сказать что-нибудь в свое оправдание? – тихим и ровным голосом спросил он. Но это было даже страшнее, чем крик. Казалось, Клевер вполне владеет собой, но я понимала, что в любой момент он может сорваться. Он походил на собаку, играющую с воздушным шариком: ясно, что шарик лопнет, непонятно только, когда.

Все мы молчали. Наверное, от этого Клевер разозлился только еще сильнее. Он пошел вдоль стола. Между мною и им стояли Мак и Роза. Он ударил Розу по щеке. Она ахнула и сделала неверный шаг в сторону. Мак поддержала ее, все мы отступили на шаг назад. Я слышала свое учащенное дыхание и пыталась его успокоить.

Оттолкнув с дороги Розу, он схватил за руку Мак и притянул к себе. Нет! От пощечины она повалилась на стол, вскрикнула и ухватилась за живот, которым, видимо, ударилась.

– Вы все научитесь! – проревел он и, бросившись вперед, прижал меня к стене.

Я затаила дыхание и закрыла глаза, ожидая удара.

«Льюис, Льюис, Льюис!» – мысленно кричала я, мечтая оказаться где-нибудь в другом месте. Он ударил меня кулаком в подбородок, и я упала. Боль охватила половину головы. Прижав руку ко рту, я несколько раз глубоко вдохнула через нос.

«Не кричи, пусть делает что хочет», – твердила я себе. В челюсти пульсировала боль, в глазах стояли слезы, но я не плакала. Не подам вида, что мне больно.

Во рту появился металлический вкус крови, внутренняя поверхность щеки саднила: должно быть, ее поранили зубы. Я сглотнула, зная, что, если он увидит кровь, станет еще хуже. Я осела на пол и закрыла глаза. *Долго я этого не вынесу.*

– Уберите тут. Живо, – приказал он. Я открыла глаза. Он поднимался по лестнице. Вскочив на ноги, я побежала в ванную и прополоскала рот. Теперь, когда он ушел, я позволила себе выплакать слезы, стоявшие в глазах. Я села на пол, мне было так страшно и одиноко, что заболело сердце.

Четверг, 16 декабря (настоящее время)

Я сидела на диване с Розой и Мак. Телевизор был включен, но никто из нас не смотрел его. Мы с тревогой ждали возвращения Клевера. Сегодня он не приходил завтракать. Мысль о его возвращении пугала, но мысль о том, что он больше не вернется, пугала еще сильнее. Если он покинул нас, мы обречены на голодную смерть.

Челюсть у меня отекала, на месте удара остался синяк. Раны от зубов на внутренней стороне щеки так болели, что я могла есть только мягкую пищу. Красный след на лице напоминал о том, в каком состоянии находился Клевер и какой опасности я избежала. Всякий раз, как он расправлялся со мной или с кем-то еще, я всерьез сомневалась в возможности побега. Именно поэтому Мак не хотела ничего предпринимать: она ни на секунду не допускала мысли, что у нас может что-то получиться.

– Что будем делать? – спросила Мак, обращаясь к Розе. – Терпеть его становится все труднее, и ты это знаешь.

Их тревога приводила меня в ужас. Они так много повидали здесь, так привыкли к жизни в подвале, но теперь напуганы. Уж не из-за меня ли? Он

выбрал меня и привел в подвал, а у меня семья. А что если вокруг него сжимается кольцо? Даже когда Роза и Мак смотрели телевизор, судя по глазам, они постоянно думали о чем-то своем.

Роза покачала головой.

– Не знаю, но не сомневаюсь, что все будет хорошо. Будем, как обычно, держаться друг друга.

Меня уже тошнило от этих постоянных уверений, что все будет хорошо. Зачем они это повторяют? Они явно смирились с такой жизнью, а она вовсе не хороша. Что-то внутри у меня взорвалось, и я вскочила на ноги. Кровь во мне закипела.

– Роза, да посмотри вокруг! Мы заперты в подвале у психа. Как, черт возьми, все может быть хорошо?! – кричала я. – Может, наконец проснетесь?

– Ш-ш, Лилия. Ты не знаешь, где он сейчас, – прошептала Роза.

Я глубоко вздохнула и не стала говорить ей, что я не Лилия. Лилия – кто-то в его больной фантазии, а я – не она.

– О боже мой! Ну подумай же ты, Роза: пока дверь закрыта, мы не слышим этого говнюка. Ты всерьез думаешь, что он нас слышит? Вместо того чтобы изображать здесь сумасшедшую, может, начнешь вести себя как нормальный человек? Нас по-хи-ти-ли!

– Я в курсе, Лилия, но чего ты от меня хочешь?

Непохоже, что она в курсе. Я сжала кулаки. Да что, черт возьми, с ней такое?

– Хочу, чтобы ты вытащила голову из песка и подумала, как нам бежать отсюда. Хочу, чтобы ты перестала делать вид, что все это нормально. Почему вы не хотите выбраться отсюда? Если действовать вместе, мы с ним сладим.

– Это уже пробовали, – вступила в разговор Мак.

– Знаю, вы мне говорили, но еще ни разу на него не нападали одновременно втроем или вчетвером. С одной он, конечно, справится, но что он сможет сделать с тремя сразу? Подумайте: мы можем напасть на него и сбежать. Это может получиться. – Что я несу?! Еще две минуты назад это было невозможно, а теперь я произношу вдохновляющую речь перед своим войском.

Послышался скрип, заставивший меня вздрогнуть, и дверь подвала открылась.

– Может получиться, если сразу всем вместе, – прошептала я, умоляюще глядя на девушек.

– Нет, Лилия, – ответила Роза. Я отвернулась, чтобы не закричать на

нее.

Что-то бормоча себе под нос, Клевер нес три букета цветов. Я не могла разобрать всего, но расслышала только слова «телá» и «верблюд», хотя, скорее всего, мне это показалось. По крайней мере, с какой стати ему говорить о верблюде?

Роза глубоко вздохнула и тепло ему улыбнулась. Она казалась уверенной в себе, но опущенные руки слегка ударились о бедра: она дрожала.

– Добрый день, Клевер.

Он вздрогнул, как будто не ожидал нас здесь увидеть.

– Д-добрый день! – ответил он, заикаясь. Раньше он никогда не заикался. Если только не бесился по поводу цветов, говорил всегда очень уверенно и гладко. Как могло получиться, что он, увидев нас, удивился? Уж не думал ли он, что мы пришли из магазина на углу?

– Ты приехал пообедать? – спросила Мак, мельком взглянув на часы. В это время, то есть около двенадцати, он должен был быть на работе.

Держался он странно: говорил сам с собой и, казалось, не замечал окружающих. Лихорадочно осматривал комнату, как будто видел ее впервые. Я затаила дыхание и заметила, что Мак сделала шаг назад.

– Цветы, – сказал он и протянул их нам.

– Прекрасные цветы, Клевер, спасибо, – Роза выступила вперед и приняла у него из рук все три букета. Что ж, мы делаем вид, что все это нормально? Ни у кого не возникает никаких вопросов?

Вслед за Розой и Мак я перешла на кухню и наполнила вазы водой. Краем глаза я наблюдала за ним. Его взгляд метался по комнате, то и дело останавливаясь на двери в подвал. Кого он ждет? Полицию? Я еще не видела, чтобы он держался так странно. На себя непохож, и непонятно, как себя с ним вести. Может, лучше всего просто не обращать на него внимания?

– Клевер, не хочешь ли поесть? – спросила Роза.

– Нет, спасибо, – быстро проговорил он и улыбнулся.

Ни говоря больше ни слова, он поцеловал в щеку Розу и Мак и посмотрел на меня. Я снова затаила дыхание. Он подошел ко мне и тоже поцеловал в щеку. Мои ладони болели, и, только когда он пошел от меня к лестнице, я осознала, что вонзила в них ногти.

– Доброй ночи, цветы, – сказал он уже на лестнице, и забормотала что-то себе под нос. Я разобрала слова «телефон» и «телá».

– Доброй ночи? – повторила Мак, обращаясь к Розе. Значило ли это, что он уже больше сегодня не придет или что понятия не имеет о времени?

Роза пожала плечами и взглянула на него, как раз когда он выходил за дверь.

– Сделаю всем нам горячего шоколада.

Точно! От этого, Роза, все станет хорошо!

Обжигая язык, я быстро выпила горячий шоколад, едва почувствовав его вкус. Я снова и снова переживала прикосновение его губ к своей щеке. Постаралась отвлечься от этого ощущения, но мне все время казалось, как что-то слегка прикасается к лицу. Я чувствовала себя грязной.

– Приму душ, – сказала я. Мне надо было снова стать чистой, если это только возможно.

Включив душ, чтобы спустить холодную воду, я быстро сняла одежду. Вода была слишком горячая, но я терпела. Сколько я ни терла себя губкой, отвратительное ощущение не проходило. Как будто он оставил свои следы внутри кожи. Сколько же Роза терла себя губкой, да и терла ли вообще? Кажется, ей здесь нравится. Со мной такого никогда не случится. Никогда.

Среда, 9 мая (2007 года)

Я сидел за столом с Фиалкой, Мак и Лилией. Одно место пустовало, и это нарушало гармонию. Со мной должны сидеть четыре цветка. Я не мог ничего с собой поделаться: глаза помимо воли возвращались к незанятому стулу. Не хватало Розы. Мне было не по себе, и я не мог расслабиться.

– Все хорошо, Клевер? – спросила Лилия. В ее глазах светились любовь и тревога обо мне. От этого я чувствовал себя великаном ростом метров в тридцать. Лилия прекрасна. Она у меня в семье уже два года и превратилась в образец для других девушек. Мак и Фиалка берут с нее пример.

– Все хорошо, – я улыбнулся, несмотря на внутреннее напряжение. Ел молча, слушал их и вмешивался в разговор только по необходимости. Моя ступня, будто сама по себе, ритмично стучала по полу. *Это все неправильно.* Надо повидать Шэннон и найти Розу.

После ужина я пошел к себе в комнату и начал готовиться ко сну. Надо повидать мою Шэннон. Эта девушка не идет у меня из головы, все мои мысли только о ней. Это о ней я думаю, когда засыпаю. Я не хотел одного – заботиться о ней, но она должна быть в доме вместе со мной. Мы знакомы всего три недели, но она уже так много для меня значит. Шэннон – мой единственный шанс установить традиционные отношения.

Я надел красивые черные брюки, серый свитер и длинное черное пальто. Все должно быть идеально. Расчесал волосы, закрепил лаком, чтобы ни один волосок не торчал. Никогда еще внешний вид не имел для меня такого значения. Для нее я должен выглядеть как можно лучше. Я хотел подарить ей весь мир, разделить мой мир с нею.

Я быстро доехал до супермаркета возле ее хостела. Жаль, что дорога заняла так мало времени: мне нужно было еще несколько минут, чтобы успокоить нервы. Я не привык к такому, не привык нервничать из-за женщин. Едва остановив машину, я сразу заметил ее: она вышла из хостела и пошла на поле, расположенное за ним.

Сердце учащенно билось. Она прекрасна, хоть и не ухаживает за собой так, как следовало бы. С этим я ей помогу. Мы будем ухаживать друг за

другом. Я пошел следом за ней, глядя, как ее длинные темные волосы раздувает теплый майский ветер. Вдруг она обернулась: услышала хруст гравия у меня под ногами.

– Привет, Шэннон, – сказал я.

Ее щеки слегка порозовели, она улыбнулась.

– Привет, Колин. Хочу посидеть вон у тех деревьев. Не составите компанию?

– С удовольствием.

Мы молча прошли через луг к деревьям. Я сел рядом с ней, стараясь не обращать внимания на неприятное ощущение в животе: все-таки мы сидели на грязной земле.

– Как прошел день?

– Как обычно, – она пожала плечами и посмотрела в землю. – Я рада, что вы здесь, – призналась она, слегка покраснев, и тогда я понял, что мы идеально подходим друг другу, что все получится.

Я пожал ей руку. Ей не надо стесняться меня. Пусть чувствует себя уверенно и раскованно.

– Я тоже рад. Я сегодня скучал по вам.

С Шэннон все не так, как с другими. Она такая единственная. Это точно. С нею я... счастлив. Я чувствую вину за то, что она дороже мне остальных девушек, но с этим ничего не поделаешь. Шэннон идеальна, все женские качества в ней идеальны. Она должна жить со мной, стать моей женой – всем для меня. Она очень напоминает мне маму, поэтому поймет насчет девушек.

– Как дела на работе? – спросила она. Ее интерес неподдельный – она действительно хочет об этом знать. Это мне нравилось в ней больше всего. Она так любит людей, несмотря на то что они обходились с ней плохо. Семья отвернулась от нее, но она все равно добра и участлива.

– Хорошо, спасибо, хотя день выдался очень долгим, – сказал я, и она кивнула, играя со стебельком травы. Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться: она понятия не имеет, какая грязная эта трава, здесь может быть что угодно. – А вы сегодня чем занимались?

– Немного почитала, а потом пришла сюда.

– Как поживают остальные в хостеле? – я нахмурился, вспомнив случай, о котором она рассказала мне два дня назад: какая-то мерзкая шлюха, пытаясь украсть жалкие деньги, оставшиеся у Шэннон, ударила ее, оставив красный след на левой щеке.

Глядя в землю, она пожала плечами.

– Хорошо.

– Не пытайтесь меня обмануть! – я повысил голос. Она сжалась, а я сразу пожалел о своей несдержанности. Вырвав у меня руку, она встала.

– Мне пора, – прошептала она, обнимая себя за плечи.

Я быстро поднялся. При мысли, что она сейчас уйдет, меня охватила паника.

– Нет, Шэннон, простите. Мне не следовало так говорить. Просто не могу спокойно думать, что с вами кто-то плохо обходится. – Осторожно, чтобы не причинить ей боли, я пожал ее нежную руку. – Простите меня, Шэннон, пожалуйста.

Она улыбнулась и кивнула.

– Хорошо, прощаю. Все нормально. Не хотите прогуляться?

– Конечно, хочу.

Мы пошли по тропинке. Всякий раз мы встречались с нею в поле и потом шли гулять. Я провел ее нашим обычным маршрутом, вокруг озера.

– Прекрасный вечер.

– Да, верно, – согласился я.

– Отец, бывало, гулял со мной по вечерам, мы смотрели, как загораются звезды, – она уставилась в землю. В ее голосе звучали печаль и сожаление. Она никогда не упоминала о своей семье, только сказала, что сильно поссорилась с домашними и ушла.

– Как вы оказались здесь, Шэннон?

– Пожалуйста, не надо, – прошептала она. – Не хочу говорить об этом. – Я кивнул, подавив гнев: она не ответила на мой вопрос. Мои девушки всегда отвечают на мои вопросы.

– Послушайте, почему бы вам не пожить у меня некоторое время? По крайней мере, пока не поймете, каковы ваши дальнейшие планы.

– Спасибо, Колин, но не могу.

Я вздохнул. Ну почему она не может сделать то, что хочу я? Я к такому не привык, и мне это не нравилось.

– Не хотите поужинать где-нибудь? – спросил я, хмуро глядя на ее тонкое запястье. Обдумывая это предложение, она закусил губу. – Пожалуйста. Я угощаю. Мне бы очень хотелось, чтобы вы согласились.

Широкая улыбка озарила ее прекрасное лицо, и у меня перехватило дыхание.

– Хорошо. Это было бы чудесно. Спасибо.

Мы поехали в мой любимый индийский ресторан, куда часто ходили родители, когда я был маленький. Отец любил острое и пряное и часто водил нас сюда, это было еще до того, как он переспал со шлюхой и разрушил семью.

– Столик на двоих, пожалуйста, – сказал я официанту.

Нас усадили в углу зала и принесли меню.

– Спасибо. – Когда официант ушел, оставив нас выбирать блюда, я повернулся к Шэннон. – Заказывайте все что хотите. – Она улыбнулась и стала читать меню. – Я, пожалуй, возьму тикка масала^[4]. Вы уже выбрали?

– То же, что и вы, – ответила она.

Я закрыл глаза. *Ты создана для меня, Шэннон.*

– И давно вы занимаетесь бухгалтерией?

– О! – Я был приятно удивлен таким личным вопросом. – Около пяти лет. А вы чем занимались до ссоры с семьей?

– Работала в том же ресторане, что и мама. Отец остался без работы, нужны были деньги, поэтому я бросила колледж и пошла работать. – Она нахмурилась. – Отцу всегда не хватало денег.

Что бы это значило? Судя по ее рассказу, отец – человек не особенно приличный. Мужчина должен заботиться о своей семье, а не наоборот. Мне хотелось вывести у нее побольше, но я боялся, что она замкнется. Чтобы узнать друг друга, нужно время, а времени у нас много.

Мы разговаривали свободно, без напряжения, даже во время пауз, и я понял, что принял правильное решение: в хостел она сегодня не вернется. Я уже сбился со счета, сколько раз за этот вечер она заставила меня улыбнуться или рассмеяться – а я не смеялся уже много лет. Шэннон – мое будущее, мой единственный шанс. Чтобы убедить ее, что я – лучший из тех, кто мог бы о ней заботиться, у меня остается еще дорога до хостела. У нас все может получиться. Я принесу ей столько же счастья, сколько она – мне. Так я сказал себе.

Придержав дверь ресторана, я пропустил ее вперед. Наши руки соприкоснулись, и у меня перехватило дыхание, как от электрического разряда.

– Спасибо за ужин, Колин, – проговорила она. Ее прекрасные щеки слегка порозовели.

– Пожалуйста. Это я должен вас благодарить. – Действительно благодарить должен я. Никогда не подозревал, какое это счастье – угостить ужином девушку, которая тебе нравится. А, казалось бы, такое обычное дело! Сколько таких случаев я упустил за все эти годы?! Не то чтобы ничего подобного я никогда не испытывал, но мне ужасно хотелось

сохранить это чувство. Мне отчаянно хотелось, чтобы Шэннон дала нам шанс.

Мы сели в машину. Я не мог найти нужных слов. Сердце бешено колотилось, я ужасно нервничал. Как она поведет себя, если я отвезу ее к себе? Дорога к хостелу проходила мимо моего дома, так что я бы довез ее к себе раньше, чем она спохватилась бы и начала задавать вопросы.

– Вы замерзли, – сказал я и включил кондиционер на обогрев.

Она потеряла ладони друг о друга, согревая их.

– Спасибо вам за все.

– Пожалуйста. Я чудесно провел вечер.

Застенчивая улыбка чуть тронула ее губы.

– Я тоже.

Я поехал медленнее обычного. Чтобы успокоить нервы, стал расспрашивать ее о предметах, которые она изучала в колледже. До моего дома было недалеко. Я уже видел за холмом красную черепичную крышу. *Ну вот. Сейчас или никогда.* Довольно резко затормозив, я свернул на подъездную дорожку и выключил зажигание.

– Что мы здесь делаем? – она прикусила губу и посмотрела в окно на мой дом.

Я повернулся к ней и улыбнулся.

– Это мой дом, Шэннон. Я отвезу вас, но сначала мне надо заглянуть в туалет. Зайдем на минутку? – Она в нерешительности мельком взглянула на парадную дверь. – Я быстро. – Через секунду она приняла решение, кивнула и открыла дверцу. Она доверяла мне, я заслужил ее доверие.

– Красивый дом, – сказала она, входя.

– Спасибо, – мне было приятно, что дом ей нравится. Я хотел, чтобы она полюбила его и тоже чувствовала себя здесь как дома. А если что-то не понравится, я позволю ей переделать это по ее вкусу. Может быть, мы даже могли бы вместе этим заняться: переделками, превращением моего дома в наш дом.

– Провожу вас в гостиную. Посидите там минутку без меня.

Она села на зеленый диван, я не удержался и сел рядом с нею. Мне было так приятно, что вот мы сидим вдвоем в нашей гостиной.

– Вам разве не надо в туалет? – спросила она и улыбнулась.

– Шэннон, я должен признаться... На самом деле не надо. Простите, что солгал, но мне просто необходимо было привести вас сюда, чтобы мы могли поговорить. Я привез вас домой. – Ее глаза расширились от ужаса, она поднялась с дивана. Я вскочил с места и схватил ее за руку, прежде чем она попыталась убежать. – Позвольте мне объяснить. Пожалуйста.

– Нет, пустите, – закричала она, отчаянно пытаясь вырвать руку. Волосы у нее разметались и касались моего лица. – Пожалуйста, пустите.

– Успокойся, – приказал я.

– Пустите, – она несколько раз ударила меня в грудь свободной рукой. Ударила не больно, силы у нее немного, но это меня разозлило. Я попытался помочь – как же она смеет? Я стиснул зубы, схватил ее другую руку и толкнул ее к стене. Только и слышал, что пульс, стучавший у меня в ушах. Мне не хотелось причинять ей боль, но она не оставила мне выбора. Пронзительные крики Шэннон казались мне музыкальным фоном. Проявления ее вопиющего неуважения привели меня в бешенство. Я знал, что в такой ситуации сделала бы мама, я буквально слышал ее приказ: *убей ее*.

– Пожалуйста, нет, пожалуйста! – Я не люблю мольб. И мама их не любила. Это для слабых.

Убей ее. Сейчас же.

Я схватил обе ее руки одной правой, а левой рукой зажал ей рот. У нее глаза полезли на лоб. Я старался совладать с собой. Я собирался убить ее – нож лежал в кармане. Но я хотел ее. Я хотел ее, а мама хотела, чтобы я убил Шэннон.

Она скулила, несмотря на зажатый ладонью рот. Я закрыл глаза и попытался сосредоточиться на своем тяжелом прерывистом дыхании. *Когда поймет, она станет такой, как я хочу. Она не плохая. Она не хотела тебя оскорблять.*

Я медленно открыл глаза. Я и не понимал, как она ранима, пока не увидел выражение ужаса на ее заплаканном лице. Шэннон напугана, она не понимает, что я ей предлагаю, что я чувствую. Сердце у меня обливало кровью.

– Все будет хорошо, – прошептал я. – Необходимо, чтобы ты доверяла мне. Я ведь всего-то и хочу, что заботиться о тебе. Ты здесь дома, милая Шэннон, – я опустил руку, погладил ее по щеке и заглянул ей в глаза. *Пожалуйста, поверь мне.*

Она отрывисто вздохнула.

– Я верю, что вы будете заботиться обо мне, Колин, но остаться здесь с вами не могу. – Лицевые мышцы у меня расслабились, всякое выражение исчезло с лица. Она что же, не слышала моих слов? Она у себя дома. Этот дом – ее. – Простите, не могу. Мне надо идти. – Она сделала шаг, и меня охватила паника. Я не мог позволить ей уйти.

Не успела она сделать следующий шаг, как я обхватил ее сзади и зажал ладонью рот. Ее приглушенные крики разрывали мне сердце, и я понял, что

задуманное мною не получится – по крайней мере, сейчас. Я затолкал ее в угол гостиной.

– Даже и не пытайся, – рявкнул я и отодвинул в сторону книжный шкаф. Она стояла неподвижно, пока я отпирал дверь в подвал. Схватив ее за руку, я потянул ее за собой на лестницу.

– Нет, – закричала она, понимая, что происходит. Я тоже не хотел этого. На сердце у меня было тяжело, в глазах стояли слезы – я так отчаянно хотел разделить с нею жизнь, а теперь эта возможность исчезала. Но у меня не было иного выбора. Я не мог потерять ее, и ничего другого не оставалось.

Мак, Фиалка и Лилия поднялись с дивана. Увидев их, Шэннон вздрогнула и закричала. Ноги у нее подкосились, и она осела на лестницу.

– Объясни ей все, Лилия, – приказал я и пошел вверх по лестнице. *Нет! Нет, нет, нет!* Я запер дверь в подвал. Вцепившись себе в волосы, я в исступлении закричал. Я хотел, чтобы она была со мной, но теперь она станет Розой.

Понедельник, 17 января (настоящее время)

Я смотрел на часы на моем письменном столе и ровно в пять, когда секундная стрелка указала на двенадцать, выключил компьютер и взял портфель. Надо ехать немедленно. Мои девочки, как я и просил, приготовят ужин только через два часа, так что время у меня есть.

Всю дорогу до города сердце бешено колотилось, я барабанил пальцами по рулю. Было уже темно. Хостел за городом, но это не займет много времени.

Прошло уже много времени с тех пор, как мы живем неполной семьей, – почти полгода. Впервые так долго нам не хватает еще одной девушки. Я беспокоился. Машина двигалась в потоке транспорта. Задолго до пробки в центре города я свернул в сторону. Извилистая дорога вела к небольшой железнодорожной станции, рядом с которой находился хостел. Я оставил машину между ним и кварталом пустующих домов.

Ну же, Фиалка.

Она должна вот-вот появиться. Я так долго ждал ее! Откинувшись на спинку сиденья, я смотрел во все окна и зеркала машины. Подсвеченные оранжевым часы на приборной доске показывали тринадцать минут седьмого. Я могу ждать еще минут пять-десять. Сердце колотилось в предвкушении. Я хотел, чтобы она появилась. Она мне необходима.

В 18.22, уже когда я готов был признать, что вечер оказался безрезультатным, я наконец ее увидел. Черные, как ночь, волосы ниспадали до середины спины. *Фиалка*. У меня перехватило дыхание. Это она. Она шла ко мне. На плечах у нее был рюкзачок.

– Простите, не хотел вас напугать, – я поднял руки вверх, чтобы показать, что не намерен причинить ей никакого вреда.

Она покачала головой.

– Ничего, все в порядке. Я даже не заметила, – она улыбнулась и поправила рюкзачок. – Сама виновата.

– Может, вас подвезти?

– Хм, – она в нерешительности помолчала. – Нет, я дойду пешком, но спасибо.

Я поджал губы. *Я пытаюсь спасти тебя.*

– Я прошу вас. Я только что сошел с поезда и в темноте не могу вспомнить дорогу в город.

– Вы нездешний?

Я кивнул.

– Да. У меня была встреча, я решил оставить здесь машину, а остаток пути проехать на поезде. Но надо найти дорогу через город. Вам куда?

– Все равно куда. В город, наверно.

– Вы его хорошо знаете?

Она кивнула.

– Ну так давайте я вас все-таки подвезу. Покажете мне, куда вам надо, а потом объясните, как мне ехать дальше.

– Ладно, – она улыбнулась. – Спасибо.

Я снова сел в машину за руль, она – на пассажирское сиденье.

– Так где вы живете? – спросила она, когда машина тронулась.

– Недалеко, скоро будем дома, – я заблокировал дверцы, – Фиалка. – Она засмеялась и покачала головой. Она надо мной смеется?! Что показалось ей смешным? Я нахмурился. Что она подумала? Я ведь хотел по-хорошему. Они всегда реагируют одинаково, так что не имеет значения, как я спас их, – если действовать прямо, то мне головной боли меньше.

– За светофором поверните налево, окажетесь на кольцевой дороге, огибающей город.

– Фиалка, мы едем домой.

Краем глаза я заметил, что выражение ее лица изменилось.

– Что?

– Пожалуйста, не волнуйся. Я буду о тебе заботиться.

– Вы это сейчас серьезно?

– Конечно. – Она поняла, что я не шучу, и глаза у нее в ужасе расширились. – Я же сказал тебе не волноваться, Фиалка.

Она покачала головой.

– Какого черта? Я не Фиалка. Вы меня с кем-то спутали. – Я вздохнул и заскрежетал зубами. Смысл моих слов постепенно доходил до нее, и по лицу у нее потекли слезы. – Пожалуйста, отпустите меня. Я совсем не та, за кого вы меня принимаете. Я не Фиалка, клянусь вам. Меня зовут Лейел.

– Я лучше знаю, кто ты, – ответил я.

– Нет, не знаете. Отпустите меня. Сейчас же! – крикнула она, безуспешно дергая дверную ручку.

– Не смей вести себя неуважительно. Я тебя спасаю. – Она вздрогнула. – Сиди тихо, и все будет хорошо. Просто сиди тихо. – Она

прижалась к дверце, и костяшки пальцев, все еще державшие дверную ручку, побелели. Я стиснул руль. Она громко и часто всхлипывала, это было не слишком привлекательно. Я старался не обращать на нее внимания и крепко стиснул зубы.

– 3-зачем вы это делаете? – пробормотала, запинаясь, она.

– Фиалка, я спасаю тебя, – ответил я. *Как же ты не понимаешь? Посмотри на свою жизнь.*

Остаток дороги она молчала. Всхлипывания превратились в икоту, и она равнодушно уставилась на дорогу перед машиной. Наконец она поняла меня. Я улыбнулся.

– Теперь уже скоро, – сказал я, когда мы свернули на дорогу, ведущую к моему дому. – Девочки будут тебе рады.

Она прижала ладони ко рту, заглушив крик.

– Кто?

Я улыбнулся.

– Девочки. Ты их полюбишь. Ну вот мы и дома, – я свернул на подъездную дорожку. – Готова с ними познакомиться?

– Нет. Послушайте, просто отпустите меня, и я обещаю, что никому ничего не скажу. Я не пойду в полицию, клянусь вам. Пожалуйста. Пожалуйста, отпустите меня.

– Фиалка, доверься мне, прошу тебя. Поверь мне, я хочу тебе добра. Девочки тебе все объяснят. – Я выключил двигатель и отстегнул ремень безопасности. – Так, идем в дом.

Я отключил блокировку замков и распахнул дверцу возле себя. Фиалка выскочила из машины и, обогнув ее, бросилась к дороге.

– Помогите! – кричала она. – На помощь! – Я догнал ее и схватил за пальто. – Нет! Отвали! Пусти, придурок! – Голос был громкий и пронзительный. Он отдавался у меня в ушах.

Я прижал ее к себе и закрыл ей рот ладонью.

– Тихо, Фиалка, – прорычал я ей в ухо. Я чувствовал себя вулканом, готовым к извержению. Она выводила меня из себя. Я поволок ее к дому и отпер парадную дверь. – Ну и довольно, – прошептал я. Она скулила подо мной. – Мы уже почти на месте. – Толкая, я провел ее через дом. – Сейчас подвину книжный шкаф. Будешь стоять смирно или тебя связать?

Ее глаза расширились.

– Буду стоять, – прошептала она.

Я улыбнулся.

– Хорошо. – Я отпустил ее, наблюдая, что она будет делать. Она шагнула в сторону и остановилась. Я отодвинул шкаф и отпер дверь в

подвал. – Заходи, – сказал я, открывая дверь. Она замерла на месте, глядя на лестницу. – Заходи же, Фиалка.

– Но... – прошептала она. Я вздохнул и схватил ее за руку. Ну почему ей не сделать, как я сказал? – Нет! – Она пыталась вырваться от меня. – Нет. Пожалуйста, не надо.

Я схватил ее руки и подтолкнул вниз по лестнице. Для такой худой девушки она оказалась очень сильной. Роза, Мак и Лилия стояли внизу и ждали.

– Добрый вечер, цветы, – сказал я. Фиалка вся напряглась и ступила с лестницы на пол. – Принимайте Фиалку, пожалуйста, помогите ей устроиться. Я скоро приду ужинать. – Я отпустил ее и поднялся по лестнице. Надо было смыть с себя грязь.

* * *

Я принял душ и вернулся к девушкам, захватив с собой шерсть, которую просила Роза. У них аппетитно пахло картофельной запеканкой с мясом. Этот запах напомнил мне детство. Когда мне еще не было шести лет, мама готовила невероятно вкусные вещи. Все, конечно, изменилось в ту самую секунду, когда мы застали отца с той шлюхой. Этих сцен, когда семья сидит за столом, а мама с улыбкой раскладывает по тарелкам вкусную еду, мне не хватало больше всего.

– Добрый вечер, цветы, – сказал я, спустившись с лестницы.

– Добрый вечер, – ответили они все хором. Фиалка сидела на диване неподвижно, как статуя, и глядела в пол.

Я нахмурился.

– С Фиалкой все хорошо? – спросил я у Розы, которая по моему поручению должна была помочь ей у нас устроиться.

Роза кивнула.

– Она привыкает, но все будет хорошо.

Я улыбнулся. Конечно. Период привыкания.

– Так что с ужином?

– Готов, – она улыбнулась. – Фиалка, иди, садись. Ужин готов. – Лилия помогла Фиалке подняться и проводила ее к столу. Сердце у меня переполнилось кровью. Лилия совершенна, сейчас в ней есть все, о чем я мечтал. В заботах о поисках Фиалки и волнениях по поводу общенационального розыска Саммер я забыл следить за ее цветением. Теперь меня переполняло чувство вины.

– Ешь, Фиалка, – сказал я. Все уже доедали, но она к своему ужину едва притронулась.

Лилия подняла глаза от тарелки.

– Мне кажется, она не настолько голодна. Можем оставить, она потом съест. – Фиалка некоторое время плохо питалась и похудела. Одежда на ней будет висеть, как до сих пор висит на Лилии. – Она же здесь первый вечер, в конце концов, – добавила Лилия.

– Хорошо, потом. Но ты проследи, чтобы она все-таки что-нибудь поела. Ладно?

– Хорошо.

Я кивнул и вернулся к еде.

– А, да, Роза, твоя пряжа на нижней ступеньке.

Роза улыбнулась.

– Спасибо. Заберу ее после ужина.

Я доел и подождал девушек. *Все будет хорошо. Все под контролем.* Роза и Мак поднялись и стали убирать со стола. Лилия хотела помочь им, но я остановил ее.

– Идем, Лилия, – я шагнул вперед. Она уже показала себя внимательной и заботливой, именно такая женщина и нужна в семье. Теперь пришла моя очередь показать ей, как много она для меня значит.

Она подошла к двери. Поза напряженная, как если бы она не дышала, глаза широко раскрыты.

– Все хорошо, не нервничай, – сказал я и закрыл за нами дверь. – Расслабься, пожалуйста. Я не кусаюсь. Все будет идеально, разве не видишь? – Я подвел ее к кровати, и она села на край. – Ты принимала утром душ? – Она кивнула и улыбнулась, пригладив прядь светлых волос за ухом. – Девочка моя.

Она часто заморгала, из глаз капнуло несколько слезинок.

– Тихо, – прошептал я, расстегивая рубашку. – Не бойся. Я люблю тебя, Лилия.

Вторник, 18 января (настоящее время)

Я не могла пошевелиться. Дрожала так, что мышцы болели, кожа онемела. Я больше ничего не чувствовала. Все казалось ненастоящим. Я туго завернулась в простыню и держалась за нее так, будто это спасательный трос. От простыни пахло им. И от меня – тоже. Я отчаянно хотела избавиться от этого запаха, но мое чертовое тело предательски не могло пошевелиться.

Издали донесся чей-то голос, и я подняла голову.

– Лилия, Лилия, успокойся, все хорошо, – тихо сказала Мак. – Все будет хорошо. – Я открыла рот, собираясь что-то сказать, но сумела лишь застонать. – Не волнуйся, все будет хорошо. – *Да не будет хорошо, черт возьми!* – Помочь тебе дойти до ванной? – Я кивнула, и Мак помогла мне подняться. Я двигалась как зомби.

Кое-как мы добрались до ванной, но как я попала сюда, не помню. Я как будто находилась под водой, пол казался неровным, все вокруг плыло. Невозможно поверить в то, что со мной только что случилось. Я знала, что именно случилось, но это казалось нереальным.

Стоя в носках на полу в ванной, я смотрела в пол и все сильнее натягивала на себе простыню. *Почему я ничего не чувствую?* Даже не могу заплакать. А следовало бы. Мак включила душ и положила на край раковины чистое полотенце.

– Понадобится помощь – позовешь, ладно? – и она вышла, закрыв за собой дверь.

Отпустить простыню вроде бы несложно, но я не могла. Она единственная закрывала и защищала меня, я не могла с ней расстаться. Я сделала глубокий вдох.

– Ты сможешь, – сказала я себе. – Брось ее. И смой с себя его запах. – Сделав глубокий вдох, я выпустила край простыни, и она упала на пол.

Я встала под душ. Не терпелось избавиться от запаха его лосьона после бритья. Горячая вода стекала по телу, унося с собой *его*. Почему я не отбивалась? Я не хотела того, что случилось, но даже не попыталась это предотвратить. Готова ли я была расплатиться за это жизнью? Да. От

сознания, что я ничего не предприняла, я презирала себя, чувствовала грязной. Если бы я сопротивлялась, то, по крайней мере, умерла бы с сознанием, что сделала все, чтобы ему помешать. Но теперь слишком поздно. Время не повернуть вспять, ничего не изменишь. Мне предстоит с этим жить. Я всхлипнула.

Это страх парализовал меня и лишил возможности сопротивляться. Ноги стали как ватные, я села на пол и заплакала. Схватила губку и начала бешено тереть кожу, пока она не стала ярко-красной. Все равно я чувствовала себя грязной, и никакая губка не помогла бы избавиться от этого ощущения.

Наконец я уже не могла больше прикасаться к коже, не морщась: так она болела. Тогда я бросила губку, встала и выключила воду. Заворачиваясь в полотенце, взвыла: хлопковая ткань терлась о кожу, причиняя невыносимую боль. Тело все еще дрожало, и, хоть я и приняла горячий душ, было очень холодно.

Стоило закрыть глаза, перед мысленным взором возникало его лицо. От его ласкового взгляда меня тошнило. Я поперхнулась, прижала ладонь ко рту, побежала в туалет и успела как раз вовремя, чтобы опорожнить желудок в унитаз.

– Лилия, – позвала из-за двери Мак. Она говорила так, будто я новорожденный ребенок. Я плотнее запахнула на себе полотенце. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Я не хотела, чтобы меня видели. – Можно войти? – Я пыталась ей ответить, но лишь тихо застонала. Потом села на унитаз и стиснула в руках полотенце.

Мак распахнула дверь и заглянула в туалет. Я отвернулась, чтобы не видеть жалость в ее глазах. Она встала передо мной на колени, и я вся напряглась.

– Вопрос глупый, но с тобой все в порядке? – спросила она.

Я покачала головой и обхватила себя руками. Она права: вопрос действительно глупый.

– Извини. Я понимаю, это слабое утешение, но такое продлится недолго, это я тебе гарантирую. – Да, действительно, утешение слабое. Сколько это продлится, не имеет значения. Я не хочу терпеть его рядом с собой ни секунды.

– Тихо, я понимаю. Не надо ничего говорить. – Мак утерла мне слезы. У меня даже не было сил оттолкнуть ее руку. – Давай помогу дойти до спальни. Тебе надо поспать.

Я остановилась рядом со своей кроватью и позволила Мак надеть на себя пижаму. Я как будто забыла, что и как делается. Она уложила меня в

постель и подоткнула одеяло. Я чувствовала себя ее дочерью.
Фиалка уже спала, и мне тоже хотелось поскорее заснуть.

* * *

Вот бы сейчас поговорить с Льюисом хотя бы секундочку, просто услышать его голос. Уткнувшись лицом в подушку, я заплакала. Кровать сотрясалась от моих рыданий. Я снова чувствовала его на себе. Меня тошнило, но не было сил встать и дойти до ванной. Ноги стали слишком тяжелыми, я только и хотела, что свернуться калачиком и заснуть.

Я представила себе лицо Льюиса, его улыбку, смех, как он называет меня по имени. Я так явственно это слышала. Саммер. Ему лень произносить мое имя полностью, поэтому он зовет меня просто Сам. Но и при этом у меня всякий раз замирает сердце, а у него загораются глаза, как будто он счастлив только оттого, что произносит мое имя.

С Льюисом все по-особенному. Как будто я единственная девушка в целом мире. Он такой нежный. Наша близость значила для меня все. Я чувствовала себя любимой и в безопасности. Вспомнив, как это бывало с Льюисом, я заплакала. Это никогда не повторится. Теперь я грязная, все испорчено, и Льюис никогда уже не посмотрит на меня по-прежнему. Да и как бы он смог?

Я уткнулась лицом в мокрую подушку и зажмурила глаза. Хотелось заснуть и все забыть. Теперь ему уже нечего у меня отнять. Разве так уж важно, что он сейчас сделал со мной? Стараясь стать как можно меньше, я подтянула колени к подбородку. И плакала, пока не заболело горло. Наконец я уснула. Единственное, что удерживало меня от полного отчаянья, было сознание, что это было со мной не в первый раз. Хоть это ему не досталось.

Суббота, 2 мая (2009 года)

Льюис заметно нервничал и закусывал щеку. Почему он волнуется? Сердце у меня бешено колотилось, состояние было предобморочное. Он выпрямился, сидя на моей кровати, и крепко обнял меня. В доме никого, кроме нас, не было, мои родители уехали справлять годовщину, а Генри ушел на свидание с девицей, которая непонятно почему смеялась всем его убогим шуткам.

Сегодня мы с Льюисом впервые должны заняться любовью. У меня

это в первый раз, и я очень переживаю. А если я сделаю что-то не так? Как будто тебя сталкивают в бассейн, дна не чувствуешь, плыви как умеешь. Льюис твердил, что все будет хорошо. Получалось, я ничего испортить не могу. Я не хотела доказывать, что он неправ.

– Все нормально? – спросила я. Я не могла понять, чего он боится: у него это не впервые!

– Да, – он кивнул и вытер руки о джинсы. – А ты как?

– Хорошо, – прошептала я. Я уже была готова некоторое время, но все говорили, что в первый раз больно, поэтому я побаивалась. Насколько больно?

Мы несколько раз обсуждали, когда этим заняться. Я не хотела, чтобы все произошло незадолго до возвращения с работы моих родителей или на заднем сиденье машины, поэтому мы запланировали это на сегодняшний вечер. Разве первый шаг должен сделать не он? Я посмотрела на него сквозь сомкнутые ресницы. Что если он передумал? И мысленно посмеялась над собой: какой же семнадцатилетний парень передумает заниматься сексом?

– Ты нервничаешь, – сказала я, покраснев.

Он кивнул.

– Немного.

– Почему? – Он молча пожал плечами. – Льюис.

– Не знаю, но на этот раз все как-то не так. Ты же девственница. – *Ну извини уж!* Я нахмурилась, а он засмеялся. – Это не плохо, Сам.

– Знаю, – прищутив глаза, я посмотрела на него.

– Может, хочешь еще подождать?

– Нет, – прошептала я. – А ты? – Он усмехнулся. – Буду считать, что ты ответил «нет», – ехидно заметила я. Склонив голову, он поцеловал меня. Я затрепетала. Он нежно касался губами моего рта, и от этого кружилась голова.

– Я готова, – прошептала я ему прямо в губы.

Он застонал и запустил пальцы мне в волосы.

– Подожди, может розы разбросать по кровати или еще что-нибудь такое же эффектное сделать?

– Ну да, ведь каждой девушке в первый раз колочка должна воткнуться в задницу. Незабываемо! Не нужны эти дешевые эффекты. – Он снова прикоснулся губами к моим губам, я поцеловала его в ответ, и мы упали в постель. Моя одежда вмиг испарилась: Льюис по этой части мастер. Я чувствовала себя дурочкой, совершенно не понимала, что делать.

Льюис нежно, действительно нежно вошел в меня, и все же было

чертовски больно. Закрыв глаза, я обхватила его за спину. Мне нравилось ощущать, что теперь мы едины, но совсем сбросить со счетов боль я не могла и закусила губу. Он замер.

– Хочешь, чтобы я остановился?

– Нет! – Это слово вырвалось у меня так отчаянно, что я даже покраснела. Я правда не хотела, чтобы он останавливался. Наоборот, ждала, чтобы болезненная стадия скорее осталась позади. – Мне нравится быть с тобой, и все равно через несколько минут все пройдет. – *Надеюсь. Керри, лучше бы ты оказалась права!* Он снова поцеловал меня, и я совсем растаяла, растворилась в нем и перестала думать о боли. Несмотря на отсутствие свечей и роз, все прошло идеально.

* * *

Я лежала рядом с ним, положив голову ему на грудь.

– Все нормально? Еще болит? Ведь уже не болит, правда? Может, принести тебе что-нибудь? – заговорил он, рисуя пальцами какие-то фигуры у меня на спине.

– Льюис, успокойся, все нормально.

– Ты говорила, больно.

– Говорила, но, думаю, я это переживу, – я закатила глаза.

– То есть тебе больно, но ты ничего не хочешь с этим делать, потому что переживешь эту боль? – Он покачал головой и насмешливо посмотрел на меня. – Мне кажется, твое упрямство вышла на новый уровень.

– Или я перестала быть большим ребенком, – сказала я. – К тому же это необходимая боль. Да и вообще теперь уже почти не болит.

– Странная ты, – сказал он и поцеловал меня в лоб.

Я засмеялась.

– Ага. Я тебя тоже люблю.

Четверг, 20 января (настоящее время)

Мак разбудила меня утром, погладив по голове.

– Лилия, – прошептала она. *Саммер, Саммер, Саммер, Саммер!* Я крепко зажмурилась, завернулась в одеяло и уткнулась лицом в подушку. *Оставь меня в покое.* – Слушай, все нормально. Не плачь. Он уже ушел, – сказала Мак. Я слышала, как она поставила что-то на тумбочку возле кровати. Подняв голову, я увидела кружку с чаем и тарелку с тостами. Я могу поесть прямо здесь? Он уже ушел?

– Что? – спросила я, часто моргая, чтобы избавиться от слез. До сих пор в спальне мы не ели.

– Он уже позавтракал. Мы сказали, что ты неважно себя чувствуешь и все еще спишь. Попробуй что-нибудь съесть, ладно? – я кивнула. Меня немного тошнило, но живот подводило от голода. – Я пойду. Нужно будет что-нибудь – зови. – Мак вышла из спальни и закрыла за собой дверь. Оставшись одна, я запаниковала, но постаралась успокоиться. С одной стороны, хотелось побыть одной, но с другой – я не чувствовала себя в безопасности. Никто из нас не может не опасаться за себя, вместе как-то спокойнее. Понятно, что он не появится здесь как по волшебству, но я все равно боялась. Мы же полностью в его власти.

Кутаясь в одеяло, которое, как мне казалось, защищает меня, я села и прислонилась спиной к стене. Чай я бы, пожалуй, выпила. Над кружкой поднимался пар. Я взяла ее и, сделав несколько глотков, почувствовала себя человеком. И все же моя бабушка была права: далеко не все можно поправить, выпив чашку чая. Пить чай – это нормально, а нормальное случилось в подвале не так уж часто.

Вчерашние события казались дурным сном. Неужели это действительно случилось? Если думать о чем-то долго-долго, оно начинает казаться нереальным. Особенно если это что-то страшное – просто невозможно поверить, что такое может быть на самом деле. Я знала, надо чем-то заняться, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, но сил не было. Мою душу постепенно наполняла пустота. Саммер исчезала, а я цеплялась за эту беззаботную, упрямую девочку-подростка, не хотела отпускать ее. Не

хотела превращаться в Лилию!

По коже пошли мурашки, тело содрогнулось от отвращения. Я вскочила с постели, схватила полотенце и одежду.

– Я в душ, – пробормотала я.

– Давай, – отозвалась Роза с дивана, где читала книжку.

Я включила горячую воду, села на пол и стала ждать, когда сольется холодная. Почувствую я себя когда-нибудь чистой? *Не думай об этом... Саммер.* Сняв пижаму, шагнула под душ. Вода обожгла кожу. Я стиснула зубы, положила руки на стену и попыталась вонзить в нее коротко остриженные ногти. Вода невыносимо горяча. Казалось, все тело облепили разъяренные пчелы, но я не двигалась.

Вся красная, я вышла из-под душа и осторожно завернулась в полотенце. Кожу саднило, места, соприкасавшиеся с мягкой тканью, болели особенно сильно – так, что на глаза наворачивались слезы. Зеркало на стене рядом с душем запотело. Хорошо, что я не вижу себя в нем. Раньше мои соседки по подвалу, без конца принимающие душ, казались мне ненормальными. Но теперь я подумала: может, это потому, что они просто чувствуют себя грязными.

Из вещей более-менее моего размера здесь были только белые хлопчатобумажные брюки и тонкий светло-зеленый топик с длинными рукавами. Я расчесала волосы щеткой – от корней до концов, и так сто взмахов. Этому меня еще в детстве научила мама. Для меня это была игра: я громко и радостно выкрикивала числа. Как же хочется вернуться в детство – туда, где, сидя на коленях у отца, я расчесывала свои влажные волосы.

– Лилия, у тебя все нормально? – спросила Роза, когда я вышла из ванной. Я кивнула, хотя чувствовала себя не нормально, а совсем наоборот.

Роза поднялась с дивана, мы с Мак на него сели. У меня было подозрение, что на определенные темы Мак не хочет говорить при Розе, но я не понимала, то ли она не доверяет ей, то ли не хочет огорчать.

– Это пройдет, точно тебе говорю.

– Пройдет?

– Будешь чувствовать себя иначе. Станет... терпимо. Мне это тоже противно, Лилия. Сейчас надо просто придумать, на чем сосредоточиться. – Честное слово, я пыталась. – Я, например, мечтаю о том, какой мне хотелось бы сделать свою жизнь, и на эти несколько минут я – в другом мире, – она улыбнулась своим мыслям.

– И какой бы ты хотела сделать свою жизнь?

– Счастливой, – просто ответила она. – Представляю себе, что живу в

красивом маленьком домике. Его стены увиты плющом. И сад такой же красивый, в нем клумбы с яркими цветами. Еще есть овощные грядки. Мой муж – хороший человек, он много работает, чтобы его семья ни в чем не нуждалась, а я сижу дома с нашими детьми. Представляю себе, как буду носить беременности, как будут выглядеть наши дети и семейные торжества, как мы будем играть в саду. И мы счастливы, знаешь? Действительно счастливы.

Я слабо улыбнулась.

– Да, красивая мечта. – Я сама раньше мечтала о том, чтобы жить в Лондоне, в огромной квартире, получать большую зарплату и чтобы вокруг было много коктейль-баров. Сейчас я бы согласилась на что угодно, даже на картонную коробку, лишь бы выйти из этого подвала.

– Ты знаешь, это глупо, но домик и семья, – сказала Мак, – это все, что мне надо. Никогда не хотела ничего иного.

Я покачала головой.

– Это не глупо. Все это еще может у тебя появиться. – Надо только отсюда выбраться. Мак мечтает о счастливой жизни, но заставит ли ее эта мечта помочь мне? С ее помощью я бы могла что-то сделать с Клевером. И Фиалка, без сомнения, приняла бы в этом участие.

Мак вздохнула и покачала головой.

– Не может, Лилия. Это всего лишь мечта. Хочешь еще чаю? – Прежде чем я успела ответить, она подошла к электрочайнику. Кипящая вода. Мы могли бы ошпарить его кипящей водой.

– Лилия, тебе положить третий кусок сахара?

С какой стати она предлагает мне третий кусок сахара? Я нахмурилась.

– Нет, спасибо.

Мак улыбнулась и стала заваривать чай. Ей бы заваривать чай для мужа и разливать по стаканам сок для детей. Она заслуживает такой жизни. Я откинулась на спинку дивана и впервые осознала, что не только я здесь страдаю. Когда Клевер похитил Розу и Мак, у них не было семей, но это не значит, что они не мечтали их завести. Они могли бы завести их сейчас, если бы не сидели в подвале.

Передо мной появились чай и тост. Свежий ли это тост или оставшийся от завтрака? Впрочем, неважно.

– Спасибо, – я откусила кусочек, но желудок не принимал пищу, меня затошнило. Я слишком отвратительно себя чувствовала, чтобы есть.

Новая Фиалка открыла дверь спальни и с опаской, лихорадочно осматриваясь, вышла в главную комнату.

– Все нормально, – прошептала я. Боже мой, я уже веду себя как Роза и Мак, даю новой девушке ложную надежду. Фиалка подошла к дивану и села на его подлокотник.

– Она еще не сказала ни слова, – шепнула Мак мне на ухо, – не хочет говорить с нами, не хочет нас слушать. – *Вероятно, потому, что не хочет слышать того, что ты намерена ей сказать.* Фиалка все еще не оправилась от вчерашнего потрясения и широко раскрытыми глазами осматривала комнату. При воспоминании о смятении, растерянности и ужасе, пережитых мною в первые дни в подвале, мне стало тяжело дышать. Фиалке нужен друг, человек, который понимает ее, а не тот, кто твердит, что надо все терпеливо сносить и быть сильной.

– Как тебя зовут? – спросила я.

Она так резко повернула ко мне голову, что я вздрогнула от неожиданности.

– Лейел, – ответила она почти шепотом.

– Необычное имя.

– Я родом из Франции. В два года приехала сюда с мамой к бабушке и бабушке.

По-видимому, я на верном пути. По крайней мере, она говорит со мной.

– Почему вы переехали?

Она покачала головой и нахмурилась, вспоминая.

– Отец обижал мать, скандалил. Я его совсем не помню.

– Сочувствую, – сказала Роза, а Лейел пожала плечами.

«Теперь ее зовут Фиалка», – напомнила я себе. При нем нельзя называть ее прежним именем. Кто знает, что он выкинет.

Фиалка посмотрела прямо на меня, как будто не хотела, чтобы в разговоре участвовали Роза и Мак.

– Что ему надо?

– Мы считаем, что он пытается создать идеальную семью или что-то в этом роде. Я этого не понимаю. И не хочу понимать этого психа, – сказала я, не обращая внимания на то, что Роза нахмурилась. *Как же все-таки он промыл ей мозги.*

– Законченный ублюдок, – сказала Фиалка, а я кивнула в знак согласия. *Ты еще не представляешь, на что он способен.* – Что он сделал с тобой вчера? – Я уставилась в пол и напряглась. – Изнасиловал? – прошептала она. *Нет! Нет, нет, нет, нет, нет!* Стараясь не обращать внимания на комок в горле, я выбрала на полу точку и уставилась в нее. *Не буду плакать.* – Со мной этот номер не пройдет, – сказала Фиалка. Я подтянула

колени к подбородку и обхватила голени. Помнится, и я говорила подобное.

Роза убрала прядь волос за ухо.

– Не хочешь поесть, Фиалка?

– Лейел, – поправила она. – Нет, спасибо. Почему мы еще тут? Ведь нас четверо, а он один? – Хороший вопрос. Страх. Только страх мешает нам с Мак попытаться вырваться на свободу. А вот Розе, похоже, мешает что-то другое.

Фиалка, безусловно, хотела выбраться отсюда, так что, может, у нас что-то и получится. Мы обе отчаянно хотели бежать. Мак придется долго уговаривать, но, мне кажется, и она в конце концов встанет на нашу сторону. С Розой уже ничего не поделаешь. На что бы мы ни решились, наши действия нужно тщательно продумать. И Роза не должна ничего знать о наших планах.

– Можно его отравить, – предложила Фиалка.

Я покачала головой.

– Слишком велика вероятность неудачи. Большую дозу он сразу заметит, поэтому придется травить его понемногу, но тогда нет гарантии, что он умрет именно в подвале. А я не хочу погибнуть здесь от голода. – Заколоть бы его чем-нибудь, но тут нет ничего острого. Ударить по голове чем-то тяжелым? Но из тяжелых вещей здесь только сковорода, телевизор, стулья, так что незаметно с этим к нему не подойдешь.

– Как он нашел тебя? – спросила я, чтобы сменить тему разговора. Все это происходило при Розе, и мне не хотелось, чтобы она знала, что я продолжаю думать об освобождении.

– Сварю на обед суп, – объявила Роза и поспешно отошла. Я посмотрела ей вслед. Хорошо бы с ней было все в порядке, когда мы отсюда выберемся. И тогда пусть о ней позаботится ее семья.

Роза стала доставать кастрюли из шкафа, а я повернулась к Фиалке и прошептала:

– Поговорим, когда останемся наедине. – Она посмотрела на Розу, по-видимому, поняла, что я имею в виду, и глаза ее на мгновение расширились. Теперь как никогда прежде я была полна решимости выбраться отсюда.

Потом Роза позвала нас за стол. Я заставила себя сидеть как обычно, хотя чувствовала себя ужасно. В груди болело. Хотелось свернуться калачиком, лечь в уголочке и лежать, пока нас не найдут.

– Аромат чудесный, – похвалила Мак.

Я посмотрела на пар, поднимавшийся над тарелкой. Хотела бы я растаять так же, как он.

– Лилия, не хочешь есть? – спросила Роза.

Я поела чуть-чуть супа, а к хлебу даже не прикоснулась.

– Нет. – Конечно, есть мне не хотелось. С самого первого дня в подвале я потеряла аппетит, а после вчерашнего вечера меня еще и тошнило, так что я сумела проглотить лишь несколько крошек тоста.

Роза взяла мою тарелку.

– Ну, тогда накрою пленкой и поставлю в холодильник, потом съешь.

– Я и потом не буду, – ответила я.

Роза улыбнулась.

– И все же оставлю тебе на всякий случай.

Роза и Мак начали очередную уборку ванной комнаты. Я понимала, что должна помочь, например, убраться на кухне, но не было ни сил, ни желания. Я хотела дожить до освобождения, повидать близких, но с каждым днем мысль о смерти страшила меня все меньше.

Ко мне повернулась Фиалка.

– Говорят, он спускается сюда ужинать. Это правда? – Я кивнула. – Тогда и нападём на него. Обе схватим что-нибудь и ударим его что есть силы, – прошептала она.

Черт, неужели это и есть ее гениальная задумка?

– Нет. Нужен план. Просто ударить – этого недостаточно!

Она нахмурилась.

– Это и есть план.

Нет. Нельзя просто ударить его, не продумав все детали. Много может пойти не так, как мы предполагали, и так уже бывало в прошлом.

– Фиалка, мы уже пробовали действовать без тщательно продуманного плана, – я покачала головой. – Ничего не получится. По крайней мере, сейчас.

– Но нельзя же просто сидеть и ничего не делать. Надо что-то предпринять. Как ты можешь говорить, что сейчас неподходящее время?!

– Ты когда-нибудь видела, как убивают человека?

Она нахмурилась.

– Нет.

– А я – да. Вот потому и говорю, что не сейчас. – Я встала с дивана и ушла в спальню. Уборка вдруг показалась мне подходящим занятием.

* * *

В ожидаемую минуту дверь подвала открылась, и я похолодела. В

горле стоял комок. Улыбающийся Клевер с букетом фиалок в руках спускался по лестнице.

– Добрый вечер, цветы, – сказал он. От этих трех слов у меня всегда останавливалось сердце. Я сделала шаг назад, так, чтобы нас разделял стол, и прижалась к стулу. Как ни эгоистично это звучит, но я была рада, что теперь с нами Фиалка. Значит, он займет место во главе стола и окажется дальше всего от меня.

Фиалка смотрела на него, ее губы кривились от ненависти и отвращения. *Пожалуйста, не надо*, мысленно умоляла ее я. Если она что-нибудь сделает, он убьет ее, а я этого не хотела. Фиалка должна жить.

Она взглянула на пустую вазу на кухонной тумбе. Ваза была слишком легкая – такой не оглушить. Я даже сомневалась, что такой удар причинит сильную боль. Фиалка заметила мой взгляд и кивнула. Я покачала головой и широко раскрыла глаза.

– Саммер, – Фиалка внезапно назвала меня моим настоящим именем. *Черт! Нет!* Я затаила дыхание и покачала головой. По счастью, он не услышал: в это время его приветствовали Роза и Мак.

– Нет, – беззвучно произнесла я одними губами. Фиалка не обращала на меня внимания. Клевер стоял к ней боком. *О боже мой! О боже!*

Фиалка замахнулась вазой и быстрым движением обрушила ее на голову Клевера. Я перестала дышать. Роза и Мак ахнули. Хрупкая пластиковая ваза развалилась на несколько кусков, и они упали на пол. Клевер сделал несколько неуверенных шагов вперед.

Начинается. Он очень медленно выпрямился и развернулся. Я в ужасе широко раскрыла глаза. У Фиалки отвисла челюсть. Он уставился на нее твердым, холодным взглядом. Руки у меня задрожали.

Пятница, 21 января (настоящее время)

Клевер размахнулся и сильно ударил Фиалку по щеке, шлепок эхом отозвался в комнате. Она вскрикнула от боли и, ухватившись за щеку, с глухим стуком упала на пол. Я не могла больше это видеть. Не могла стоять, ничего не предпринимая, как это было с прежней Фиалкой. Убьет и меня – прекрасно. Может, так даже лучше.

Я потянулась к другой вазе. Ясно, что убить ею невозможно, но это неважно – главное, нельзя уже оставаться в стороне. Но едва я прикоснулась к ней кончиками пальцев, как Мак грубо схватила меня за руку и потащила назад.

– Нет, – шепнула она мне на ухо. Я пыталась вырваться, но она крепко держала меня. *Не могу*. Ноги подкашивались. Это уже слишком. Я устала через силу улыбаться и изображать любящую жену.

Фиалка выпрямилась. Она старалась казаться уверенной в себе и бесстрашной, но руки у нее тряслись от страха и глаза широко распахнулись. Я восхищалась ее отвагой. Никогда не видела человека в таком ужасе, как она, – и все же она решилась поднять на него руку.

Он сделал шаг вперед, на этот раз намеренно, и что-то мелькнуло у него в глазах – какая-то первобытная злоба. Не успела я и глазом моргнуть, как он бросился на Фиалку и начал наносить ей удары руками и ногами. Каждый удар сопровождался ее криком. Она пыталась защитить лицо, потом упала на пол и поджала колени к подбородку.

Я снова смотрела. Всякий раз я не могла оторвать глаз от происходящего, хотя меньше всего на свете хотела на это смотреть. И с каждым разом не становилось легче. Роза и Мак пятились, но в этой сцене ничего нового для них не было. Ни та, ни другая, по-видимому, не собиралась падать в обморок или закатывать истерику.

Крики Фиалки пронзали меня, приковывали к месту. Я сглотнула. Ноги стали как ватные, и я упала. Мак присела рядом со мной и обняла меня. Он убивал Фиалку. Я хотела помочь ей, но не могла двинуться, и Мак сжимала меня в своих объятиях.

Он разбил Фиалке нос. Кровь стекала по подбородку. Он бил сильно и

безжалостно, и я на себе чувствовала каждый удар. Она кричала от боли, я заливалась слезами. Схватив Фиалку за волосы, он заставил ее подняться на ноги. Она держалась за ребра. Он усмехнулся и ударил ее в лицо. Пошатываясь, она отступила, наткнулась на стену и сползла по ней на пол.

Фиалка сплевывала окрашенную кровью слюну на пол. Клевер отскочил назад и утер пот со лба. Увидев у себя на руках кровь, он побледнел, повернулся и бросился вверх по лестнице. Как только он закрыл за собой дверь, Мак меня отпустила. Я вскочила и подбежала к Фиалке. Ее спутанные волосы прилипли к залитому кровью лицу.

– Фиалка, – прошептала Роза, осторожно положив руку ей на плечо. – Все будет хорошо. Сейчас приведем тебя в порядок. – Как будто это имеет какое-то значение! Ясное дело, он скоро вернется за ней. – Лилия, полотенца! – приказала Роза.

Я вскочила на ноги и подбежала к шкафу. Я ничего не знала об оказании первой помощи, но понимала, что надо как можно скорее остановить кровотечение. Роза выхватила у меня одно из полотенец и приложила к ране на голове Фиалки.

– Займись другой стороной, – приказала Роза. Другой стороной? Я быстро поняла, что она имеет в виду: на голове почти напротив первой раны была другая, длиной всего в сантиметр, но из нее сильно текла кровь.

Я всхлипывала, не в силах сдерживать слезы.

– Извини, Фиалка. Мне очень жаль, – шептала я, прижимая к ее голове полотенце. Она стонала от боли. Невыносимо причинять ей боль, но сейчас это необходимо. – Потерпи. – Все мы более-менее понимали, что понапрасну тратим время. Он спустится к нам и убьет Фиалку, если до тех пор она не умрет сама. Но мы не могли ее бросить.

* * *

Мак встала рядом со мной на колени. В руках у нее была пластиковая миска с водой, ватные шарики и широкие бинты.

– Надо смыть кровь и положить ее на кровать. Потерпи, Фиалка. – Мак обмакнула вату в воду и стала осторожно прикладывать ее возле раны со стороны Розы.

– А! – вскрикивала Фиалка, хватая ртом воздух. – Нет, больно!

– Знаю, потерпи. Надо промыть. Обещаю, это недолго, я постараюсь нежнее. – Мак провела шариком прямо по ране. Я схватила руку Фиалки, и она с силой сжала ее. Так женщины стискивают руку партнера во время

родов. Кровь просачивалась сквозь полотенце, которое я держала у раны на своей стороне, окрашивая мои пальцы красным.

Мне было трудно дышать, казалось, что-то сдавливает грудную клетку. Я очень боялась, что Фиалка умрет. Она – мой единственный шанс на спасение. Насколько сильно он ее избил? Возможно, повреждены внутренние органы, и раны на голове казались довольно глубокими. Я не могла забыть глухой стук, с которым голова Фиалки ударилась о стену. Что если у нее что-то серьезное? Что же мне делать, если она умрет? Надо было все же броситься ей на помощь. Глядя на ее опухшее и окровавленное лицо, я чувствовала себя беспомощной как никогда в жизни.

Мак обработала одну рану и подошла к Фиалке с моей стороны, чтобы заняться другой. Я убрала полотенце, Мак промыла рану. Роза стояла рядом с бинтом в руках, чтобы сразу наложить повязку.

– Так, – сказала Роза, когда с обработкой ран и перевязкой было покончено, – теперь положим ее в постель. – Роза и Мак подняли Фиалку под руки, я поддерживала спину.

Фиалка кричала от боли, крик эхом отзывался в подвале. Она держалась за ребра и тяжело дышала. Он поломал ей ребра?

– Почти дошли, – сказала я. Сейчас быгодились обезболивающие, но хранить их Клевер не позволял, выдавал только по две таблетки. Если сломано ребро, будет очень больно.

Я подбежала к кровати Фиалки и откинула одеяло, чтобы она могла сразу лечь. Роза и Мак осторожно уложили ее. Я закрыла Фиалку одеялом до пояса, чтобы не трогать ребра.

– Я умру? – прошептала Фиалка. Она тяжело дышала, казалось, каждый вздох дается ей с трудом.

Я покачала головой и присела на край ее кровати.

– Нет. Все будет хорошо. Мы будем за тобой ухаживать. – Не получится так, как хочет этот ублюдок. Я все сделаю для того, чтобы Фиалка поправилась. – Постарайся уснуть. – Если она заснет, то не будет чувствовать боли.

Фиалка закрыла глаза. Она по-прежнему дышала с трудом. Вряд ли она долго проспит, но пусть, по крайней мере, хоть немного побудет в покое. Утерев слезы, я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Что будет дальше? Он в конце концов вернется. Рассчитывает ли он увидеть здесь тело Фиалки, уложенное в черный мешок?

Я вдруг ахнула, вспомнив.

– У нас есть болеутоляющее! – Когда Мак и Роза сказали ему, что я больна, он принес мне две таблетки. Я бросилась к тумбочке, достала их из

ящика и бегом вернулась к Фиалке.

– Фиалка, вот, прими. – Она открыла глаза, посмотрела на таблетки и открыла рот. – Запить хочешь? – Она покачала головой. Я не умела глотать таблетки без воды: они застревали у меня в горле. Видимо, Фиалке очень больно.

– Только одну, Лилия. Вторую надо приберечь, – сказала Роза. Как ни хотелось мне дать Фиалке обе таблетки, я понимала, что Роза права. У нас их было всего две, а достать еще будет нелегко.

– Спасибо, – прошептала Фиалка, проглотив таблетку, которую я положила ей в рот.

Роза встала с кровати.

– Мы пойдем, чтобы тебя не тревожить.

Я покачала головой. Не хотела оставлять Фиалку одну. Роза замахала на меня рукой и расширила глаза: она, видимо, хотела поговорить со мной о чем-то без Фиалки. Я поднялась с постели и вместе с девушками вышла из спальни.

– Что? – спросила я в гостиной.

– Надо подумать, что будем делать, когда он вернется. Вряд ли его устроит такой поворот событий. – Его не устроит, что Фиалка осталась жива. *Ублюдок!* – Я поговорю с ним, постараюсь объяснить, что Фиалка так сделала от страха. Я еще не решила, что сказать.

Я всхлипнула и снова утерла слезы. Хотелось свернуться в клубочек и плакать, но нельзя было раскисать. У меня оставалась надежда.

– Она умрет?

Роза вздохнула.

– Не знаю. Хотелось бы надеяться, что нет.

Нельзя позволить Фиалке умереть. Я знала ее всего несколько часов, но казалось, она с нами уже несколько лет. Здесь, в подвале, время текло очень долго. Из всех нас она единственная так же отчаянно хотела выбраться на свободу, как я. Она была нужна мне.

* * *

Дверь, ведущая в подвал, скрипнула, и сердце у меня бешено заколотилось. Я схватила Фиалку за руку и закрыла глаза, молясь про себя, чтобы Клевер оставил ее в покое.

Дверь спальни приоткрылась, и я вздрогнула. Оказалось, это Мак, она вошла и закрыла за собой дверь. Я расслабилась. Она пришла одна.

Видимо, он слушает то, что хотела сказать ему Роза.

– Что происходит? – спросила я.

– Роза с ним разговаривает.

– Может, попробуем подслушать?

Мак покачала головой.

– Если он войдет и застанет нас за подслушиванием, ему это точно не понравится.

Я стиснула зубы, меня распирало желание высказать ему все. Мне так много надо сказать этому ублюдку, но если попытаться выложить хоть что-то из накипевшего, он меня наверняка убьет.

– Сколько, по-твоему, ей понадобится времени, чтобы его убедить?

Мак пожала плечами.

– Не знаю. Он редко меняет решения. – Ох этот больной мозг! С ним, видимо, случилось что-то действительно ужасное, но это нисколько не оправдывало его поступки. Я села на кровать рядом с Мак, и мы молча стали ждать, к чему приведет попытка Розы.

Я думала, что я сделаю, если Клевер оставит Фиалку в покое. Я перестану ныть и жаловаться на заточение в подвале. Никогда больше не закричу на Мак и Розу, если они назовут меня «Лилия». Оставлю мысли о том, как разделаться с Клевером.

Мы услышали, как дверь из подвала открылась и закрылась, и я взглянула на Мак. Я не хотела тешить себя иллюзиями, но он не пришел за Фиалкой. Это хороший знак. Роза заглянула в дверь с улыбкой.

– Все в порядке.

– Что? – я вытаращила глаза от изумления. Он не придет за Фиалкой? Я надеялась, что не придет, не ожидала такого исхода.

Роза кивнула и присела на постель Фиалки.

– Я объяснила, что она была напугана и думала, что он собирается всех убить, поэтому попыталась защитить нас. Он мямлил что-то невнятное минут десять. Я ни слова не могла понять, – она замолчала и нахмурилась. – Странно... и страшно. – Я затаила дыхание. Признание Розы, что ей страшно, меня испугало. – В конце концов мне удалось убедить его, что Фиалка сама не понимала, что делает. Будто бы она не поняла, что мы тут одна семья. – Я стиснула зубы. *Мы не семья.*

– Так он Фиалке поможет? – спросила Мак.

Роза, обдумывая, что сказать в ответ, закусила губу.

– Он разрешил нам ухаживать за ней, но не даст никаких лекарств – это ей в наказание. – Я оцепенела. Он собирается заставить ее терпеть боль. Я чувствовала себя так, будто меня ударили под дых. Не милосерден, а

мстителен. Сделал то, что ему самому не нравится, но страдать теперь должна Фиалка. Меня распирала ненависть к нему. Я скрежетала зубами, кровь кипела. Убить его. Убить тем же способом, каким он убил столько девушек.

– Ладно, – кивнула Мак. – Все будет хорошо. Мы позаботимся о ней. С нашей помощью она выздоровеет. – Она выздоровеет, но сколько ей предстоит терпеть острую боль? Я отвернулась от Фиалки. Лучше бы она умерла. Жить здесь в ее состоянии – куда хуже смерти. *Как ни прискорбно.*

Несколько часов мы просидели в спальне. Вдруг из гостиной донесся громкий стук, а за ним несколько глухих ударов. Я ахнула от удивления, сердце учащенно забилося.

– Что это? – Я встала между дверью и кроватью Фиалки. В ответ донесся пронзительный женский крик. – О нет. – Неужели он снова кого-то убивает?

Роза посмотрела на закрытую дверь спальни. Оттого, что мы слышим, но не видим происходящего, было гораздо страшнее. Я представила себе сцену кровавого насилия.

– Нет, нет, пожалуйста! – кричала женщина.

Глаза у меня наполнились слезами.

– Роза, что будем делать?

Она вздохнула.

– Ты ничего не делай. Я буду стоять здесь, у двери, подожду, пока все кончится. Ему понадобится хотя бы одна из нас. – Мак тоже подошла к двери и встала у порога. Дверь чуть-чуть приоткрыли. Мы слушали, как женщина кричит и умоляет о пощаде.

– Что происходит? – хриплым голосом спросила Фиалка у меня за спиной. По комнате снова пронесся утробный крик, ему отозвалось эхо, я замерла. – Что это?

– Тихо, – прошептала я, роняя на пол слезы. – Вот почему мы его слушаемся.

Пятница, 21 января (настоящее время)

Трясущимися руками я запер дверь в комнаты девушек и передвинул на место книжный шкаф. Грязен – я грязен и отвратителен самому себе. Надо очиститься. Снова обрести контроль над ситуацией. Руки дрожали, сердце бешено колотилось. Пальцы, одежда – все в крови.

Ванная на первом этаже. Не помню, как я туда добрался. Включил душ, сорвал с себя одежду и бросил в раковину. Одежду придется сжечь. Сколько ни стирай, ее не отстираешь. Это не беда, у меня есть другая, точно такая же. Я встал под душ и под горячей водой наконец расслабился. Я чувствовал, как вода смывает микробов. Тревога и страх постепенно ослабевали.

Я выключил душ и завернулся в полотенце. Тело привыкло к горячей воде. Раньше после такого душа кожа болела, но сейчас уже нет. *Чист. Я теперь чист. Я смогу. Все получится, это мне по силам.* Мама ошибалась. Я выживу и без нее. У меня все нормально. *Я справлюсь.*

Девушки маме, конечно, не понравились бы. Ей бы не понравилось, что они помогают мне, что я к ним привязан. Но ее здесь нет, и она не может ничего мне диктовать. Я делаю то, что хочу. Сам распоряжаюсь своей жизнью. Мама больше меня не контролирует. *Уже нет.*

Девушки скоро приведут все в порядок. Я оделся в чистое, а грязную одежду сложил в бумажный мешок. В камине в моей гостиной приготовлены дрова и уголь. Я развел огонь и бросил в него мешок. Смотрел, как языки пламени растут, как они лижут мешок и он в считанные секунды чернеет. Одежда прямо у меня на глазах превращалась в золу. На меня снизошло расслабление. Оно пришло само. Но надо было сделать еще одно дело: убрать из дома подальше от моих девушек ту грязную шлюху.

Когда я вернулся к ним, все читали, сидя на диване. Шлюха, готовая к отбытию, лежала в пакете возле лестницы. Лилия смотрела в пространство поверх своей книги. Ее жизнь сейчас совсем не такая, как та, второсортная, что она вела с прежней семьей. Она вполне прижилась у нас.

Роза улыбнулась, склонив голову набок. Длинные темные волосы закрывали от меня половину ее лица. Она очень красива и женственна. И

она любит меня. Я все еще жалел о том, как все сложилось. Моя жизнь должна быть совсем другой. Роза – Шэннон – и я должны быть вместе. Это она должна покупать шерсть и одежду для девушек. Рядом с нею я должен просыпаться, а не с холодной пустотой.

Не говоря ни слова, я поднял тело и отнес наверх. Да, мертвое тело – тяжкое бремя, но бремя общества, в котором живут такие шлюхи, еще тяжелее. Теперь одной из них стало меньше. А за ней последуют еще многие. И этому не будет конца. В отличие от правительства и полиции, я не буду сидеть сложа руки, позволяя всему идти своим чередом.

Я отнес тело к машине и положил в багажник. Хорошо, что было темно.

Я быстро доехал до канала. Столько раз ездил этой дорогой, что вел машину не думая. Это естественно. Я мог бы доехать и с закрытыми глазами. Темная вода – могила для покрывших себя позором.

Открыв багажник, я достал тело и положил на землю рядом с машиной и с кучей поломанных кирпичей, мела и обломков бетона. Этот район заброшенных домов должны были застроить через несколько лет, но начало строительства дважды откладывали. Лучше бы оставили все как есть.

Я положил в мешок с телом камни, сколько поместилось, и бросил его в воду. Он пошел ко дну, а я удовлетворенно вздохнул. *Ну вот, еще одной меньше.*

Понедельник, 24 января (настоящее время)

– Доброе утро, цветы, – сказал я, спускаясь в подвал по лестнице. Лилия, сидя у стола, возилась с пластиковыми столовыми приборами. Она посмотрела на меня и равнодушно улыбнулась. Взгляд зеленых глаз грустный и усталый. Что-то с ней происходит неладное. Наверно, приболела.

– Доброе утро, Клевер, – сказали Роза и Мак.

– Как спалось, Лилия? – спросил я, садясь за стол напротив нее.

Она опустила глаза и прошептала:

– Хорошо, спасибо.

– Неважно себя чувствуешь?

Она покачала головой.

– Нет, все нормально. – Я кивнул и взялся за ложку. Передо мной поставили тарелку мюсли. Завтракали мы в молчании.

– Так, я еду на работу. Желаю хорошо провести день, увидимся за ужином.

Через сорок минут я был на работе.

– Доброе утро, Кристи, – сказал я, проходя через приемную. – Как поживаешь?

Она улыбнулась. Волосы собраны на затылке в тугий пучок, одета самым неподобающим образом. Не знаю, почему ей позволяют приходить на работу в наряде проститутки.

– Отлично, Колин. А вы?

– Очень хорошо, спасибо, – я прошел в свой кабинет и поставил портфель. Пока загружался компьютер, пошел приготовить кофе. Прошел кабинет Грегори Харта, старшего юриста, который стал работать в нашей компании сразу по окончании колледжа. Он говорил с Кристи. Она хихикала. Я подошел поближе, чтобы слышать, о чем они говорят.

– Так ты вечером свободен? Сможешь оценить комплект нижнего белья, о котором я тебе говорила, – мурлыкала Кристи. Я ощутил стеснение в груди. Грег женат, его жена сейчас на сносях.

– Хм, да, свободен. Натали уехала на несколько дней, навестить маму и сестру. Я буду совсем один в большом доме.

Кристи обрадовалась, как ребенок рождественским утром.

– Так я заеду в шесть. Сначала заскочу домой переодеться во что-нибудь не такое удобное.

Я закрыл глаза. Не то же ли самое говорил мой отец своей шлюхе, когда мы с мамой ушли за покупками? Наверно, так же легко и радостно обманывал маму, как сейчас Грег. Развернувшись на пятках, я прошел на кухню. Как смеет эта дешевая шлюшка разрушать чужой брак?

Включив чайник, я смотрел, как закипает вода. Так же чувствовал себя и я сам – как вулкан, готовый извергнуться.

– Воды хватит на двоих? – голос Кристи заставил меня вздрогнуть.

Я обернулся, улыбнулся и постарался справиться с гневом.

– Конечно. Иди к себе, садись, я сейчас все приготовлю и принесу.

– Отлично, спасибо. Мне столько всего надо сделать!

– Я скоро.

Кристи улыбнулась и вышла из кухни. Вошли Джейн и Джессика.

– Доброе утро.

– Привет, Колин. Мы тут как раз говорили об этой пропавшей девушке, Саммер. Ее до сих пор не нашли, – Джейн сочувственно покачала головой. – Бедные родители.

– Не могу представить, кто способен заниматься такими вещами, – вздохнула Джессика. – Ужас. Вообразите, каково сейчас ее семье. А каково ей! Страшно подумать, через что ей приходится пройти. Все думают о ее семье, а о ней самой-то! Ей должно быть сейчас так страшно.

– Если она еще жива, – сказала Джейн.

Лилии сейчас лучше, чем с ее прежней семьей. Ее бы растлило общество, не видящее ничего зазорного в том, что женщина спит с кем попало и ведет себя как эгоистичная шлюшка. Лилии лучше с тем, кто заботится о ее будущем, ее нравственности, кто защищает ее. Даже ее так называемый дружок позволял ей бродить по ночным улицам в одиночку.

– Ну, мы же не знаем всего. Она могла убежать из дома, – сказал я, и обе девушки закивали в знак согласия. – Уж вы, пожалуйста, понапрасну не рискуйте, берегите себя, – сказал я и взял две чашки приготовленного кофе.

– Вот, Кристи. Два кусочка сахара, как ты любишь. – Я поставил ее чашку на розовый поднос и заметил, что она переписывается по скайпу с Грегом. Она свернула окно, прежде чем я успел прочитать написанное. *Что-то скрывает.*

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Спасибо, Колин. Ну что? Наконец-то пятница? Есть планы на выходные?

– Есть. Мне надо наверстать несколько уроков в «Сделай сам». А у тебя?

– Вечером встречаюсь с другом. Возможно, и завтра тоже.

Женатый друг, у которого вот-вот должен родиться ребенок.

– Что ж, желаю приятно провести время, – сказал я, отошел от нее и скрипнул зубами. Я думал о жене Грега, о его еще не родившемся ребенке. Что она почувствует, когда узнает? Воспримет ли это так же, как моя мама? Мама не плакала, ни разу. Не плакала, когда он ушел и когда узнала, что он снимает квартиру вместе с этой шлюхой. Мама не плакала, даже когда они развелись. Я один раз заплакал, но она поколотила меня, и я понял, что надо быть сильным и держать себя в руках. Слезами горю не поможешь.

Надо что-то предпринять. Жена Грега заслуживает лучшей участи, чем, явившись домой, застать мужа с грязной шлюшкой.

– Колин, мне надо отлучиться. Если будут спрашивать, скажите, вернусь через десять минут, – крикнула через плечо Джессика, бегом направляясь к выходу.

Я улыбнулся. Джессика ушла на десять минут, ее сотрудница по отделу кадров, Миранда, в отпуске. Я поставил чашку кофе на стол у себя в кабинете и поднялся по лестнице в отдел кадров. Он невелик, в двери нет

оконца, так что я знал, что меня не увидят.

Открыв дверь, я с порога осмотрел комнату. Как я и думал, пусто. Я вошел и закрыл за собой дверь. С картотекой сотрудников мне уже приходилось сталкиваться в ходе работы, поэтому я точно знал, где искать. Я выдвинул нижний ящик и сразу нашел личное дело Кристи. Судя по адресу, она живет неподалеку от моего дома, в двадцати минутах езды на машине. Я запомнил название улицы и номер дома, поставил папку на место, задвинул ящик и выпрямился. Сердце учащенно билось. Помещений на последнем этаже немного, только отдел кадров и кабинет директора, Брюса. Я еще не видел его сегодня, но вообще он приходит и уходит когда заблагорассудится. Я уже потянулся к дверной ручке, когда дверь распахнулась.

Я замер на месте.

– Доброе утро, Брюс.

– Привет, Колин. Не знаете, где Джессика?

– Вышла на минуту, сейчас вернется.

– Ты что ищешь?

– Хотел взять бланк заявления на отпуск. Совсем забыл, что Миранды сейчас нет. – Я улыбнулся и покачал головой. *Какой же я недотепа!*

Брюс кивнул и почесал выпирающий живот.

– А, да. Она ведь сейчас на юге Франции, верно?

– Кажется, да. Славные там курорты. Бывали там?

– Не могу похвастать. Предпочитаю сидеть у пруда с банкой холодного пива. Ну, Джессику я еще увижу. – Он кивнул и вышел из кабинета. Я вздохнул с облегчением, вышел следом и закрыл за собой дверь.

Я знал, что ужин скоро будет готов. Опаздывать я не люблю, но надо было подготовиться к предстоящему вечером. На кровати стояла раскрытая сумка, в ней уже лежал мешок для тела, перчатки из толстой резины и чистящие средства. При мысли о том, что мне предстоит войти в дом Кристи и наказать ее, меня тошнило. Но кто-то же должен это сделать. Это ее вина, не моя. *Брать контроль над ситуацией в свои руки следует до того, как она ухудшится.* Да, вот только этим я и занимаюсь: забочусь о том, что требует моего контроля.

Я причесался и мысленно несколько раз повторил адрес Кристи. Я не слабак. *Я с этим справлюсь. Мама ошибалась. Мама ошибалась.* Положив расческу на туалетный столик, я оправил рубашку и стал спускаться в комнаты девушек.

Я оставил машину на стоянке у маникюрного салона. Отсюда до дома Кристи полминуты пешком. Она живет за мясной лавкой, немного в стороне от дороги. Если не считать старого здания, в котором сдавались квартиры, ее дом здесь единственный жилой. Это, по счастью, означало, что сегодня мне никто не помешает.

Я скрестил руки на груди. Дул холодный январский ветер, хотелось скорее вернуться домой, к девушкам. Опустив голову, я закинул сумку на плечо и быстро пошел к дому Кристи.

Светилось единственное окно наверху. Дом небольшой, но не коттедж, второй этаж – мансардный. Такое жилище – теплое, уютное и притягательное – не подходило Кристи. Все это с ней просто не вязалось.

По обе стороны от сосновой парадной двери стояли искусственные оливковые деревья, не очень хорошие, дешевые на вид и неуместные. Я поднял стоявшее справа и вздохнул. Под терракотовым горшком лежал ключ от двери. *О господи, Кристи, ты совсем себя не бережешь.* Я подошел ближе к парадной двери и услышал доносившуюся из дома песню Робби Уильямса. Мама, готовясь к свиданию с отцом, ставила свои любимые пластинки. Я сидел на кровати и смотрел, как она красится перед зеркалом и поет.

Убедившись, что сзади никого нет, я вставил ключ в замочную скважину и открыл дверь. Кристи вдохновенно подпевала Робби Уильямсу. Как она может так радоваться, разрушая чужой брак? Этого я никогда не мог понять. Почему женщины настолько бесчувственны, когда речь идет о счастье другой?

Я пошел искать Кристи. Сердце учащенно забилось, в крови забушевал адреналиновый шторм, я казался себе непобедимым и невесомым. Прямо передо мной за широко открытой дверью была ее спальня, высокое зеркало стояло в углу, так что она пока меня не заметила.

Я осторожно поставил сумку на верхнюю ступеньку и стал смотреть, как Кристи расчесывает волосы. На ней был только безвкусный красный лифчик и такого же цвета трусики. Стройное тело покрывал загар. Вот ее оружие. Этим она пользуется, чтобы добиваться своего, особенно с мужчинами.

Я смело шагнул вперед. Я видел ее в зеркале. Она посмотрела на меня расширившимися глазами. Вскрикнув от неожиданности, она повернулась ко мне и прижала руки к груди.

– К-колин? Что вы?.. – она покачала головой. – Что вы здесь делаете?
Я улыбнулся и, закрыв за собой дверь, вышел на середину комнаты.

– Очень рад твоему вопросу, Кристи. Как тебе известно, ты очень скверная девчонка.

Она сделала шаг назад.

– Что вы хотите сказать? Что вы делаете? К-как вы попали в дом?

– Ш-ш. Вопросы задаю я, с твоего позволения. – Я не стал дожидаться ее ответа. – Почему ты спишь с женатым мужчиной?

– Что? – прошептала она. – С Грегом? Откуда вы знаете?

– Ты знакома с его женой? – Она покачала головой. – Нет. Так я и думал. Как, по-твоему, заслуживает ли его жена такого унижения? Ее муж спит с кем попало. – Кристи открыла рот и, попятившись, наткнулась спиной на стену. – Это мой вопрос, Кристи.

– Нет, – ответила она.

– Так я и думал. Что, по-твоему, она почувствует, узнав о твоих планах на сегодня?

Кристи задрожала, и по ее щеке скатилась слеза.

– Я-я не... Откуда вы узнали мой адрес?

– Ну хватит разговоров, я так думаю. – Я не хотел больше тратить на нее время. Не говоря ни слова, я вытащил из кармана нож, и она закричала.

– Нет! Какого черта ты творишь?! Господи! Ну хорошо, я больше так не буду, прости, хорошо? Пожалуйста. Колин, что ты делаешь? – Она выставила перед собой руки и отпрянула назад. – Что ты делаешь, сам подумай!

– Довольно, – рявкнул я. Она вздрогнула и, скуля, прижалась к стене. Я терпеть не могу слезы и мольбы. И мама этого тоже терпеть не могла.

– Пожалуйста, не надо, пожалуйста. Пожалуйста! Я сделаю все, что ты хочешь, Колин, клянусь. – Все, что я хочу. Она предлагает мне секс, а ведь именно он и навлек на нее наказание. *Грязная шлюха*. Гнев во мне разгорался. Я зарычал. Взмахнув рукой, я полоснул лезвием ножа по ее красивому лицу.

Она закричала и в ужасе уставилась на меня. Попыталась прикоснуться к порезу, но руки у нее дрожали. От ее криков у меня звенело в ушах.

– Прощай, Кристи, – сказал я и всадил лезвие ей в живот. Я сделал шаг назад, и ее тело, прежде зажатое между мною и стеной, с глухим стуком упало на пол.

– Нет, – пробормотала она, прижимая трясущуюся руку к ране в животе. – Помогите мне. Пожалуйста, – умоляла она, хватая ртом воздух.

– Кристи, смерть – твое наказание. Наказание должно быть, иначе уроки не будут выучены и общество не исправится.

Она закашлялась, изо рта летели кровавые брызги. Потом двинулась вперед, пытаясь уползти. Я повернулся к ней. Ее ногти скребли по ковру.

– Помогите, – прохрипела она.

Вздохнув, я сделал шаг вперед и ногой перевернул ее на спину. Она тяжело и прерывисто дышала.

– Отпусти меня. Пожалуйста. – Ее глаза наполнились слезами.

– Кристи, – прошептал я и поднял нож. – Пора сказать «спокойной ночи». – Она закричала, а я ударил ее ножом с такой силой, что он с хрустом вошел в грудную клетку. Она обмякла, глаза закатились. Я глубоко вздохнул и закрыл ей глаза. *Я контролирую ситуацию.*

Не мешкая я уложил тело в мешок и стал прибираться. Давненько в последний раз я сам соскребал кровь с пола и стен. Положив тело на верхней площадке лестницы, я полил ковер чистящим средством. Я и сам не понимал, для чего прибираюсь, знал только, что не могу оставить после себя беспорядок.

Закончив, я прошел в ванную к раковине и стал оттирать руки. *Грязный. Я был грязный. И чувствовал себя грязным.* Выдавив на руки еще одну порцию жидкого мыла, я начал тереть их в третий раз. Они только казались чистыми, но я-то знал, что они еще недостаточно чисты. *У тебя никогда ничего не получится, слабак.* Я тер руки, яростно смывал мыло и скрежетал зубами.

Это было слишком. Я слабак, ничего не получится, и вообще все не так. Я швырнул флакон с мылом о стену, схватился за края раковины и несколько раз глубоко вдохнул носом. Нет, я не слабак. Я сильный, как мама. Нет, я еще сильнее. Я сильный, и я не подведу. Я... не... подведу.

Музыка вдруг стихла, проигрыватель выбирал новый компакт-диск. Я ждал. Наконец тишину заполнил женский голос. Прежде я не слышал эту песню, очень нежную и успокаивающую. У исполнительницы прелестный хрипловатый голос.

Повернувшись, я вышел из ванной и взвалил мешок с телом на плечи. Потом бросил его рядом с домом и пошел к машине. Багажник у нее большой, мешок с телом легко поместился. До канала рукой подать. Скоро я вернусь к своим девушкам.

Я бросил сумку рядом с мешком и захлопнул багажник.

– Прощай, шлюха.

– Добрый вечер, цветы.

– Добрый вечер. Как прошел день? – спросила Мак. Роза посмотрела на меня и просияла. Ее голубые глаза поблескивали. Я посмотрел на Мак и улыбнулся.

– Очень хорошо, спасибо. Но у меня есть одно дело, которое я запланировал после ужина, – я сел за стол напротив Лилии. – А ты как?

Она прикусила губу.

– Спасибо, хорошо.

– Вот, – сказала Мак, ставя передо мной тарелку. – Ростбиф. Твой любимый.

– Верно, – я улыбнулся. Мак – невероятная женщина. Она заботлива, внимательна, не ленится узнавать новое. Я горд таким членом своей семьи. Она ни разу не разочаровала меня. Я осмотрел стол. Меня распирало от гордости. Все мои девушки, в отличие от этой шлюшки Кристи, прекрасны, особенно в том отношении, которое имеет наибольшее значение.

Пятница, 28 января (настоящее время)

Я проснулся от громкого стука. Взглянул на часы, они показывали чуть меньше половины шестого. Сердце бешено заколотилось. *Саммер!* Неужели это она? Я выскочил из постели и побежал вниз по лестнице. Чуть не столкнулся с Дон и Генри. Дэниел опередил нас всех, он был уже у двери. Я столько пропустил: полгода ее жизни, ее семнадцатый день рождения. Я больше не хотел жить без нее ни секунды.

Дэниел открыл дверь. Я затаил дыхание, молясь, чтобы это была она. Сердце сразу упало: в дом вошел детектив Майкл Уолш. От мрачного выражения его лица я похолодел. Что-то случилось.

– Ч-что? Что с-случилось? – запинаясь, спросила Дон. Слезы уже текли у нее по лицу. – Где моя девочка?

Майкл – так он просил нас называть себя – вошел в дом вместе с еще одним полицейским. Только Майкл разрешил нам называть себя неофициально, по имени. Я так и не понял, почему. Или он хотел, чтобы мы в его присутствии чувствовали себя более раскованно и больше ему доверяли, или потому, что у него дочь – ровесница Саммер и он больше других сочувствовал нам.

– Давайте сядем, – сказал Майкл. Я попятился и сел на диван. Время остановилось. Земля перестала вращаться. Я почти не хотел услышать то, что он собирался нам сказать.

– Мы нашли мобильный телефон Саммер, – начал Майкл, – в контейнере для мусора возле канала.

Кровь застыла у меня в жилах. *Нет, не может быть, чтобы это был ее телефон.*

– Вы уверены, что это действительно ее?

Майкл кивнул.

– Да. Кто-то нашел его и, увидев заставку, сразу передал в полицию. – На заставке у нее была фотография – мы с ней на ее кровати. Она ее сделала после ужина по случаю нашей первой годовщины. Тогда в первый раз мне разрешили остаться в спальне Саммер на ночь. Хотя дверь должна была оставаться все время открытой.

– Он включен? – спросила Дон. – Она его никогда не отключала.

Майкл помрачнел, я отвернулся. Меня пронзила острая боль, и я скрипнул зубами. Саммер не пользуется телефоном, кто-то ее удерживает у себя. Или ее убили.

– Мы считаем, что телефон в контейнер выбросила не Саммер, кто-то другой. Вряд ли девушка-подросток, не имевшая причин убегать из дома, выкинула бы мобильник. Мы сейчас собираем команду, и как только рассветет, поищем в канале. Жаль, что ничего другого сообщить вам не могу.

– Думаете, моя дочь в канале? – прошептала Дон.

Майкл кивнул и опустил глаза.

– К сожалению, это возможно.

Я вскочил на ноги. Мне хотелось спорить. *Все это чушь.*

– Она жива. Если б ее не было в живых, я бы знал. – Почему, черт возьми, они не слушают меня? Моя девушка жива. В горле у меня пересохло, и я затаил дыхание. *Она ведь жива, правда?*

– Успокойся, – Генри поднялся на ноги и встал передо мною. Глаза у него того же цвета, что и у Саммер. Хотел бы я, чтобы это она сейчас смотрела на меня.

– Ее телефон найден у канала, Льюис, – сказал Генри. В его глазах стояли слезы. *Ее телефон, а не она сама. Я бы не терял надежды.*

Я попятился и покачал головой.

– Она жива, – повторил я и пошел в комнату Саммер. Она жива, и никто не заставит меня думать иначе.

Раз уж я не сплю, не стоит тратить время попусту дома. Времени постоянно не хватало. Каждый вечер с наступлением темноты мне казалось, что для успеха в поисках нам не хватило всего лишь нескольких часов светлого времени. Каждый раз, приехав домой, я думал, что мы вернулись домой на пять минут раньше, чем следовало бы.

Я вышел из дома и сел в машину. Я не собираюсь оставаться здесь. Как они могут так легко отчаиваться?!

Чертов телефон ничего не значит. *Она жива.* Я чувствовал, что с нею неладно, еще когда она сама ничего не знала. Она как открытая книга. Во всяком случае, для меня. Знай себе читай. Я договаривал за нее фразы, видел все ее мысли. Мы слишком тесно связаны, чтобы я сейчас не знал, если бы она была мертва.

Глубоко вздохнув, я включил первую передачу и уже собирался тронуться, как в зеркале увидел бегущего к машине Генри. Одну руку он поднял вверх. *Что еще?* Я опустил стекло у пассажирского сиденья и

открыл дверцу.

– Если едешь, Генри, то садись...

– Нет, – перебил он, сел в машину и повернулся ко мне. – Ты не можешь уехать. Они что-то нашли.

Во второй раз за последние двадцать минут земля прекратила вращение.

– Что? – прошептал я, пытаюсь проглотить страх.

– Два тела. Это не Саммер, но они продолжают искать.

– Откуда они знают, что это не Саммер? Это точно?

Он кивнул.

– Для Саммер тела пробыли в воде слишком долго. – Меня затошнило. Как выглядит тело, пролежавшее в воде более пяти месяцев? Я закрыл глаза. – Надо ехать туда, Льюис.

– Неужели и ее найдут?! – казалось, мне разрезали грудь и вырвали сердце. Никогда не испытывал такой боли – невозможно дышать. Неужели я увижу, как тело моей девушки поднимают из канала?

– Я... я не... – Слова бессмысленны. Все бессмысленно. Она слишком молода, умна и прекрасна, чтобы у нее вот так отняли жизнь. Мы уж очень много хотели сделать вместе, чтобы это можно было у нас отнять.

– Надо ехать. Сейчас же. – Генри захлопнул дверцу. – Поезжай следом за моим отцом. – Майкл и другой полицейский бросились к своей машине. *Черт, это плохо.* – Давай, Льюис, – проворчал Генри. Я посмотрел на дорогу. Родители Генри уже отъехали. *Ну же, вперед!* Я тронулся и повел машину за ними.

* * *

Было холодно. Ледяной ветер проникал сквозь тонкий свитер. Глупо, что я не оделся потеплее. Я медленно шел вдоль канала с Генри и родителями Саммер. То, что нам снилось в кошмарах, могло оказаться правдой. Никто из нас не спешил в этом убедиться.

Перед местом, где канал делает крутой поворот, полиция оградила лентой часть берега. Если стоять за ней, вряд ли что-нибудь можно увидеть. Мы подошли к ленте. У меня сосало под ложечкой. Я сжал кулаки и затаил дыхание.

– Дэниел, сходи узнай, – сказала Дон мужу. Сегодня впервые со дня исчезновения Саммер она вышла из дома. Не нашлось никаких доводов в пользу того, чтобы она осталась. Дон вызвала свою маму, чтобы та побыла

дома на случай, если Саммер каким-то чудом позвонит или вернется. Я ждал этого чуда.

Вдруг полицейские подбежали к воде. Мне ничего не было видно.

– Что там? – закричал я.

– Оставайтесь на месте. Я подойду и все расскажу, как только сам узнаю, – бросил через плечо Майкл и побежал туда, где толпились другие полицейские.

– Саммер! – закричала Дон. Нет. *Не может быть, что это она.* – Только не моя дочка! Кто-нибудь, пожалуйста, скажите, что там. Дэниел! – умоляла Дон. Голос дрожал, она судорожно всхлипывала.

Я наклонился, упер руки в бедра и попробовал дышать. Если там Саммер, то как она умерла? Мучительной смертью или быстро? Я глубоко вздохнул и часто заморгал. *Не думай об этом.*

– Майкл, что там? – крикнул Дэниел. Я вытянул шею.

К нам шел Майкл.

– Это не Саммер. – Я закрыл глаза и глубоко, с облегчением вздохнул. Слава богу.

Дэниел покачал головой.

– Так теперь уже три тела?

Майкл кивнул и почесал голову.

– Да. Больше пока ничего не могу сказать. По-моему, вам лучше подождать дома. Будет что-то новое – я позвоню.

Позвонит? Значит, он думает...

– Вы считаете, что Саммер в воде? – спросил я, надеясь, что кто-нибудь в конце концов скажет, что нет.

– Льюис, не могу сказать. Искренне надеюсь, что нет, но мы будем продолжать поиски, пока не убедимся, что тел в воде больше нет.

Суббота, 19 декабря (1987 года)

Мы переходили улицу с оживленным движением, и мама крепко держала меня за руку. Шли покупать отцу рождественский подарок, а еще все, что нужно, чтобы испечь печенья и кексы.

– Мама, а мы сможем приготовить сосиски, запеченные в булочках? Я так их люблю!

– Прекрасная мысль, Колин. Папа тоже их любит, – я широко улыбнулся и начал подпрыгивать на ходу. Наши любимые сосиски, запеченные в булочках! Скорее бы мама их приготовила, я съем сразу пять штук. – Сюда, милый, – мама потянула меня за руку в скучный магазин одежды. Я не любил ходить в такие магазины, но бакалейные ненавидел еще сильнее: в них еще скучнее.

– Зачем, мам?

Она взглянула на меня и улыбнулась.

– Купим папе перчатки и свитер к Рождеству.

Я нахмурился.

– Но я хочу купить ему новую машину. Он сказал, что его старая почти развалилась.

Мама наклонилась и слегка ущипнула меня за щеку.

– Это очень мило с твоей стороны, дорогой, но на машину у нас денег не хватит.

– Ладно. А на синие перчатки хватит?

– Конечно. – Она взъерошила мне волосы и выпрямилась. Мама всегда ерошит мне волосы, а потом велит привести их в порядок. Я усмехнулся. *Глупая мама.*

– Как тебе вот эти? Мне они нравятся.

Я указал на синие перчатки, которые она держала в руке. В другой были тоже синие, но какого-то скучного оттенка.

– Тогда их и возьмем. Идем, выберем свитер, а потом, может быть, купим горячего шоколада с зефиром, чтобы согреться. – Я запрыгал на месте от радости. Я любил шоколад с зефиром, а на улице было действительно холодно.

Мама выбрала папе свитер, брюки и носки. Мне хотелось поскорее выпить шоколада.

– Так, – сказала мама, заплатив за покупки. – Теперь шоколад, а потом в универмаг за нашими ингредиентами.

– Да! – воскликнул я.

Горячий шоколад был действительно горяч. Я уже съел с него зефирки – их я любил больше и съедал в первую очередь. Мама останавливалась в каждом отделе, даже когда мы купили все, что хотели. Она наклонилась и понюхала цветы.

– Хочешь понюхать, Колин?

– Фу, гадость. – И я отвернулся.

Мама нахмурилась.

– Милый, цветы – не гадость. Цветы – прекраснейшее творение природы. Идем. – Она выбрала тюльпан и поднесла его к моему носу. Я понюхал. Пахло неплохо. – Видишь, пахнет приятно, правда же?

Я пожал плечами.

– Ну да, наверно.

Мама выпрямилась и посмотрела на пожилую продавщицу.

– Мне, пожалуйста, букет тюльпанов.

– Прекрасный выбор, – ответила та.

– Люблю оживлять темные зимние вечера яркими цветами, – сказала мама, а я стал рассматривать витрину с игрушками. Мне было очень скучно. Хотелось домой, готовить печенье и сосиски в булочках.

– Ты готов, Колин? – спросила мама и потянула меня за руку. – Ну, теперь, кажется, все.

– Готов, – усмехнулся я.

* * *

– Это что такое? – мамин крик заставил меня вздрогнуть, и я выбежал из своей комнаты. Она смотрела в спальню. – Убирайся! Убирайся, шлюха, – кричала мама.

Сердце учащенно билось, мне было страшно. Что такое «шлюха»?

– Мама, – позвал я и заплакал. Она не слышала меня, не обращала на меня внимания. Я подошел и увидел на кровати папу. Он кутался в одеяло. Рядом какая-то женщина надевала через голову платье. Что они тут делали?

– Беатрис, – сказал папа. – Я могу объяснить.

– Заткнись! Убирайся к чертям! Не хочу тебя больше видеть, и эту

грязную шлюху забирай с собой! – Мама прежде никогда не кричала. Я допрыгал до угла коридора и сел на пол. Глядя поверх коленок, я увидел, как незнакомая женщина выбежала из комнаты и стала спускаться по лестнице. Следом за ней вышел отец и остановился.

– Убирайся и даже не звони больше!

– Беатрис, пожалуйста, позволь мне объяснить. Мне очень жаль, я так виноват. Но это ничего не значит. Это была ошибка.

– Тебе жаль, что ты попался, ублюдок. Оставь нас в покое.

– Но Колин...

Мама рассмеялась, но не прежним своим счастливым смехом.

– Ты его не любишь. Ни его, ни меня. Вот с ней и живи. Убирайся! – У меня задрожали губы. Папа не любит меня, а мама сошла с ума. Я закрыл глаза, обхватил голову и заплакал.

Воскресенье, 30 января (настоящее время)

Ко мне подходил Льюис вместе с еще одним парнем. По их сходству я понял, что это его брат. Я напряженно улыбнулся.

– Спасибо, что пришли, – сказал Льюис. – Сейчас организуют группы, но вы можете пойти с нами.

– Хорошо, – кивнул я. – Готов идти, куда скажете. Меня зовут Колин Браун.

– Льюис, – он протянул мне руку. Я пожал ее и посмотрел на парня, стоявшего рядом. – Это мой брат, Тео. – Я пожал и его руку тоже. – Давайте начнем, не хочу терять зря время.

Я понятия не имел, где мы будем искать, но это не имело значения. Я просто хотел знать, что происходит. К тому же важно было поучаствовать в поисках Лилии и чтобы меня при этом видели. Льюис с братом вышли из здания муниципалитета и перешли улицу. Напротив здания находился парк.

Мы прошли краем парка к расположенному за ним полю. С нами шли еще четыре человека, все с картами, но организовано все было неважно, район для поиска выбран случайно. Шагая по парку, я вспомнил, как впервые увидел Лилию. Она была так прекрасна, естественна, невинна, ее голос показался мне музыкой. Я сразу понял, что она войдет в нашу семью. Так же это было и с остальными девушками. Я знал, что Лилия приживется, и оказался прав.

– Впервые принимаете участие добровольцем? – спросил Льюис и отогнул стебель ежевики, чтобы лучше видеть землю под кустом. Мы находились перед самым полем.

– Да. Я слышал, что поиски затянулись, и решил, что готов потратить свое время.

Он поджал губы.

– Вас это раздражает, – сказал я, – но я вас понимаю.

– Все дело в деньгах, – ответил он. – Моя девушка неизвестно где, а они думают о том, во что обходятся поиски. Это отвратительно.

Я подумал, что полиция делает далеко не все. Люди, добровольно участвующие в поиске, – они такие же, как я. Они хотят что-то изменить, сдвинуть дело с мертвой точки.

– Да, мир теперь движется деньгами. И это досадно.

– Спасибо за участие. Вы тут один? Я смотрю, вы без компании. Добровольцы обычно приходят как минимум парами.

– Я один, – подтвердил я. – Сколько мы будем на этом поле? Весь день? Или перейдем куда-нибудь еще? – Было очень холодно, а мы на открытом воздухе. Поле находилось за парком, где я встретил Лилию. Лонг-Торп от моего дома недалеко, но город я знаю плохо.

– Скоро перейдем на другое место. Надо осмотреть еще два поля.

Только подальше бы от парка. Меня восхищало упорство этого парня. Вот только ему следовало лучше заботиться о той, кого он, по его словам, любит.

– А что, у вас есть другие дела? – спросил он.

– Нет, я здесь на весь день. Мне просто любопытно было узнать планы на сегодня. – Он кивнул и продолжил искать на земле бог знает что. По его примеру я стал рассматривать опавшие листья и ветки. Поиск в полях – дело бессмысленное. Куда разумнее опрашивать людей, осматривать улицы, то есть выполнять работу полицейских. То, что делали добровольцы, казалось мне совсем непродуманным, скорее, продиктованным отчаяньем.

– Есть у вас какие-нибудь предположения по поводу того, где может находиться сейчас Саммер? – спросил я Льюиса. Я неохотно употреблял это имя – ведь Саммер мертва.

Он внимательно посмотрел на меня. Я стоял прямо, сердце колотилось. Что это он так уставился? Я замер, стараясь не двигаться. Наконец он нахмурился.

– Если бы я знал! Но где бы она ни была, я буду искать ее, пока не найду.

Я отвернулся.

– Разумеется. Простите, мне не следовало спрашивать. – Он по-прежнему смотрел на меня. Я чувствовал, как его взгляд прожигает мне

череп.

– Да нет, ничего, – ответил он и отошел от меня. Я слышал, как он ворошит сухие листья.

Почему он так смотрел на меня?

Пятница, 4 февраля (настоящее время)

Меня разбудил стон Фиалки. Прошло две недели с тех пор, как Клевер избил ее. Она уже шла на поправку, но вчера вечером он толкнул ее, она упала на стул и снова ушибла ребра – и все это из-за увядших цветов.

Роза приложила влажную салфетку ко лбу Фиалки. Часы показывали всего четверть шестого утра. Мак спокойно спала, и я ей завидовала. Я отбросила одеяло и подошла к девушкам.

– Давно ты уже не спишь? – спросила я Розу.

Она смущенно посмотрела на меня.

– Примерно полчаса. Скоро надо будет поменять ей повязки. Надеюсь, как она окончательно очнется, мы сможем дать ей обезболивающее. Если нет, я растолку таблетку и растворю в воде. – Фиалка дышала часто и тяжело. С лица не сходила гримаса боли, она держалась за ребра. Ей так нужны болеутоляющие, но из прибереженных таблеток у нас оставалось лишь четыре штуки. Придется растянуть их надолго.

Я кивнула и посмотрела на Фиалку.

– Как ты? – Она открыла глаза, их взгляд остановился на мне. Через несколько секунд глаза закрылись. Она покачала головой и застонала.

– Прости. Ты поправишься. Мы будем за тобой ухаживать, – сказала я. Что бы ни случилось, я больше не оставляю ее одну. А если она снова попробует то, что уже было, я ей помогу.

– Больно. Очень больно, – прошептала Фиалка. Это было слышно по голосу.

– Знаю. Если хочешь, можем тебе дать лекарство. Как думаешь, сможешь проглотить таблетку? – спросила Роза.

Фиалка кивнула и поморщилась от боли.

– Вот, – Роза протянула маленькую белую таблетку. Фиалка открыла рот. Роза положила таблетку на язык и поднесла Фиалке стакан воды с трубочкой, чтобы запить. Ужасно, что я больше ничего не могу сделать для нее. У нас осталось всего три таблетки, а Фиалка точно не поправится к завтрашнему дню.

Она опустила голову на подушку и застонала. Ее глаза наполнились

слезами, но сосредоточенное выражение лица говорило о том, что она не позволит себе плакать. У нее такая сильная воля! Гораздо сильнее, чем у меня.

– Что он со мной сделает?

Роза пожала ей руку.

– Ничего. Ты выздоровеешь. Со всем уже разобрались. Ничего он тебе не сделает. – Но хорошо ли это – жить такой жизнью? Если бы не слабая надежда увидеть близких, я бы позволила ему убить меня еще несколько недель назад.

Фиалка открыла глаза и снова посмотрела на меня. Ее лицо было лишено всякого выражения. Я понятия не имела, о чем она думает. И я не смогу это выяснить, пока мы не останемся наедине. Что-то мне подсказывало, что она не хочет говорить при Розе и Мак. Я сидела с нею, сколько могла.

Проснулась Мак. Одна за другой мы принимали душ и переодевались в одежду одного и того же цвета. Я помогла Розе обработать раны Фиалки и поменять повязки. Рана на голове выглядела ужасно, но, по крайней мере, больше не кровоточила.

– Будешь в полном порядке, – сказала Роза и погладила локон Фиалки, выбивавшийся из-под повязки. – Надо заняться завтраком, но после него мы к тебе зайдем.

Я посмотрела на часы. Он спустится к нам через полчаса. При мысли о необходимости сидеть с ним за одним столом у меня теснило в груди. А стоило услышать его имя, сразу закипала кровь.

– Лилия, через двадцать минут тебя здесь быть не должно, договорились? Не то он начнет тебя искать, – сказала Роза и оставила нас с Фиалкой наедине.

– У тебя все будет хорошо? – прошептала Фиалка.

– Да, – солгала я и сразу перевела разговор на нее. – Как себя чувствуешь?

Она покачала головой и застонала.

– Так больно!

– Скоро подействует болеутоляющее. – Я взяла чашку с водой и поднесла к ее губам трубочку. Дать бы ей еще одну таблетку, но пока еще рано. Только если боль станет совсем сильной.

– Неужели он и правда оставит меня в покое?

– Я же тебе говорила, вчера все произошло из-за этих дурацких цветов. Ты же знаешь, Роза убедила его, что ты испугалась и просто пыталась защитить нас. – Я посмотрела на ее кровать. – И что ты не хотела ему

ничего дурного. – Это я уже говорила ей раньше.

– Не хотела ему ничего дурного, – повторила она. – Да я убить его хотела! И по-прежнему хочу. – Так громко она уже давно не говорила. По крайней мере, она не теряла боевого духа.

– Тихо, услышат, – прошептала я. – Я знаю, что ты хочешь. Я тоже хочу, но об этом больше никому нельзя говорить. Обещай, что не скажешь. – Боже мой, он едва согласился оставить ее в живых! Второй раз, конечно, не согласится, особенно если будет знать правду.

Фиалка уставилась в потолок. Я не знала, что еще сказать. Она ничего не пообещала мне, но должна была понимать, что нельзя рисковать, нельзя повторять раз сделанную ошибку. Фиалка хотела отплатить ему. Может быть, когда она выздоровеет, мы придумаем что-нибудь вместе. Мак нас не остановит, в этом я уверена. Роза могла бы остановить, но нас будет трое против нее одной.

– Лилия, – позвала Мак.

Дыхание у меня участилось, сердце, казалось, вот-вот разорвется. *Идет.* Так не хотелось уходить от Фиалки. Можно бы притвориться больной, но тогда он начнет искать меня и увидит Фиалку. Он сказал, что оставит ее в покое, но до полного выздоровления ей лучше не попадаться ему на глаза.

Я очень медленно встала с кровати и вышла из спальни.

– Скоро вернусь, – сказала я и закрыла за собой дверь.

– Почему бы тебе не сесть за стол, Лилия? – Мак улыбнулась как-то чересчур сладко. Я видела, что она очень старается. Она никогда так не старалась. Я села, моля бога, чтобы он не заговорил со мной. Но он, разумеется, заговорит.

Дверь в подвал открылась, и я замерла. Он спустился по лестнице с широкой улыбкой на помятом лице.

– Доброе утро, цветы, – сказал он.

– Доброе утро, – ответили мы хором. Сейчас это походило на репетицию пьесы. Мы произносили приветствия машинально, не задумываясь, как будто он, как режиссер на съемочной площадке, крикнул «мотор».

Он поцеловал в щеку Розу и Мак и повернулся ко мне. Когда он наклонился, чтобы поцеловать меня, я вцепилась в сиденье стула и стиснула зубы. Его губы прикоснулись к моему лбу, и меня сразу затошнило. Всякий раз, как он прикасался ко мне, хотелось закричать и убежать, но это, конечно, невозможно. Так можно было бы поступить, если бы я потеряла надежду выбраться на свободу и просто хотела бы покончить

с собой.

Роза приготовила на завтрак оладьи и фруктовый салат, но я не могла есть. Я продолжала чувствовать прикосновение его губ, его запах. Его темные глаза-бусины, казалось, прожигали насквозь. Я изо всех сил старалась отдалиться от Саммер, чтобы она и Лилия оставались двумя разными людьми. Но давалось это с трудом.

Я чувствовала себя виноватой, как будто обманываю Льюиса. Я знала, что это не так, но эта мысль не давала мне покоя. Как он поведет себя, когда узнает? Будет зол, обижен? Испытает отвращение? Наверняка. Подумает, что его предали? Нет, ведь я никогда не хотела Клевера и никогда не захочу. Он меня насиловал. Льюис не будет считать меня предательницей, ведь верно?

– Итак, каковы планы на сегодня? – громко спросил Клевер, нарушая течение моих мыслей. *Будем ухаживать за девушкой, которой ты вчера повторно поломал ребра, ублюдок!*

– Наверное, почитаем. Что-то давно мы уже не читали, – Роза предостерегающе посмотрела на меня. Мне хотелось дать ей пощечину, но я заставила себя улыбнуться.

– Надо не забыть купить вам новые книги.

Роза кивнула.

– Это было бы хорошо, Клевер. Спасибо.

– Пожалуйста.

Меня мутило от их любезностей. Я воткнула пластиковую вилку в ягоду малины и сделала глубокий вдох. Почему бы просто не изображать любовь в его присутствии? Мне казалось, я нисколько не скрываю свою ненависть к нему. Стараясь не смотреть на него, я оглядела комнату. Взгляд остановился на календаре. Через неделю – день рождения Льюиса. Неужели мы проведем его порознь?

В день рождения Льюис хотел пойти на бега. Раньше мы, каждый со своей семьей, ходили на ипподром, и нам обоим нравилось. Льюис говорил, что хочет пойти снова, и мы собирались пойти на бега в его девятнадцатый день рождения. Я надеялась, он пойдет, хоть и без меня. Нет, конечно, не пойдет, но мне так хотелось, чтобы в день рождения он повеселился.

– Скоро я устрою вам киновечер, – сказал Клевер. Я едва не упала со стула. Киновечера устраивают нормальные люди, а не такие как он. – Последние дни я уделял вам мало времени и чувствую себя виноватым.

Не беспокойся об этом, хотела сказать я, но прикусила язык.

– Заманчиво, – осторожно произнесла Мак.

Он улыбнулся, но через секунду его лицо снова застыло. В последнее время у него всегда было такое выражение.

– Вот и хорошо, – сказал он.

Хорошо ли? Я положила в рот еще одну ягоду малины и, глядя в тарелку, начала жевать. Роза и Мак тоже ели молча, довольно часто поглядывая на Клевера. Раньше за столом все-таки разговаривали, но теперь это случалось редко. Казалось, Роза и Мак не знают, что сказать, или не понимают, как он отреагирует на то, что они обычно говорили.

Клевер долго жевал, блуждая взглядом по комнате. Потом положил вилку, почесал подбородок и снова взялся за вилку. Роза следила за ним краем глаза, слегка наклонив голову.

Я прикусила губу. Сердце трепетало от напряжения. Я по-прежнему старалась не привлекать к себе внимания и молча ела, что могла. Казалось, все мы ждем извержения вулкана.

– Хорошо, – еле слышно пробормотал он, наколов на вилку бобы и кусок колбасы и отправил все это в рот. Никто не ответил, потому что сказано это было не нам. Я даже сомневалась, что он говорит про еду. Мне хотелось побыстрее вернуться к Фиалке и оказаться от него подальше.

– Ну, спасибо за завтрак, – вдруг сказал он и встал. – Увидимся за ужином. Желаю хорошо провести день.

Роза и Мак попрощались с ним, потом поднялись, собираясь убрать со стола. Они держались напряженно и двигались, пожалуй, слишком быстро, как будто хотели убраться в два раза быстрее обычного на случай... чего?

Я решила уклониться от уборки и не ломать себе голову, по поводу чего они так суетятся. Прошла прямо в спальню и села на кровать Фиалки.

– Привет, – прошептала она, открыв глаза.

– Привет. Как дела? – Она кивнула, хотя было ясно, что дела далеко не хорошо. Она была бледна, давно немытые волосы всклокочены. – Хочешь принять душ?

Она нахмурилась. Я видела по лицу, что ей отчаянно этого хотелось.

– Поможешь?

Я закатила глаза:

– Еще чего захотела! – Я встала, протянула ей руки и помогла сесть на кровати. Фиалка старалась не показать, как ей больно, но все же жмурилась от боли. – Сегодня, кажется, мы будем читать.

– Великолпно, – проговорила она, заставив меня засмеяться. Если бы не Фиалка, не знаю, что бы со мною было. Она помогала мне не сойти с ума, насколько здесь это возможно. Она понимала, какая удушливая здесь атмосфера, потому что ей, как и мне, не терпелось вырваться отсюда.

– Ну, давай, – я открыла дверь ванной. – Только принесу тебе шикарные наряды и полотенце.

Фиалка усмехнулась и включила воду.

– Спасибо.

Я дала ей чистое полотенце, одежду (такого же цвета, как у остальных) и вернулась в спальню. До того, как Льюису исполнится девятнадцать, оставалась неделя. После этого дня рождения он уже не будет считаться подростком. Как бы я хотела отпраздновать это с ним! Сколько еще его дней рождения мы отпразднуем порознь? Сделав глубокий вдох, я пригладила и без того опрятно лежавшие волосы и стала готовиться к еще одному скучному дню. *Все будет хорошо.*

Среда, 11 февраля (2009 года)

Дверь открыл Тео.

– Где он? – спросила я.

Тео усмехнулся.

– Десять утра, так что Льюис еще в постели.

Я нахмурилась.

– Но сегодня же его день рождения, – сказала я. В руке я держала воздушный шарик с надписью «С днем рождения». Я любила дни рождения, и свои, и чужие.

Тео пожал плечами.

– Что я могу сказать? Мой брат – ленивая задница.

– Ну, я его подниму, – я прошла мимо Тео и, топая, стала подниматься по лестнице. Кто, черт возьми, может долго валяться в постели в такой день? Я открыла дверь его спальни и усмехнулась: он спал, закрыв лицо рукой.

– С днем рождения! – закричала я и бросилась на постель.

Он ахнул и сел, растерянно осматриваясь. Я захихикала. Когда просыпается, он такой забавный.

– Какого?.. – простонал он. – Сам, что ты делаешь?

Я сунула ему нитку от шарика.

– С днем рождения. – Он повалился на постель и снова застонал. – Ой, нет, не надо. Вставай! Слушай, тебе уже семнадцать. Ты уже можешь законно водить машину. То есть сначала надо сдать экзамен, но ты же научишься. – Я покачала головой. – Как хочешь отпраздновать?

– Поспать, – пробормотал он в подушку.

– Ты точно не жаворонок, – я вздохнула и села на него верхом. Он

открыл глаза. Да, этим можно привлечь его внимание.

– Гм, мне эта идея тоже нравится. – *Еще бы тебе не нравилось.* Он провел руками по моим бедрам и прикусил губу.

– Не сомневаюсь, извращенец. Но, к твоему сожалению, я сейчас недоступна. Твоя мама жарит оладьи, и они так вкусно пахнут! – Я наклонилась и поцеловала его. Сердце у меня кувыркалось. – Вставай, – я вскочила на ноги и встала у кровати. – Хочешь, схожу вниз и принесу тебе? Поешь, пока будешь одеваться.

– Я люблю тебя, Саммер, – сказал он, заглянув мне в глаза и совершенно не обращая внимания на мой вопрос. Сердце, казалось, хочет выскочить из груди. Иногда я не верила, когда он говорил мне о любви. На самом деле почти никогда не верила. Он был... великолепен, высок, смугл, невероятно красив, а я – всего лишь я.

– Люблю тебя, виновник торжества.

Он усмехнулся, встал с кровати и притянул меня к себе. *Полуголый!* На нем только хлопчатобумажные пижамные шорты и больше ничего. Я ахнула. Я втайне была благодарна футболу и всем этим тренировкам, потому что от них грудь у него – просто загляденье.

– И кто извращенец? – сказал он, усмехаясь. Я скорчила рожицу, встала и открыла его гардероб. – Чувствую себя куском мяса.

– Что ж, либо привыкай к этому, либо прикройся, – ответила я и бросила ему в лицо футболку.

Он поймал ее и надел.

– Тогда давай преодолеем. И спасибо за это, – сказал он, кивнув на шарик, поднявшийся теперь к потолку.

– Пожалуйста. Это, кстати, еще не подарок.

Глаза у него загорелись.

– Подарок – ты?

Я удрученно вздохнула.

– Вниз. Живо. – Он отдал честь и строевым шагом вышел из комнаты. Шагая следом за ним по лестнице, я ухмылялась как идиотка. Я столько лет хотела быть с ним, и вот наконец свершилось. Это первый день рождения, который нам предстоит провести вместе, и я могла бы купить ему что-нибудь приличное, ведь теперь он знает, что я без ума от него.

Спустившись по лестнице, Льюис вдруг остановился.

– Ты знала? – спросил он, указав на украшения, развешанные по случаю дня рождения.

– Конечно, знала. Сама выбирала, – сказала я с гордой улыбкой. Он нахмурился. – Не будь занозой в заднице, Льюис. Это твой день рождения,

все радуются.

А я – *особенно*. Провести день рождения с ним и провести как следует – это моя мечта, так что ему придется принять это как должное. Ничто не испортит мне настроение, даже ворчание этого зануды.

– Чудесно, – он театрально вздохнул. Я обняла его за шею, и он меня поцеловал. – Знаю, что говорил это две секунды назад, но я действительно тебя люблю. – Он прижался к моему лбу своим и улыбнулся.

– Знаю, что говорила это две секунды назад, но я тебя тоже люблю.

Понедельник, 7 февраля (настоящее время)

Я проснулся рано. Солнце только вставало над горизонтом. Первая мысль, пришедшая в голову, была о поисках моей Лилии. Я зевнул, потер глаза и заставил себя встать с постели. Надо идти на работу. Надо все вытерпеть. Никто ничего не подозревает. Но благополучие моей семьи под угрозой. Чтобы защитить ее, надо вести себя как обычно.

Взглянув в зеркало, я едва узнал человека, которым был при жизни мамы. Я не так силен, как она, хоть и хотел походить на нее. Я старался быть как она. Не хотел ее разочаровывать. Я мог сделать этот мир немного лучше, а себя – счастливым. Но насмешливый голос у меня в голове твердил: «Ты неудачник». Я знал, что не остановлюсь, пока не добьюсь своего. *Я докажу, что она неправа. Докажу, что она может мною гордиться.*

Я принял душ, тщательно вымыл тело – дважды. Надел черные брюки, синюю рубашку и синий галстук. В зеркало я больше не смотрелся. Там лишь тень человека, едва владеющего собой. *Она не нужна тебе, ты можешь справиться и сам.* Нет, она нужна, хоть мне это и не нравится.

Я со стоном захлопнул дверь ванной и пошел к девушкам. Мне надо было повидать их, убедиться в том, что они нуждаются во мне, что ценят нашу семейную жизнь и меня.

– Доброе утро, цветы, – сказал я и стал спускаться по лестнице. В комнате пахло горячими крестовыми булочками^[5].

– Доброе утро, Клевер, – ответили все хором. Лилия смотрела в пол. Ее застенчивость делала ее особенно привлекательной. Я надеялся, что постепенно она все же перестанет дичиться. Для этого нет никаких оснований, ведь она живет в семье.

Я сел за стол, и передо мной поставили тарелку горячих булочек, смазанных маслом.

– Спасибо, Лилия.

Она улыбнулась и пробормотала.

– На здоровье. – Но все же она была печальна. Ее глаза никогда не улыбаются.

– Неважно себя чувствуешь, Лилия?

– Нет, нормально, – ответила она и села. Почему-то я не верил ее словам. Она не из тех молодых женщин, которые жалуются на всякое недомогание. Это заслуживало уважения. Она сильная.

– Итак, каковы планы на сегодня? – спросил я и, закрыв глаза от удовольствия, откусил кусок булочки.

Роза улыбнулась, ее прекрасные голубые глаза засветились.

– Сегодня будем вязать. Мы уже давно не вязали. Да, кстати, не смог бы ты купить нам еще шерсти? У нас кончается.

– Конечно, смогу. После работы.

– Спасибо.

Я потянулся над столом к ее руке и пожал ее.

– Буду очень рад.

Ее голубые глаза засветились от счастья. У меня сжалось сердце. Каждое прикосновение к ней для меня так много значит. Гораздо больше, чем прикосновение к любой другой. Жаль, что нельзя вернуться назад во времени, тогда наша первая встреча прошла бы совсем иначе.

– Как дела на работе? – спросила Роза.

– Скучно, но ничего.

С работой-то все нормально. Меня смущает, что теперь все знают о телах. Теперь полиция захочет побеседовать с коллегами Кристи. Это лишь вопрос времени. А я – один из них. Не была бы она такой отвратительной шлюхой, ничего бы не случилось. Она это заслужила.

Покончив с едой, я встал. Не хотел откладывать неизбежное. Девушки еще не доели, и я понимал, что уйти сейчас невежливо, но меня ожидало слишком важное дело.

– Простите, что ухожу, но у меня важное дело. Спасибо за завтрак.

– Ничего, – сказала Роза. – До вечера. Желаю хорошо провести день. – Я кивнул ей и улыбнулся.

– И вам того же. Спасибо.

* * *

На работе я сразу прошел к себе в кабинет.

– Колин, доброе утро. Не хотите кофе? – спросила Джемма, приоткрыв дверь кабинета.

– Доброе утро, Джемма! Было бы здорово, спасибо.

Она ушла, а я повернулся к компьютеру. Сколько же скопилось папок!

Что теперь? Я открыл первую.

Когда они придут? Я посмотрел на автостоянку за окном. Ничего. Попробовал сосредоточиться на работе, но не смог. Ступня будто сама собой постукивала по полу. Все происходившее за окном: птицы, кошка, люди – меня отвлекало.

Джемма принесла чашку кофе и поставила ее на поднос.

– Ужас какой! Кристи. Вы слышали? Не могу представить, у кого бы рука поднялась на нее.

– Спасибо. Да, ужасно. Такая красивая женщина. – *С точки зрения не слишком разборчивых.* – С вами-то все нормально?

– Я потрясена, – сказала она и покачала головой. – Просто не могу поверить. И столько женщин в канале. Жуть.

– Берегите себя.

Она кивнула.

– О, придется. Мой парень теперь забирает меня с работы. Пока убийца на свободе, нигде нельзя чувствовать себя в безопасности. – Притворяясь потрясенным, я поморгал. Джемма вышла из кабинета. *Убийца.* Я точно не убийца. Просто в обществе назрел огромный гнойник, и я действую соответствующим образом. Неужели меня считают убийцей?

Мои размышления прервал стук в дверь. Сара, девушка из приемной.

– Мистер Браун, пришла полиция. Хотят поговорить с каждым, начали с начальства. Вы не могли бы принять их сейчас?

Сердце у меня заколотилось. Я не заметил появления полицейской машины на стоянке. Взглянув в окно, я ее и сейчас не увидел. Видимо, они оставили ее перед входом.

– Конечно, Сара. Пожалуйста, пригласите их. – Она кивнула и вышла из кабинета. Я сделал глубокий вдох, чтобы настроиться на разговор, и подровнял бумаги на столе.

Через минуты две в кабинет вошли двое полицейских, мужчина и женщина, и Сара закрыла за ними дверь.

– Доброе утро! Садитесь, пожалуйста, – я указал на два стула у стены.

– Спасибо. Мы не отнимем много времени. У нас к вам лишь несколько обычных вопросов.

Я кивнул.

– Рад буду помочь.

Женщина-полицейский открыла блокнот и нажала на кнопку шариковой ручки.

– Спасибо. Я – детектив-инспектор Брук, а это детектив-инспектор Маккинни, – представился полицейский.

– Кристи была милая женщина, всегда готовая помочь. Если надо поговорить по душам, никогда не откажет. Так досадно, что она впуталась в эту ужасную историю...

– Историю? – спросил Брук. – О какой истории вы говорите?

– А, я решил, вы уже знаете. У Кристи и Грега Харта, нашего сотрудника, была интрижка. – Оба посмотрели на меня, и Маккини стала что-то записывать в блокнот. *Вот и умница.*

– Не знаете ли, как долго она продолжалась?

Я покачал головой.

– Нет, я сам недавно узнал, услышав их ссору в его кабинете.

– Из-за чего была ссора?

– Я не все слышал, но Кристи, кажется, хотела, чтобы он бросил жену. Жена мистера Харта беременна. Я так понимаю, что Грег очнулся и решил вернуться к семье.

– А чего мистер Харт хотел от Кристи? – спросил Брук.

– Извините, не могу говорить за него, но, судя по тому, что я слышал, он не хотел, чтобы их отношения с Кристи продолжались. Как я уже говорил, у меня сложилось впечатление, что он осознал свою ошибку и сожалел об этой интрижке. Вы ведь не думаете, что Грег имеет какое-то отношение к этому убийству? Он и мухи не обидит. – *Давай, давай.*

– Когда вы в последний раз видели Кристи? – Брук не обратил внимания на мой вопрос.

– На работе, она в тот день ушла чуть раньше. Примерно без пятнадцати пять, так я думаю. На следующее утро она не пришла, и я решил, что она заболела.

– И никто о ней ничего не знал? Она не сообщила по телефону, что заболела?

– Не могу сказать. С этим звонят не мне. Вам надо расспросить кого-нибудь из отдела кадров – Джессику Питерсон, например.

Он кивнул, а Маккини записала что-то еще.

– Не слышали вы, чтобы мистер Харт упоминал еще каких-нибудь женщин?

Я улыбнулся. Их вопросы уже касаются Грега.

– Мне он ни о ком не говорил. Он, правда, упоминал, что регулярно где-то ужинает. Я решил, что его жена недостаточно хорошо готовит. – Брук улыбнулся.

Они продолжали задавать вопросы, в основном о Грее. Пытались понять, что он за человек, каковы его отношения с сотрудниками – главным образом, с женщинами. Потом спросили, где я был в вечер убийства, и

вполне удовлетворились ответом «дома, смотрел «Одиннадцать друзей Оушена». Они, конечно, проверят, но я знал, что в тот вечер по телевизору показывали именно этот фильм.

– Что ж, вроде бы на сегодня все, мистер Браун. Вот моя карточка, позвоните, если что-нибудь еще вспомните. – Брук дал мне свою карточку и встал. – Спасибо, что уделили нам время.

Я взял карточку и улыбнулся обоим.

– Не за что.

Разговор не потребовал от меня никаких усилий.

Среда, 9 февраля (настоящее время)

Я посмотрела на часы. Полдевятого, лечь еще рано. Если рано лечь, я рано проснусь и буду ждать несколько часов его прихода к завтраку.

Полгода я живу в этом аду, каждый день одно и то же, все в тех же четырех стенах. Не знаю, как до сих пор с ума не сошла. Может, и сошла. Возможно, я слишком безумна, чтобы это понять.

Дверь подвала со скрипом открылась. Его появление здесь после семи часов не сулит ничего хорошего. Неужели он снова кого-нибудь убьет? Он уже убил так много женщин. Как только это сходит ему с рук?

Раздался пронзительный крик, я затаила дыхание. Кто его жертва на этот раз? Я уже почти отгородилась от этого. Меня тошнило от убийств, совершавшихся на моих глазах, но я старалась думать, что это не на самом деле, что кровь не настоящая, как в кино. Мак называла это «мой механизм по принятию ситуации». Как ни назови, мне безразлично. Главное – помогает. Я встала и подошла к стене нашей спальни. Остальные сделали то же самое. Надо что-то предпринять. Всякий раз надо было что-то предпринять, но мы ничего не делали. Нас останавливал страх. Вот почему четыре девушки, запертые в подвале, его еще не убили.

Он грубо толкнул женщину вниз по лестнице. Она закричала от боли. У нее была короткая стрижка – вовсе не то, что Клевер считал женственным. Ему нравились длинные волосы. Юбка короткая, облегающая футболка с глубоким вырезом. Такой надеяться не на что. Клевер не понимает, зачем она продает свое тело, и не хочет понять. Он и судья, и присяжные, и палач одновременно.

От слез тушь размазалась у нее по лицу. Она, спотыкаясь, спустилась по лестнице и прижалась к стене. Подняв голову, увидела нас, и ее глаза широко раскрылись от удивления.

– Помогите, – умоляла она дрожащим голосом. У меня в глазах стояли слезы. Она казалась такой испуганной и беспомощной. Мы боялись не меньше ее. Я хотела бы что-нибудь предпринять, но понимала, что это бесполезно. Одной мне его никогда не одолеть.

Он сильно ударил ее ногой в живот, и она закричала от боли.

Послышался еще удар, и я прижала ладонь ко рту, меня затошнило. Я бросилась на диван, легла и подтянула колени к подбородку.

– Не говори с ними. Они не такие, как ты! – сказал он. Лицо покраснело, взгляд холодный. Он снова ударил ее ногой, она опять закричала. Я крепче обхватила колени.

Зачем ему это? Обычно он их просто закалывает. Почему эту сначала избивает? Потому что ему так нравится?

– Пожалуйста, не надо, – пробормотала она. – Отпустите меня, пожалуйста. – Он тяжело дышал. Услышав просьбу, улыбнулся и склонил голову набок. При виде удовольствия, которое он получал от этого истязания, у меня по спине побежали мурашки. Как же я его ненавижу!

– Тебе больно, потому что ты такая! Мне бы не пришлось это делать, если бы ты не губила жизни невинных людей, – прорычал он и ударил ее кулаком в лицо. Она упала на колени, изо рта на ковер потекла кровь.

При виде крови на ковре в глазах у него появился ужас. О нет!

Вены на шее набухли, лицо стало красным от ярости. Он вытащил нож. *Вот оно.* Она начала размахивать руками, пытаясь отбиться.

– Нет, нет, нет! Пожалуйста, не надо. Не надо, пожалуйста. – Глаза у нее широко раскрылись, как у ребенка, который хочет доказать свою невиновность. Но это не помогло. Никому из них он не давал уйти.

Слезы катились у меня по лицу так быстро, что казалось, это одна нескончаемая слеза. Я уже знала, что будет дальше. Он сильно ударил ее ногой в бок, туда же, куда бил раньше. Она захлебнулась и ухватилась за ребра. В тот момент, когда она посмотрела вниз, он вонзил нож ей в живот, вытащил и снова ударил. Из ран хлынула кровь. Я вся напряглась, борясь с позывами рвоты.

Девушка закашлялась, изо рта полетели кровавые брызги. Потом повалилась на ковер, гортанно вскрикнула, все ее тело задрожало. Последний раз она схватила ртом воздух и застыла. У меня дрожала губа. *Не думай о ней как о человеке,* сказала я себе и попыталась представить, что на полу лежит кусок мяса или тело убитого животного. И все равно мне пришлось отвернуться.

– Уберите здесь. Живо, – сказал он и побежал вверх по лестнице. Интересно, продолжал бы он убивать, если б ему самому приходилось закрывать глаза своим жертвам и вытирать кровь? Из-под трупа растекалась лужица крови. Я смотрела на нее как зачарованная. В человеческом теле столько крови, ярко-красной жидкости, текущей по нашим сосудам. А потеря даже небольшого количества может привести к смерти.

– Лилия, – голос Розы вернул меня к действительности. – Иди, помоги, пожалуйста.

Я кивнула.

– Хорошо. – Медленно я подошла к телу и опустилась на корточки. Запах крови наполнил легкие, и горло судорожно сжалось. Из глаз потекли слезы. Я вскочила на ноги.

– Не могу, извини, – пробормотала я и побежала в ванную.

Меня вырвало в унитаз. Слезы струились по лицу. Я хватала ртом воздух. Вздохнуть не получается. Я не могу дышать. Не могу подчищать следы его убийств.

– Лилия, – позвала меня из-за двери Мак. Я крепко зажмурила глаза. *Оставьте меня в покое!*

Привалившись к стене, я обхватила голову руками. Казалось, я задыхаюсь. Я ненавидела его, ненавидела свою жизнь в подвале. В ванную вошла Мак и опустилась рядом со мной.

– Я не могу, – помотала я головой. В горле появился и рос комок, я разрыдалась.

– Тише, все хорошо. Ты можешь, Лилия. Должна.

Я покачала головой. Кому должна?

– Н-нет, не должна, – сказала я, хватая ртом воздух.

– Успокойся. Не думай о плохом. У нас все будет хорошо, – я свернулась клубком и обхватила колени. Сколько раз я слышала эту фразу! Будет хорошо? А когда, собственно? Льюис тоже говорил мне эти слова, но ему можно было верить. Он обнимал меня, и казалось, что все уже хорошо, пусть даже и ненадолго. Но сейчас, когда Льюис мне так нужен, его здесь нет.

В голове стучало, как будто кто-то колотил по ней молотком. Я утерла слезы и глубоко, прерывисто вздохнула.

– Я не могу вам помочь.

Мак погладила меня по голове.

– Ну и не надо. Оставайся здесь, я зайду за тобой, когда закончим. Приведи себя в порядок к его возвращению. – Мак встала и вышла из ванной. Да, я приведу себя в порядок, но не для него, а для самой себя. Я чувствовала себя грязной, во рту оставался вкус желчи.

Поднявшись, я включила холодную воду и подставила рот под струю. Стало немного лучше. Я сполоснула лицо. Глаза опухли и покраснели от плача. Как прожить здесь еще хотя бы день? Когда это кончится и кончится ли вообще? Неизвестно. Возможно, мне предстоит прожить взаперти еще несколько лет. Если бы знать, сколько, я бы могла принять решение. Не

хочу доживать до принятия того, что здесь происходит. Уж лучше умереть, чем приспособиться к такой жизни.

– Лилия, мы закончили. Можно войти? – постучала в дверь Мак. Быстро они. Прошло всего десять минут. Если бы был мировой рекорд по скорости уборки после убийства, они бы его побили. Я открыла дверь, и Мак улыбнулась:

– Совсем другой вид, – сказала она.

Да, вид другой. Но только вид. Она вздохнула.

– Прими душ. Скажу ему, что ты плохо себя чувствуешь и ляжешь сегодня пораньше.

– Думаешь, он поверит?

– Мы можем спать когда хотим, Лилия. – Ну да, когда не должны собираться вместе за столом.

Я вышла после душа из ванной и не заметила в гостиной ни пятнышка крови. Трудно поверить, что всего полчаса назад здесь произошло убийство. От этого комната казалась нереальной, как во сне. Иногда, несмотря на абсурдность всего, что происходит в подвале, мне удавалось предсказывать события. Может, убийство мне привиделось? Ощущение реальности с каждым днем все притуплялось. А вдруг я постепенно становлюсь такой, как Роза? Ни она, ни Мак ни разу не просили меня называть их прежними именами.

На столе лежала газета, но я не стала в нее заглядывать. Невыносимо видеть лица близких.

Не обращая внимания на пристальный взгляд Розы, я прошла в спальню и легла. Кажется, я здесь самая несчастная. У Розы и Мак нет никого, кто бы стал их искать, по крайней мере, они так думают. Им не к кому стремиться. А мне очень не хватает моих близких. Я часто вспоминала о том, что и как мы делали с Льюисом, даже такие пустяки, как походы в боулинг или за покупками на выходные.

Я легла на живот и закрыла голову подушкой. Докатилась. Я уже почти жалею о том, что в прежней жизни у меня остались близкие. Заливаясь слезами, я уткнулась лицом в простыню.

Суббота, 5 июня (2010)

– Льюис, пора. Пора вставать, – я ласково теребила его руку. Всякий раз, когда надо рано куда-то пойти, приходится поднимать его с постели. Взрослый, а хуже ребенка.

– Милая, ну дай поспать, – простонал он.

– Нет. Подъем! – я стащила с него одеяло. Он снова застонал, перевернулся на живот и уткнулся лицом в подушку. Мы собирались на свадьбу к его тете, выезжать надо через час. Я встала больше двух часов назад, позавтракала, приняла душ, оделась, принесла свое платье к нему в дом, нарядилась и распрямила волосы утюжком. – Льюис, серьезно, у нас всего час.

– Час?

– Да.

– Тогда разбуди через полчаса, – пробормотал он в подушку.

Я вздохнула. По утрам он совершенно невыносим. Как же его поднять? Надо что-то придумать.

– Ладно. Спи. А я пока переодену лифчик, а то этот какой-то неудобный, – небрежно сказала я и стянула через голову топик. Он пошевелился, но не посмотрел: не верил, что я действительно переодеваюсь. Я улыбнулась и бросила топик на пол. Шорох падения привлек его внимание. Со скоростью ниндзя он повернулся и приподнялся на локтях.

– Эй, я думал, ты лифчик снимаешь, – он прищурился.

Я пожала плечами.

– Вроде уже не колет. Но раз ты проснулся, вставай. – Он попытался меня обнять, но я увильнула от его рук.

– Так нечестно. – Не обращая внимания на его слова, я встала и, смеясь, пошла к двери. – Саммер. – Я обернулась и ахнула: он стоял рядом со мной. Подобрался совсем неслышно, обнял за талию и притянул к себе.

– Люблю тебя, – он смотрел мне прямо в глаза. Все вокруг поплыло.

– Я тоже тебя люблю. Давай собирайся, – я толкнула его в грудь. Наверное, он этого не ожидал, потому что едва не упал навзничь. Он надулся, а я, глядя на него, закатила глаза. Мужчина-ребенок.

* * *

Мы опоздали в церковь на десять минут, пришлось сесть в заднем ряду. Все на нас оглядывались, а я злилась и укоризненно смотрела на Льюиса. Он беззвучно, одними губами произнес: «Люблю тебя», пытаясь меня умиловить. *Не выйдет, приятель!* Я нахмурилась и стала смотреть на жениха и невесту.

Тетя Льюиса, Лиза, и ее без пяти минут муж, Брайан, читали обеты. Они написали их сами, получилось чудесно. Обожаю свадьбы, особенно

когда знаю жениха и невесту.

– Ты что, плачешь? – прошептал Льюис, подтолкнув меня плечом. Казалось, он едва сдерживает смех. Он меня всякий раз дразнит, когда я плачу при виде чужого счастья.

– Прости, но у меня душа еще не омертвела, как у тебя, – прошептала я. Он рассмеялся, но сделал вид, что закашлялся. Все в церкви обернулись к нам. Я покраснела. С Льюисом все равно что с ребенком сидеть. Иногда. Вернее, почти всегда.

– Прости, – Льюис еще раз притворно кашлянул и похлопал себя по груди. Может, пересесть от него подальше?

Церемония закончилась, все начали выходить из церкви. Гостей ждали напитки и закуски. Многие фотографировались. Льюис схватил меня за руку и потер мне ладонь большим пальцем. На него трудно долго сердиться.

– Эй, Льюис, опоздал, как всегда? – сказала Лиза, обнимая его.

– Да, прости. Ты же знаешь, Саммер как начнет причесываться... – Я уставилась на него, раскрыв рот. Неужели он серьезно винит меня за наше опоздание?

– Не волнуйся, дорогая. Этот тип меня не обманет, – Лиза подмигнула мне.

– Вот и прекрасно, – я, прищурившись, посмотрела на Льюиса. – Как бы то ни было, поздравляю! – Я обняла Лизу и поцеловала в щеку.

– Присоединяюсь, – Льюис кивнул в мою сторону.

– Спасибо, – Лиза ехидно ухмыльнулась и ущипнула Льюиса за щеку. Он нахмурился, задрал нос и оттолкнул ее руку. – Ну, пойду, надо обойти всех, пока трезвая. – И она направилась к родителям Льюиса.

– Милая, давай добудем шампанское. Мне надо выпить, чтобы все это вынести. – Льюис поцеловал меня в висок и обнял за талию. Да, его родственники, когда собираются, ведут себя немного... экстравагантно. Так и не могу забыть ирландские танцы по случаю дня рождения мамы Льюиса.

Я скорчила рожицу.

– Ты, знаешь ли, слишком молод, чтобы быть таким ворчуном. – Льюис не выносит, когда его бабушка рассказывает истории о его детстве. А мне они нравятся.

– Ах, так я слишком молод? То ты дразнишь меня, что стар, то – что молод. Давай уж что-нибудь одно. – Подняв брови, он ждал моего ответа.

Я пожала плечами.

– Все зависит от моего настроения. – Он тихо рассмеялся, привлек

меня к себе и поцеловал.

Четверг, 24 февраля (настоящее время)

Я проснулся в половине третьего ночи в постели Саммер. Спал всего около часа. Под подушкой сосало. В голове вертелась мысль: «Что-то здесь неладно». Еще более неладно, чем ее исчезновение. Сегодня семь месяцев с тех пор, как она пропала. Не слишком ли большой срок, чтобы надеяться найти ее живой? Я не мог смириться с тем, что надежды нет. По статистике, шансы ничтожны, но я обязан верить, что она еще жива.

Она должна скоро вернуться. Мысли у меня путались. Я представлял, как она каждую секунду спрашивает себя, ищем ли мы ее до сих пор. Ненависть и злоба переполняли меня, хотелось на ком-нибудь их выместить, ударить кого-то. Кто-то знает, что с ней, знает, но скрывает. Ненавижу их всех. И больше всего – себя.

Не надо было отпускать ее на этот чертов концерт. Не то чтобы я хоть раз смог помешать ей сделать то, что она задумала, но надо было тогда остановить ее, повести себя по-мужски, заставить ее остаться со мной. Она бы возненавидела меня за это, но зато не исчезла бы.

Я сел в кровати и потерял виски. От недосыпа снова начала болеть голова. Как это ужасно – просыпаться каждое утро, зная, что предстоит очередной день отчаянных поисков, что вечером я лягу спать один в доме Саммер, а она неизвестно где переживает бог знает что.

– Льюис, – в дверь заглянул Генри. – Я думал поехать к Хартам. – *Наконец-то!* Еще раньше, когда полицейские после допросапустили Грегга Харта, я хотел съездить повидать его. Как можно было его отпустить, особенно после того, как в канале нашли восемь тел? Как оказалось, убийства продолжались более четырех лет. Поиски в канале еще не закончены, полиция рассчитывает найти там еще тела.

– Я почти наверняка знаю, что он ничего важного не скажет, и все же... Поедешь со мной? – спросил Генри.

Я склонил голову набок. Для начала, это моя идея, но, когда это предложил я, Генри отказался и привел тысячи доводов в пользу того, что к Харту ехать не надо. Я знал, что не надо, но это меня не останавливало. Я не мог расслабиться, не мог ни есть, ни спать, пока Саммер не найдена.

Время застыло, и я застыл в нем. И так будет, пока мы не узнаем, что с ней.

– Конечно, поеду. – Может, если я с ним поговорю, он расскажет, где Саммер. – Генри, тебе не кажется, что этот парень, который помогал в поисках, Колин Браун, какой-то чудной? – спросил я. Тео говорит, я глупец и ищу ответы где попало, но парень действительно странный. Его лицо так и стояло у меня перед глазами.

– В каком смысле «чудной»?

– Не знаю, – я глубоко вздохнул. Может, опять меня занесло не туда? – Какой-то он... закрытый. Все остальные участвовали в поисках Саммер, потому что хотели ее найти. А он – потому что считал это своим долгом.

Генри нахмурился.

– И ты это понял из единственного разговора?

– Не знаю. Он... – я покачал головой. Я и сам не понимал, что имею в виду. – Ладно. Неважно.

– Может, он просто не знал, как реагировать на твои вопросы. Забудь, Льюис. Надо заставить Харта заговорить. Он под наблюдением полиции, так что это будет непросто. Обдумаем это утром. Поспи еще немного, – и он вышел из комнаты.

Вздохнув, я снова лег и уставился в потолок. Может, Генри и прав насчет Колина. Надо сосредоточиться на Харте, единственном подозреваемом или, лучше сказать, человеке, представляющем интерес для полиции.

Заснуть не удавалось. Я не мог расслабиться, несмотря на усталость: весь вчерашний день я провел на ногах. На тумбочке стоял снимок в рамке: Саммер и я. Мы казались счастливыми – да мы и были счастливы. Иногда она бесила меня, но я ее люблю и сделаю для нее что угодно. Смотреть на фото было невыносимо, но я не мог его убрать, не мог отвести взгляд от лица Саммер.

– Скажи мне, где ты, милая, – прошептал я, пытаюсь проглотить комок в горле.

– Льюис, – донеслось из-за двери. Я подскочил и сел в кровати. – Завтрак готов. Поторопись. Я скоро выезжаю, – сказал Генри.

Я протер глаза.

– Ладно. Встаю.

Было шесть часов утра. Последний раз, когда я смотрел на часы, они показывали 4.23. Глаза болели от недосыпа, сил не было никаких. Надо поесть и выпить пару банок энергетика. Потягиваясь, я снова взглянул на фотографию Саммер. Впереди еще один день поисков.

У меня сводило живот. Предстоящий разговор с Хартом ужасно

тревожил – я как будто не хотел ничего знать. А что если этот разговор превратит кошмарные сны в реальность? Я спустился в кухню, где сидели мама и Дон. Сел за стол и заставил себя съесть несколько кусочков тоста. Без толку. Кусок не лезет в горло.

– Возьму с собой батончики из мюсли, – я оставил недоеденный тост на тарелке. Все казалось безвкусным.

Дон нахмурилась.

– Не забудь. – Круги у нее под глазами стали еще темнее. Она, наверно, тоже почти не спит. Я часто слышу, как она ночью ходит по дому.

– Куда вы сегодня? – спросила мама.

– В город и потом еще немного в сторону Лондона. Пока не знаю.

– Готов, Льюис? – Генри заглянул в кухню.

Я встал из-за стола.

– Да.

Дон кивнула и утерла со щеки слезу.

– Звоните и будьте осторожнее.

– Ладно, мам, – ответил Генри. – Пока.

Я вышел из дома первым и сел в машину.

– Итак, какой план? – спросил я. – Наверное, надо что-то придумать, хотя я бы просто вытряс из Грега правду.

Генри почесал подбородок и нахмурился.

– Надо съездить к нему, посмотреть, хорошо ли за ним следит полиция.

– Да. Мы поступаем правильно, ведь верно?

– В интересах Сам, да. Как думаешь, сможем мы забраться к нему в дом?

– Может быть. Взломщики из нас, правда, так себе, – он невесело рассмеялся.

– У меня такое чувство, будто я в кино.

– Вин Дизель вот-вот выскочит из-за поворота на машине с форсированным движком и откроет по нам огонь.

Полгода назад я бы гнал, как ненормальный, а Генри делал бы вид, что палит из окон. Как бы мне хотелось вернуться в то время, когда я был полным идиотом.

* * *

Чем ближе мы подъезжали к дому Грега, тем больше меня разбирало

зло. Мы оставили машину на улице, чтобы он не увидел нас из окон.

– Не вижу полиции, – Генри осмотрел улицу.

– В том-то и дело, Генри, – пробормотал я, покачал головой и посмотрел на дом. Я сжал зубы, каждый мускул тела напрягся. Грег вышел взять с крыльца газету. Пока мы ехали, я намеревался действовать спокойно, но при виде Грега кровь закипела. Захотелось просто оторвать ему голову. Я выскочил из машины.

Я совсем забыл, что хотел вести себя сдержанно и добиться признания через разговор. Человек, который забрал у меня Саммер, стоял всего в нескольких метрах от меня – и я собирался убить его. Даже перспектива тюремного заключения не могла меня остановить. Мне было все равно.

Он поднял взгляд, увидел, что я бегу к нему, и вскинул руки, как бы пытаюсь меня остановить. *Даже не надейся.* Я схватил его за рубашку и что было силы ударил в челюсть. Радость от хруста кости продолжалась лишь секунду. Саммер по-прежнему у него.

– Где она? – закричал я и замахнулся, чтобы снова его ударить. Я не мог нормально мыслить. Мне нужны были ответы на мои вопросы. Кто-то должен сказать мне, где она и что случилось, кто-то должен за все заплатить. – Говори, где она, – я снова ударил его в лицо и рассек ему губу. У меня не хватило бы слов, чтобы выразить всю ненависть к нему.

– Не знаю! Я ничего не сделал! – закричал он и оттолкнул меня от себя.

– Богом клянусь, если не скажешь, где она... – начал я, но вдруг кто-то схватил меня сзади и бросил на землю. Я думал, это Генри, но, посмотрев через плечо, увидел полицейского. Сейчас меня арестуют. Ну и ладно, все равно. Жаль только, что меня так быстро остановили.

Полицейский зачитал мне права и надел наручники.

– Клянусь, Льюис, я ничего Саммер не сделал, – сказал Харт.

– Не произноси ее имя. Просто скажи, где она. Говори, где она.

Генри стоял рядом, потрясенный и растерянным. *Супер, Генри, спасибо тебе за помощь, друг!*

– Стойте, нельзя его арестовывать, – сказал Генри. Наконец-то! – Он сделал всего лишь то, что хочет сделать каждый.

– Заткнись, Генри, – буркнул я. Что толку теперь говорить? Я потянул за наручники и поморщился, когда они врезались в запястья. Один из полицейских подтолкнул меня к видневшейся из-за живой изгороди с виду обычной машине. Маскировка. Не веря в происходящее, я пошел к ней. Этот ублюдок сейчас вернется домой пить чай, а меня повезут в участок.

– Никому не говори, – сказал я Генри, садясь в машину. Дверца

захлопнулась.

Откинувшись на спинку сиденья, я закрыл глаза. Саммер сошла бы с ума, если б узнала о моем аресте. Я представил себе ее злующее лицо и улыбнулся. Когда сердилась, она щурилась, и у нее появлялись две вертикальные морщины возле переносицы. Я видел это сердитое лицо миллион раз, особенно когда она будила меня по утрам.

Через несколько минут мы приехали в полицейский участок, и только тут я понял, что ключи от машины остались у меня. Как же Генри вернется домой? Я надеялся, он позвонит Тео, а не родителям. Не хотел, чтобы они знали.

Дверцу открыли, и я вышел, чувствуя себя преступником. Что, черт возьми, мне делать, если Харт подаст на меня заявление? Не надо было его бить, но, увидев его лицо, я не смог сдержаться.

Меня ввели в здание участка, руки в наручниках за спиной. Майкл посмотрел на меня, сказал что-то полицейским и пошел ко мне.

– Что происходит? – спросил он, переводя взгляд с меня на полицейского, держащего меня под руку.

– Взяли его у дома Харта. Едва оттащили от него.

Майкл кивнул.

– Я займусь этим. Снимите наручники. – Арестовавший меня полицейский растерянно посмотрел на Майкла. Я постарался скрыть самодовольную улыбку. Пока наручники отстегивали, они больно врезались в кожу, но я даже не поморщился.

– Вот так, – пробормотал Майкл и пошел по коридору. Открыл одну из дверей и кивком пригласил меня в небольшую комнату. Чувствуя себя школьником, которого вызвали к директору, я сел к темному деревянному столу.

– Подожди, – хмурясь, сказал Майкл и вышел.

Я осмотрел комнату. Возможно, здесь допрашивали Харта. Уж не тогда ли ему удалось убедить полицейских, что он невиновен? Откинувшись на спинку жесткого пластикового стула, я потер запястья. Куда запропастился Майкл?

Через десять минут он вернулся и сел напротив меня.

– Итак, – сказал он.

Я вздохнул и поставил локти на стол.

– Я просто хотел заставить его сказать, где она.

– И решил, что лучший способ – пустить в ход кулаки?

– Я не собирался его бить. Но увидел и потерял власть над собой. Увидел эту самодовольную физиономию, – сказал я, снова закипая. – Я

хотел его убить. – *И сейчас хочу.*

Майкл поднял руку.

– Успокойся. Я только что говорил с мистером Хартом, он не собирается заявлять на тебя. Но не думай, что тебе это так сойдет. Попробуешь еще раз – я тебя арестую сам, лично. Сейчас ты легко отделался, Льюис, но больше это не должно повториться.

– Легко отделался? – повторил я, не веря своим ушам. – Мою девушку похитили, я понятия не имею, где она и что с ней, а вы считаете, я легко отделался?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я, Льюис. Не забывай, мистер Харт пока ни в чем не обвиняется. – Он подался вперед. – Слушай, я понимаю: тебе тяжело, нужны ответы на вопросы, но позволь нам выполнять нашу работу.

– А когда вы начнете выполнять вашу работу? – прошептал я. – Прошло семь месяцев.

Лицо Майкла посуровело.

– Можешь идти, Льюис.

Я вскочил, опрокинув стул, и выбежал за дверь. К черту! Перед окном дежурного Генри спорил с полицейским.

– Генри, – позвал я и потянул его за руку. – Идем.

– Ну, что было? – он торопливо шел за мной. Надо было скорее выйти отсюда. Полиция ничего не делает. Ей все равно.

– Ничего. Никаких обвинений. Где Тео? – спросил я, заметив машину брата.

– Он заехал за мной, и я отвез его обратно на работу. Он одолжил мне свою машину.

Я сел в нее и захлопнул дверцу.

– Едем в город. Будем показывать прохожим ее фотографию. Мою машину заберем на обратном пути. Нельзя терять день.

– Конечно. Льюис, ты же не сдашься, верно?

Я нахмурился.

– Нет. Почему ты спрашиваешь? – он покачал головой. Этому не бывать. Я не могу жить, не зная, где она и что с ней! В горле пересохло, глаза защипало. *Да не плачь же, черт возьми!* – А ты хочешь прекратить поиски?

– Нет, буду искать сестренку, пока не найду. – Он посмеялся какому-то воспоминанию. – Знал бы ты, как она меня доставала.

Я усмехнулся.

– Знаю. Мне приходилось слышать ваши споры.

– Начиная всегда она, – сказал он, и мы оба рассмеялись. Чего бы я сейчас не дал, чтобы послушать, как они кричат друг на друга и Саммер, хлопнув дверью, уходит к себе в комнату.

Генри остановил машину на Мэйн-стрит.

– Разойдемся или пойдем вместе? – спросил он.

– Пойдем вместе, а потом разойдемся.

Мы пошли по улице. Внезапно я увидел Колина. Он выходил из магазина. В руках две сумки: одна с книгами, другая с чем-то похожим на пряжу. Что же он с пряжей будет делать?

– Генри, – я кивнул в сторону Колина, который шел прямо нам навстречу.

– Твой чудак?

– Гм. Тут определенно что-то странное. Посмотри на его покупки. Что он будет со всем этим делать?

Генри пожал плечами.

– Книги обвязывать? Не знаю.

– Льюис, Генри, – приветственно кивнул Колин, остановившись перед нами.

– Добрый день, – сказал Генри.

– Как у вас дела? – спросил Колин.

Что скрываешь? Я пожал плечами. Не хотел говорить, что дела паршиво.

– Я собираюсь снова поучаствовать в поисках.

– Спасибо. Чем больше народа участвует, тем лучше, – ответил я. Мне хотелось, чтобы он пошел с нами. Может, тогда мне удастся понять, что он за человек.

– Встречаетесь на прежнем месте?

– Да, – ответил я. – У муниципалитета Лонг-Торпа каждое утро, в семь часов. – По выходным людей собиралось больше, но и в будни – немало. Многие беспокоились о Саммер и ждали ее благополучного возвращения домой.

– Пойду с вами в эти выходные. Как ваши родители? – спросил Колин, обращаясь к Генри.

– Отец каждую секунду занят поисками, а мама все плачет, – честно сказал Генри.

Колин сочувственно кивал, но, судя по взгляду, не испытывал никаких чувств. Пустые глаза. Казалось, ему скучно. Что-то с ним неладно, и на этот раз я окончательно это осознал. Обычно, когда люди сочувствуют, им есть что сказать. Даже те, кто не находит слов, по крайней мере, смотрят с

участием.

– Ну что ж, надеюсь, скоро ее найдете. Я присоединюсь к вам в воскресенье.

– Спасибо, – ответил Генри. Колин пошел дальше. Я смотрел, как он держит ручки своих сумок. Он так сжимал их, что костяшки пальцев побелели. Почему? Я подавил желание пойти за ним следом.

– По крайней мере, пообщаюсь с ним в воскресенье. Может, тогда он проговорится.

Генри нахмурился.

– Проговорится о чем?

– Пока не знаю. Может, последить за ним?

Конечно, Генри на это не согласится.

– Что? Господи, Льюис, ну, нельзя же следить за людьми без всяких оснований.

Я стиснул зубы. *Черта с два!*

– Я пытаюсь найти свою девушку. Сделаю для этого все, что потребуется. Буду следить за любым подозрительным типом. – Я думал, Генри поймет. Он любит Саммер. Разве он откажется сделать все необходимое, чтобы найти ее?

– Простите, – я остановил двух пожилых дам и показал им фотографию Саммер на экране своего телефона. – Вы не видели эту девушку?

Воскресенье, 27 февраля (настоящее время)

Я приехал в город, к зданию муниципалитета, где находился штаб поиска Лилии. Не то чтобы в тот день мне нечем было заняться. Но хотелось узнать, нет ли новостей у поисковиков. Важно, чтобы меня заметили среди них. Мне не понравилось, как Льюис смотрит на меня. И с тех пор все время кажется, что он знает. На душе было тяжело, я то и дело поглядывал в окно. Эти опасения отнимают у меня жизнь, его подозрениям следует положить конец. Он не может ничего знать.

Обычная комната со стенами кремового цвета, полно народа. Я нахмурился. По-прежнему Лилию ищут многие, несмотря на то что два широкомасштабных полицейских мероприятия не дали результатов. И почему не оставить ее в покое? Со мной ей лучше, чем было раньше. Им всем со мной лучше. Я отошел подальше от кашляющего бездомного, который зашел сюда скорее чтобы погреться, чем чтобы принять участие в поисках.

Через несколько минут после моего приезда народ потянулся к выходу. На ходу все разглядывали карты. Я намеренно приехал поздно. К доске были приколоты плакаты с портретами Лилии. Она красивая и естественная. Приятно видеть ее подростком, без толстого слоя косметики на лице. Однако скоро она бы почувствовала необходимость раскрасить себе лицо, как это делают распутницы в журналах.

– Колин, спасибо, что пришли. – Я вздрогнул и оглянулся. Льюис смотрел на меня, чуть склонив голову. Его глаза потемнели, он приосанился. – Мы очень благодарны вам за помощь в поисках Саммер, – его губы растянулись в напряженной улыбке.

Он что-то знает. Он видит тебя насквозь.

Я улыбнулся в ответ и обругал себя. Он не может знать. Приняв такую же позу, как он, я протянул ему руку, и он пожал ее.

– Совсем не за что. Готов сделать все возможное, чтобы помочь. Начну поиски прямо сейчас, – и я повернулся, собираясь уйти.

– Отлично, – сказал он. – Ваша группа готова.

Моя группа? Я огляделся. Добровольцев собралось достаточно, чтобы

организовать несколько групп. А я-то надеялся, что на этот раз буду ходить один.

Льюис нахмурился.

– Вы будете с Дэном, Кейт и Риком, – сказал он, глядя в список. Потом посмотрел на меня и улыбнулся. – И со мной. – Я скрипнул зубами и кивнул. – Идемте. С остальными встретимся на улице.

Сердце у меня заколотилось. Я понимал, что оказался в его группе неслучайно. Придется видеть в этом положительные стороны. Сегодня я попробую убедить Льюиса, что всего лишь пытаюсь помочь. И обдурю его.

– Пошли, – он натянуто улыбнулся и повернулся. Я пошел следом за ним к двери.

– Где начнем?

Он посмотрел вперед, избегая моего взгляда. Я видел, что он напряжен, очень напряжен.

– Начнем с поля в нескольких километрах отсюда, за городом. – Я улыбнулся. *Оттуда до моего дома далеко.*

– Есть причины начинать именно там? Это довольно далеко.

Он вздохнул.

– Все места, где она могла быть, уже осмотрены по несколько раз. Я буду обыскивать каждый сантиметр, пока не найду ее. Мне безразлично, насколько это далеко.

Как ни прискорбно, он по-прежнему ее любит. Будь он заботливее, с ним ей было бы безопасно. Льюис из тех, кто сознает свои ошибки задним числом. Он не пытается предвидеть и планировать, видит только прошлое и настоящее. Именно по этой причине лучше всего о Лилии позабочусь я.

Дэн повел свою машину из Лонг-Торпа среди полей. Я сидел сзади, прижавшись боком к дверце. Жена Дэна, пухленькая Кейт, совершенно за собой не следит. Трудно поддерживать дистанцию на заднем сиденье маленькой тесной машины.

– Так вы хотите, чтобы на поле мы разделились или держались все вместе? – спросила она Льюиса. Волосы собраны в неопрятный пучок, лицо накрашено, кажется, несколько дней назад. Желтоватые зубы, изо рта пахнет табачным дымом и кофе. Я сглотнул. Оказаться бы где угодно, но только не здесь. Нога сама собой начала постукивать по полу – я заметил это, лишь когда Льюис посмотрел на меня. Я прекратил стучать и стал смотреть вперед.

– Будем держаться вместе. Начнем с края поля и пойдем, растянувшись цепью, на расстоянии в несколько метров друг от друга, – ответил Льюис. – Будем искать... все что угодно. В поле сейчас ничего не

растет, так что это легко. – Он говорил прямо как профессионал.

Я занял место в цепи между Льюисом и Дэном, и мы очень медленно двинулись вперед. Я не отводил глаз от земли, делая вид, что тщательно осматриваю все перед собой. Иногда я останавливался, наклонялся, поднимал что-нибудь, показывая тем самым, что ищу тщательно, дважды осматривая все, что попадает на глаза. День будет мучительно долгий. Вместо того чтобы проводить время с девушками, я на ледяном ветру обыскиваю поле в поисках той, которая в безопасности находится у меня дома.

– Еще раз спасибо за помощь, – Льюис взглянул на меня и снова начал осматривать землю.

У меня перехватило дыхание. Зачем он снова благодарит?

– Я просто хочу помочь. Тут не о чем говорить. Это меньшее, что я могу сделать.

Он нахмурился, и на его лице появилась горькая гримаса.

– По-видимому, жизнь продолжается, – тихо произнес он.

У Лилии жизнь действительно идет. У нее все хорошо. Она стала членом моей семьи. А им сейчас нечего предложить Лилии.

– Наверно. Вы сейчас не ходите на работу?

– Сейчас нет ничего важнее, чем найти ее, – он снова поднял взгляд от земли. – Я не останавлиюсь, пока не найду ее и не передам в руки правосудия гада, который ее похитил.

В горле у меня пересохло. Почему показалось, что он говорит обо мне? Я посмотрел направо, чтобы он не видел моего лица. *Он знает. Он знает о тебе все. Мама была права, ты ничего не можешь сделать как следует. Ты бесполезен. Жалкий неудачник.* Я надул губы, стараясь не обращать внимания на боль в сердце.

– Ей с вами повезло. Некоторые на вашем месте уже сдались бы.

– Это мне с ней повезло. Вы живете один? Никто не ждет дома? – Меня удивила неожиданная перемена темы разговора.

– Да, один. Могу приходить и уходить когда заблагорассудится.

– Хм.

Куда он клонит? Зачем ему это знать? Он пытался выяснить, есть ли у меня жена. Зачем? Он что-то задумал. *Он подбирается к тебе.*

– Почему вы спросили? – я старался говорить спокойно, хотя внутри все дрожало.

– Простите, я не должен был спрашивать. Просто вы всегда один, и мне не хотелось бы, чтобы дома вас ждала рассерженная жена. – Нет, он вовсе не потому спросил. *Он знает, что она у тебя. Знает, чем ты*

занимаешься. Обмани его. Возьми ситуацию в свои руки.

– Теперь я вернулся и смогу больше времени тратить на поиски, – сказал я, обходя небольшую кочку и тщательно ее осматривая.

– Вот как? – Льюис на мгновение поднял брови. Мне удалось его заинтересовать.

Я кивнул.

– Да. Последние две недели меня здесь не было, я уезжал. Нашему филиалу в Эдинбурге требовалась помощь. У них внезапно ушел бухгалтер.

Эдинбург в Шотландии. Раз я уезжал на полмесяца, значит, не могу держать у себя Лилию. Льюис нахмурился. Впрочем, он всегда хмурый, только сейчас еще и удивлен.

– У полиции по-прежнему нет ничего против Харта, – сказал Льюис. – Он должен иметь к этому делу какое-то отношение. – *Зачем он переводит разговор на Харта?* Считает, что я никак не связан с исчезновением Лилии, или просто хочет, чтобы я так думал? Хочет, чтобы я почувствовал себя в безопасности, делает вид, что больше меня не подозревает, и надеется, что я совершу ошибку?

Я улыбнулся своим мыслям.

– Если окажется, что Харт как-то причастен к исчезновению Саммер, он, конечно, предстанет перед судом. – Я молился, чтобы у них хватило улик для предъявления обвинения Харту. Правда, гарантий, что мои молитвы будут услышаны, не было. Меня полиции не поймать, в этом я не сомневался. Только благодаря мне у них есть единственный подозреваемый. Я достаточно им дал. Теперь от них зависит, предъявят ему обвинение или нет. Грегори Харт не назовешь честным и невинным. Он заслуживает наказания.

– Надеюсь. Саммер должна вернуться к семье, – он сделал глубокий вдох, как бы стремясь совладать с чувствами.

Она и так со своей семьей.

* * *

Вернувшись домой, я быстро принял душ и спустился в подвал. В поисках своей девушки Льюис не знал жалости ни к кому, и я устал. Как человек может так любить и быть таким беззаботным – этого я не мог понять. То, что любишь, надо защищать. А когда любимой уже нет, защищать ее поздно.

– Привет, Клевер, – сказала Роза, удивленно моргая. – Все в порядке?

– Вполне, спасибо. Простите, что пропустил ужин.

Роза покачала головой.

– Ничего. Есть хочешь? Твоя тарелка в духовке.

Я взял ее руку и улыбнулся. Она так заботлива. Моя Роза. Моя Шэннон. Моя... жена? Возможно.

– Было бы замечательно, – проговорил я. Она улыбнулась и отправилась накрывать мне ужин. Мак выкладывала столовые приборы.

– Где Лилия?

Мак обернулась.

– В спальне. Сейчас схожу за ней, – она пошла к спальне и скрылась за дверью. Лилия, должно быть, ухаживает за Фиалкой, которой еще предстоит заслужить мое прощение. Я пока не знал, подойдет ли она нашей семье. Время покажет. Если бы не моя верная, заботливая Роза, Фиалки бы здесь не было. Я предоставил Фиалке еще один шанс благодаря Розе, это был мой ей подарок. Я не могу дать Розе ту жизнь, о какой мечтал для нас двоих, но могу хотя бы подарить жизнь Фиалке.

Лилия вошла в комнату вслед за Мак и улыбнулась. Понятно, за что ее любит Льюис. У нее естественная красота, а не нарисованная толстым слоем косметики. И когда женщины поймут, что макияж делает их похожими на дешевых шлюх?

Я шагнул вперед и взял Лилию за руку. Она вся напряглась.

– Ты нездорова? – спросил я. – Ты очень напряжена.

Она прикусила губу.

– У меня голова болит. В остальном все нормально.

– Лилия, я принесу тебе аспирин. Не хочу, чтобы ты страдала.

Она в растерянности уставилась на меня.

– Спасибо, – пробормотала она. Я поднес ее руку к губам и поцеловал. Она опустила взгляд в пол. Все такая же застенчивая. Я вздохнул. Сколько же времени ей надо, чтобы почувствовать себя здесь как дома? Может быть, дело не в нас. Родители не научили ее общаться, поэтому она дичится большинства людей. Лилия со мной всего семь месяцев, но я бы хотел, чтоб она пробыла со мной дольше. Это в ее же интересах.

Я сел на диван и похлопал рукой по подушке рядом с собой.

– Посиди со мной, Лилия. – Моя помощь нужна ей больше, чем другим. Помощь и руководство. Она медленно подошла к дивану и села, сложив руки на коленях. Взглянув в эту минуту ей в глаза, я возненавидел ее семью. Она – красивая молодая женщина, но это не всегда видно.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я, накрыв ладонью ее руки. –

Только голова болит или что-то еще?

– Только голова, – она понурилась.

Я вздохнул. Она никогда не смотрит мне прямо в глаза. *Это невежливо.*

– Смотри на меня, когда я говорю с тобой, Лилия, – сказал я строго.

Глаза у нее расширились, и она подняла их на меня.

– Извините, – прошептала она и вся оцепенела. Вот так-то лучше.

– Уже лучше. Люблю смотреть в эти прекрасные глаза.

– Глаза у меня мамины, – пробормотала она.

– Клевер, ты не мог бы достать нам еще одну? – спросила Роза, вмешиваясь в мой разговор с Лилией. Она держала в руках деревянную ложку, расщепившуюся посередине.

Может, они все устали? Их манеры испортились в считанные минуты.

– Сейчас схожу, – я поднялся с дивана и взял ложку из протянутой руки Розы. Во встроенном шкафу у меня целый склад, так что найти замену для большинства вещей было нетрудно. Я люблю, чтобы все было подготовлено.

Заперев за собой дверь, я подошел к шкафу и из нижнего ящика достал новую деревянную ложку. Позади послышался глухой стук. Сердце у меня бешено забилось, я обернулся. Кто здесь? Я осмотрел комнату. В углу на полу лежала небольшая сумка с пряжей. Я собирался ее убрать. Я вздохнул с облегчением. Видимо, сумка упала на пол с края стола.

Но так ли это? Может, это что-то другое? Или кто-то? Льюис. Неужели он? Как он узнал, где я живу? Следил за мною? Я положил ложку на стол и медленно двинулся к двери, прислушиваясь к каждому шороху. Выглянув за дверь, я увидел пустой коридор. *Это просто смешно.* Из-за Льюиса я стал параноиком. *Он следит за тобой.*

Я вернулся в комнату и взял ложку. *Он ничего не сделает, я по-прежнему контролирую ситуацию. Он не отнимет мою семью.*

Когда я вернулся к девушкам, они болтали. Лилия, казалось, оживилась и принимала участие в разговоре.

– Вот ваша ложка, – сказал я, кладя ложку на стол.

Роза поднялась с места.

– Спасибо. Ужин готов.

Я быстро поел. Пока я принуждал себя делать глоток за глотком, ступня помимо моей воли стучала по полу. *Это Льюис виноват. Это все он.*

– Его вина. Это все он! – закричал я, вскакивая с места.

Девушки застыли.

– Что такое? – осторожно спросила Роза почти шепотом.

– Льюис, – бросил я Лилии, грозно глядя на нее.

В глазах у нее мелькнул ужас.

– Что?

Гнев во мне закипал, казалось, я вот-вот взорвусь. Дыхание стало тяжелым. Сердце учащенно билось, в кончиках пальцев покалывало. Я не мог с этим ничего поделать. Хотелось разбить что-нибудь. Разбить все. Никогда еще я не был так взвинчен и готов взорваться. Наверное, на меня страшно смотреть.

– Что он сделал? Что ты собираешься делать? – спросила Лилия, и ее глаза наполнились слезами. От отчаянья в ее голосе мне стало нехорошо.

– Заткнись, – заревел я. – Просто заткнись. – *Ты проигрываешь. Все выхватят у тебя из-под носа, и ты останешься ни с чем. Неудачник.* Я зарычал от отчаянья, схватил стоящую передо мною тарелку и швырнул ее. Она ударилась о лестницу и разбилась. Некоторое время в комнате слышалось только мое тяжелое дыхание. Руки у меня дрожали, зуб не попадал на зуб. Девушки замерли.

Ты потерял контроль. Надо его вернуть. Девушек и меня найдут. Их заберут, меня задержат. Я знал, так будет.

– Нет, – крикнул я, бегом поднялся по лестнице и захлопнул за собой дверь.

* * *

Я съехал на обочину дороги и стал ждать. Они сами подойдут. Так всегда бывало. Глядя в зеркало, я пригладил ладонью взлохматившиеся волосы. Руки у меня дрожали, ступня стучала по полу, я не мог расслабиться. Я едва узнавал себя. Я выглядел по-прежнему, но стал тенью человека, который отчаянно хочет вырваться на волю.

К действительности меня вернул стук в окно. Я посмотрел в него и улыбнулся.

– Привет, – промурлыкала грязная шлюха, от вида которой меня сразу затошнило. Она улыбалась, наклеенные ресницы трепетали. – Меня зовут Кэнтрел. Не могу ли я что-нибудь для тебя сделать?

Можешь. Ты меня восстановишь.

Не говоря ни слова, я жестом указал на переднее сиденье, и она села в машину. Я вцепился в руль и поехал к лесу. Она даже не спросила, куда мы едем.

– Тебя как зовут, дорогой?
– Не твое дело.
– Хм, обожаю сварливых. – В самом деле? Неужели ей нравится такой образ жизни или все это лишь спектакль, рассчитанный на меня?

– Не спросишь, женат ли я?

Она громко засмеялась.

– Нет, дорогой. Все, что мне надо знать, – это есть ли у тебя деньги.

У меня челюсть отвисла от такой наглости. Она гордится. Гордится собой, тем, что занимается таким ремеслом. Я глубоко вдохнул. Сознание тонуло в красном тумане, трудно было вести машину. Я хотел, чтобы этой шлюхи не стало.

Пальцы рук, сжимающих руль, подергивались, тяжелое дыхание могло выдать мои намерения. Вот сейчас. Осознание потери контроля, ощущение себя неудачником тяготило, угрожало поглотить меня. Раньше я гордился своим терпением. Я так долго ждал девушек, но сейчас не мог ждать. До дома слишком далеко.

Вот, кстати, и поворот. Я свернул на грунтовую дорогу, уходившую в лес, который так хорошо знал. Ее это нисколько не смутило. Ей, по-видимому, надоело ехать, смотреть в окно и поджимать губы. Устала ждать. Я остановил машину и выключил двигатель.

– И как ты меня хочешь? – спросила она, лизнув нижнюю губу.

– На капоте, – ответил я и скрипнул зубами.

Она захихикала и открыла дверцу.

– О, мне нравится твой стиль.

Я содрогнулся от отвращения и кивнул, жестом приказав ей следовать за мной. Нож лежал у меня в кармане. Я тронул его сквозь толстую ткань пальто. Она медленно пошла ко мне, покачивая бедрами. Я подавил желание броситься вперед и воткнуть нож в ее черное сердце.

Она остановилась передо мной. Я толкнул ее на капот, и она, тяжело дыша, посмотрела на меня снизу вверх. Неужели ей нравится? Нет, не может быть!

– Сними топик, – сказал я, и она тотчас повиновалась. Я почувствовал во рту вкус желчи. Тонкий топик розового цвета прикрывал крошечный розовый бюстгальтер. Что сделало ее такой?

Я поднял голову, вытащил из кармана нож и приставил лезвие к ее горлу. Она ахнула, глаза в ужасе расширились.

– Ч-что ты д-делаешь?

– Беру контроль в свои руки, – ответил я и надавил на нож, легко проколовший ей кожу. Она затряслась всем телом, глаза наполнились

слезами. Я разрезал ей кожу от середины шеи до грудины. Она стонала, шипела сквозь зубы и тяжело дышала, терпя боль. Таких широко открытых глаз мне никогда не доводилось видеть.

– П-пожалуйста, остановись. Я сделаю все, что ты хочешь, – заикаясь, умоляла она, дрожа от страха.

Я вздохнул. Неужели она не понимает, чего я хочу?

– Я хочу, чтобы ты умерла. Я хочу тебя убить.

– Нет, – прошептала она и начала плакать. Эти звуки показались мне музыкой. Вот что у меня хорошо получается. Тут я не оплошаю.

– Нет, нет, пожалуйста! – повторяла она.

Я остановил нож против ее сердца.

– Тихо. – Она еще сильнее выпучила глаза. Я схватил нож двумя руками и изо всех сил воткнул ей в грудь. Она не издала ни звука и сразу обмякла.

Я сделал шаг назад, глядя, как ее тело сползает с капота машины и падает на землю. Потом закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

Я снова владею ситуацией.

Понедельник, 28 февраля (настоящее время)

Дон сидела за кухонным столом, глядя на разложенные по нему фотографии Саммер.

– Красавица, правда? – спросила она, не отрывая взгляда от фотографий.

– Да, – ответил я.

Она провела пальцами по одному из снимков.

– Мне надо снова увидеть эту улыбку.

– Увидишь, Дон. Хочешь еще кофе?

– Да, спасибо. – Я взял ее пустую кружку и включил кофеварку. – Давно ты встала?

– Не знаю точно. Некоторое время назад. Саммер вечно была недовольна своей прической. Не знаю, почему. Мне ее прическа всегда казалась идеальной.

Я невесело засмеялся и сказал:

– Она же подросток. В ее возрасте это естественно.

– Ты все еще плачешь о ней? – спросила она, застав меня врасплох этим вопросом. – Мне кажется, только я и плачу. Хотя знаю, что это не так.

– Не ты одна, – прошептал я.

Она грустно улыбнулась.

– Ты ведь не сдашься? Нам нельзя сдаваться, как бы долго это ни продолжалось.

Мне ее вопрос показался обидным. Она знала о моих чувствах к Саммер, последние семь месяцев жизни я посвятил поискам. С какой стати мне вдруг сдать? Я не смогу жить без нее. Не смогу двигаться дальше, пока мы не вернем ее или не поймем, что случилось.

– Никогда.

Тыльной стороной ладони Дон смахнула слезу.

– Мне тяжело думать, что она где-то там и ей страшно. Она знает, что мы найдем ее, ведь правда? Знает, что не бросим поиски. Я бы не вынесла, если бы она решила, что мы сдались.

– Дон, она знает, что мы не сдадимся. Знает, как сильно мы все ее

любим. – В этом я не был уверен. Хотя и надеялся. Но никаких гарантий не было. Все сводилось только к надежде. Я хорошо знал Саммер и понимал: возможно, она сейчас хочет, чтобы мы сдались и успокоились. Но только это не произойдет. Когда кто-то умирает и надо прощаться, тогда другое дело. Но мы не знаем, где Саммер и что с ней случилось. У нас нет ответов на вопросы, значит, поиски должны продолжаться.

Дон сделала большой глоток кофе.

– Знаешь, будь она здесь, она прочла бы тебе лекцию о вреде кофеина, – заметил я.

Дон невесело улыбнулась и кивнула.

– Да, это ее любимая тема. Потому, возможно, что кофеин на нее сильно действовал. Помнишь, как она выпила несколько банок «ред булла» и так перевозбудилась, что от нее буквально искры летели.

Я засмеялся.

– Да, помню. Вы все уже легли, а меня оставили разбираться с ней. Ей захотелось пробежаться по улице, потом поплавать, потом в Диснейленд. В конце концов мне удалось усадить ее смотреть кино – кино для девушек. Кажется, только около четырех утра она наконец перестала болтать и заснула.

– Когда вернется, мы ее свозим в Диснейленд, – сказала Дон, кивая головой. Но захочет ли туда Саммер? Мы понятия не имеем, что с ней сейчас происходит. Возможно, что-то плохое. Я стиснул зубы и прогнал от себя картины, которые не хотел видеть. Мысль о том, что с ней обращаются жестоко, невыносима. *С нею все будет хорошо.* Через что бы ей ни пришлось пройти, я постараюсь все исправить.

* * *

Я медленно проехал мимо дома Колина, рассматривая передний двор. На подъездной дорожке машины не видно, но у него есть гараж. Дома ли он? На часах четверть пятого, так что он, наверное, на работе.

Саммер здесь? Но ведь она могла бы убежать, когда он на работе. Нет, что-то тут не то. Возможно, он держит ее где-то еще. Надо забраться в дом, может быть, тогда удастся что-то понять. Я вышел из машины, посмотрел назад через плечо и убедился, что меня не видно с дороги.

Кровь стучала в ушах. Я обошел окружающую дом живую изгородь высотой мне до плеча. Зачем ему такая высокая живая изгородь? Дом стоит на отшибе, и, конечно, из соседнего, стоящего на этой же дороге, ничего не

увидишь. От кого он пытается отгородиться? Или кого прячет в доме?

Дом Колина выглядел поразительно обычным. Построен для большой семьи, а у него даже жены нет. Зачем такой большой дом, если живешь один? Колин непохож на богача, сорящего деньгами. Зачем такой огромный дом одинокому небогатому человеку?

Наверное, дом куплен не им. Достался по наследству... Я тут же мысленно обругал себя. Может, этому чудаку просто нравится большой дом? Люди часто покупают лучшее из того, что могут себе позволить. Тео любит повторять, что я чересчур много читаю.

Я начал обходить дом кругом. Сердце бешено колотилось в груди, меня подташнивало. Я не знал, что ищу. Что-нибудь. Вполне возможно, что Колин невиновен, а то, что меня настораживает, – просто его странности. У кого их нет? У меня против него нет ничего, если не считать шестого чувства.

Первое окно оказалось большим. Затаив дыхание я заглянул в него. Передо мной была большая гостиная, обставленная традиционно, но элегантно. Два больших кожаных дивана один против другого, между ними – кофейный столик из темного дерева. Одну стену почти целиком занимает камин, над ним висит зеркало. Все как обычно.

– Ну подожди, ублюдок, – прошептал я. Должно же тут что-то быть. Я прошел второе окно в боковой стене, потом стену ванной комнаты и наконец оказался позади дома. Здесь три высоких окна кухни-столовой и задняя дверь. Я рассмотрел комнату, стараясь запомнить все в подробностях. Ничего. Все казалось обычным, но почему? То ли действительно здесь нет ничего особенного, то ли он что-то скрывает? У меня накопилась масса вопросов без ответов, и это сводило с ума.

Я прошел вдоль еще одной стороны дома и снова не заметил ничего необычного. Одна комната, похоже, использовалась как подсобное помещение, и единственное, что показалось мне в ней странным, – гора сложенной одежды. Учитывая опрятность всего остального, можно было ожидать, что одежду куда-нибудь уберут. Но вряд ли это можно считать доводом в пользу того, что Колин похищает людей. В следующей комнате стояли стол, бордовое красное кресло с высокой спинкой и книжная полка высотой мне до талии.

Рядом с дверью было узкое застекленное оконце. Я заглянул в него и увидел коридор и лестницу. Нахмурился и прильнул к стеклу. Возле лестницы лежало четыре коробки из-под обуви из магазина «Нью Лук». За каким чертом ему понадобились женские туфли? Когда-то Саммер заставляла меня заходить с ней в этот магазин. Что и для кого покупать там

человеку, которому за тридцать?

Я услышал шум подъезжающей машины и обернулся.

– Черт, – пробормотал я и побежал к живой изгороди слева от дома, поближе к своей машине. Сердце, казалось, было готово вырваться из груди. Ветки царапали лицо. Я спрятался в кустах как раз вовремя, чтобы увидеть подъезжавшую по дорожке машину. Это он. Сумею ли я добежать до своей машины незамеченным? В нижней части изгороди не было веток, к тому же начинало темнеть.

Двигатель затих. Я слышал, как Колин вышел из машины. Присев на корточки, я замер. Он с портфелем в руке подошел к парадной двери. Как только он вошел, я закрыл лицо руками и начал продираться сквозь ветки.

Подбежав к машине, я прыгнул внутрь и завел мотор раньше, чем успел как следует закрыть дверцу. Слышал ли он шум двигателя? Я поехал к дому Саммер, надеясь, что Колин ничего не услышал. Черт, я едва не попался. Однако игра стоит свеч. Теперь я знаю: он что-то скрывает.

* * *

– Привет! – сказал я, закрыв за собой парадную дверь.

– Я на кухне, – ответила Дон. Она сидела за столом и ковыряла вилкой спагетти. – Ничего?

Есть кое-что. Возможно. Я покачал головой: не хотел понапрасну ее обнадеживать.

Она кивнула.

– Твой ужин в микроволновке. Родители скоро вернутся.

– Где они? – я включил микроволновку.

– Ушли в магазин.

– А Дэниел и Генри?

– Дэниел еще не вернулся, Генри принимает душ. – Я сел напротив Дон, и мы занялись едой. Ни ей, ни мне есть не хотелось. Я уже не мог вспомнить, когда у меня последний раз был аппетит.

– Я хочу искать вместе с ними.

Я понимающе кивнул. Дон тяжелее всего. Ее задача – сидеть дома. Кто-то должен быть здесь на случай, что Сам позвонит или вернется.

– Знаю. Но она или кто-нибудь еще может позвонить. Если бы Саммер пришла домой, она бы захотела сразу увидеть тебя.

Дон посмотрела на меня, склонила голову и усмехнулась.

– Льюис, если бы Саммер сейчас вошла в эту дверь, она бы сразу

бросилась к тебе. Я раньше думала, что влюбленность подростков недолговечна, пока не увидела, как моя дочь тебя любит. Вот так же я люблю Дэниела. Тогда я поняла, что заблуждалась насчет молодых.

Это было тяжело слышать. Я никогда не думал, что Саммер действительно любит меня, любит так, как люблю ее я. И не потому, что она этого не показывала или об этом не говорила. Просто это казалось невозможным.

– Надеюсь, мы проживем еще несколько сотен лет вместе, как вы, – сказал я. Дон улыбнулась. – Я люблю ее, Дон, и я не сдамся. Кроме того, я обещал ей пожениться в Диснейленде.

– В Диснейленде?

Я улыбнулся. Мы не собирались никому говорить об этом – это была лишь мечта, – но сейчас я хотел этого как никогда.

– Кажется, никогда она не была так счастлива, как в ту минуту, когда узнала, что можно заключить брак в Диснейленде.

– Так и сделайте, как только она вернется, – сказала Дон.

В другое время Дон сказала бы, что я, наверно, совсем сумасшедший, раз хочу жениться на ее семнадцатилетней дочери. Завидую людям, у которых такие проблемы – самые сложные. И никогда больше не откажусь от какого-нибудь намерения только из-за мыслей о том, что скажут или подумают другие.

Заставив себя съесть половину ужина, я пошел в комнату Саммер. Что же делать дальше? Хотелось вернуться к дому Колина и обыскать там каждый миллиметр.

– Где ты был? – спросил меня Генри, едва я вошел в комнату. Он сидел на постели Саммер и, видимо, ждал меня.

– Сам знаешь.

Он вздохнул и покачал головой.

– И?

– Заглядывал в окна, увидел немного. Но, Генри, там четыре пары женских туфель в коробках. Коробки стоят возле лестницы.

– Откуда ты знаешь, что это женские туфли?

– Коробки из «Нью лук». Колин определенно что-то скрывает.

Генри открыл рот, собираясь прочитать мне лекцию, но я остановил его, подняв руку.

– Место жутковатое. Я не преувеличиваю и не принимаю желаемое за действительное. Он одинок, жены нет, а покупает женскую обувь. Дом без единого пятнышка, рассчитан на семью, окружен высокой живой изгородью и деревьями.

- Ну да, соглашусь, насчет туфель – это странно...
- Но? – предвидя возражения, я поднял брови.
- Но это ничего не доказывает.

Я подошел к туалетному столику Саммер, где к краю зеркала были прикреплены наши с ней фотографии.

– Сам знаю, что не доказывает. Потому и поеду туда утром. Надо попасть внутрь.

Вторник, 30 декабря (2008 года)

- Есть хочется, идем быстрее, – сказал Генри.
- Ничего, не умрешь от голода в полуметре от «Пиццы-Хат», – ехидно заметила Саммер.
- Ага. Не могу понять, зачем ты опять поплелась с нами, Сам.
- Знаешь ли, здесь две мои подруги и один твой друг. Перевес на моей стороне. Так что лучше ответь, зачем ты с нами поплелся?
- Хватит! – крикнула Керри. – Замолчите оба!

Генри и Сам, брат и сестра, вечно ссорятся. Они дружны, но почти всегда готовы удушить друг друга. Будь я их отцом, я бы уже сошел с ума.

Генри открыл дверь ресторана и вошел первым. Я придержал дверь для Саммер.

– Спасибо, – она улыбнулась. Я улыбнулся в ответ. Входя, я постарался оказаться поближе к ней и как бы случайно коснулся ее руки. Мне уже некоторое время казалось, что одной только дружбы со мной ей недостаточно. Эта мысль потрясла меня, как если бы на меня наехал автобус: я тоже хотел большего.

Генри, Керри и Бет уже шли вслед за официанткой к столику. Саммер немного отстала.

– Есть хочешь? – спросил я ее. *О боже, до чего это глупо! Господи, Льюис!* Я поморщился и мысленно выругал себя.

Саммер засмеялась.

– Хочу.

– Опять будешь свою странную пиццу?

Она остановилась, повернулась ко мне, сердито посмотрела и слегка надула губы. Мне хотелось схватить ее и поцеловать, укусить эти губы.

– Она не странная. Попробуй и поймешь. – Я представил, как она кормит меня пиццей... совсем раздетая, и сердце у меня бешено заколотилось.

– Хм, – пробормотал я. Все мысли улетучились, перед мысленным

взором стояла обнаженная Саммер. Закатив по привычке глаза, она села за столик. Я сел рядом и прижался к ней ногой. Она напрасно пыталась скрыть улыбку, закусывая изнутри щеку. Схватила меню, хотя и так знала, что закажет: пиццу с куриным мясом, сладкой кукурузой, ананасом и беконом. Все желтое из перечисленного я бы брать не стал. Не понимаю, как она может это есть.

– Опять будешь эту свою пиццу?

Она, глядя на меня, усмехнулась.

– И что?

– Как ты до такого додумалась?

– Не знаю, просто люблю ее, и все. Поверь мне, она вкусная.

– Скормишь мне немного?

– Зачем? Разве ты еще не научился есть сам?

Я засмеялся и покачал головой. Да, этого следовало ожидать. Я надулся.

– Нет. Мне нужна твоя помощь.

Она засмеялась.

– Тебе нужна чья-то помощь?

– Помощь девушки, которая ест пиццу с куриным мясом, свиной, кукурузой и ананасом.

– Он прав, Сам. Эта пицца гадкая, – поддержал меня Генри.

Саммер опять закатила глаза:

– Что еще скажете?

Подошла официантка и приняла у нас заказ. Все это время я старался не смотреть на Саммер. До чего она мне нравится, даже досадно. Если б не знать, что я ей тоже нравлюсь, я не был бы так одержим ею. Рядом с ней я чувствовал себя как тринадцатилетняя девчонка. Даже самому противно.

Принесли заказ, я следил за ее лицом. Ее зеленые глаза зажглись, она улыбалась, ей не терпелось приняться за еду. Я заставил себя не смотреть на нее и занялся пиццей-барбекю – такую заказывают нормальные люди.

– Попробуй, – Саммер протянула мне кусочек своей.

Я попробовал, сделав страшное лицо. Ее пицца оказалась очень даже недурна, совсем не то, что я думал, но я, конечно, такую заказывать не буду. Я медленно жевал, нарочно кривясь.

Саммер взорвалась:

– Врешь! Она вовсе не гадкая. Моя пицца лучше всех!

Я проглотил свой кусок.

– Нет, Сам. Это ты странная.

– Врун. Тебе понравилась моя пицца, – и она толкнула меня локтем в

бок. Я схватил ее за руку, она завизжала и стала вырываться, крутясь на стуле. Ее бок оказался прижат к моей груди. Я притянул ее к себе и сделал вид, что щекочу.

– Снимаю! – крикнула Керри. Саммер замерла и, улыбаясь, посмотрела на нее. Мы были рядом, Сам прижалась ко мне, я обнимал ее, и мы оба смотрели в камеру. Не вышел бы я на снимке таким слюнтяем, попросил бы Керри прислать мне эту фотку.

Вторник, 29 февраля (настоящее время)

– Не надо было нам... – пробормотал Генри, хлопнул себя по коленке и покачал головой. Он повторил это уже четыре тысячи раз.

– Надо что-то делать. Что-то с Колином не то.

Мы остановили машину за высокими кустами на поле рядом с его домом. Отсюда было видно начало его подъездной дорожки. Я не знал, когда он уезжает на работу, поэтому мы сидели в машине с семи утра, то есть уже час двадцать.

– Когда же он появится? – прошептал Генри.

– Не знаю, – ответил я, глядя на дом. – Мы же в машине. Он мог нас услышать. – Живет один, вокруг никого. Он вполне мог что-то сделать с Саммер.

– Это он. Он похититель.

Сердце у меня заколотилось.

– И я так считаю. Почему ты сейчас так уверен, Генри?

Генри вздохнул.

– Больше никому. Я просто хочу найти свою сестру, даже если ее уже нет...

– Она жива! – перебил его я. Потрясенный Генри заморгал. – Извини, – пробормотал я и провел рукой по лицу. – Просто не могу слышать, когда говорят, что ее нет в живых.

– Все нормально.

– Она жива, Генри, – повторил я.

Он кивнул.

– Знаю. погоди. Ты слышал?

– Что? – Мы замолчали. Послышалось тихое урчание двигателя. – Ну давай же, ублюдок, – прошептал я, глядя на дом. Через минуту серебристый БМВ задним ходом выехал на дорогу. В нем сидел только Колин. Вот он остановился, переключил передачу и уехал.

– Идем, – сказал я, когда его БМВ скрылся из виду.

Мы вышли из машины и направились к дому.

– Как попадем внутрь? – спросил Генри.

– Там увидим.

– Откуда ты знаешь?

Я остановился посреди дороги.

– Генри, ради бога! Попадем как-нибудь. – Да что с ним такое? – Иди в машину, если не хочешь участвовать.

– Она моя сестра. Я с тобой.

– Тогда перестань ныть. – Дом был большой и ухоженный. Трава подстрижена, в саду порядок. – Сначала давай попробуем заднюю дверь. – Мы обошли дом. Задний двор был в таком же порядке, как и все остальное. По его границе, как гигантский забор, росли высокие кусты и деревья. Так Колин скрывал свою личную жизнь, чтобы не вызывать подозрений. Отвратительный тип, но явно неглупый.

– Жутковато. Слишком все обычно, – прошептал Генри. Так и было. Могло показаться, что в доме живет семья. Но Колин сделал свой дом чересчур обычным. Почему же никто этого до сих пор не понял?

– Смотри, – Генри указал на окно кухни. В верхней его части была открыта небольшая форточка.

– Ты меньше меня, – я усмехнулся и кивнул в сторону окна.

Генри вздохнул.

– Знал, что ты так скажешь.

– Не зря же ты в спортзал ходил. Давай помогу тебе забраться. – Я сцепил руки, Генри поставил на них ногу и оперся руками о стекло. Я заскрипел зубами. Генри худой, и я думал, что он совсем легкий, но я ошибся.

– Господи, сколько же ты вешишь?

Он не ответил на мой вопрос и настежь распахнул форточку.

– Подсади меня, – сказал он. Я попробовал поднять руки. Генри ухватился за края форточки и протиснулся в нее. Глядя, как он висит в ней головой вниз по ту сторону стекла, я не мог не улыбнуться. Он с гулким стуком упал на пол.

– Все нормально?

– Да, только пол твердый. Плитка, знаете ли, – ответил Генри, потирая локоть. Потом улыбнулся и повернул ключ в задней двери. – Спасибо, ты очень помог нам, Колин.

Я открыл дверь и вошел в дом. На кухне безупречный порядок, со столов все убрано. Образцовое жилище.

– Куда сначала?

– Ты посмотри здесь, я пойду наверх, – предложил я. – Проверь все, ладно?

– Понял.

Перепрыгивая через ступеньки, я начал подниматься вверх. Передо мной была дверь. Я открыл ее и вошел в комнату. В нос ударил лимонный запах дезинфицирующего средства. Сильнее, чем в больнице! У меня сразу заболела голова.

В ванной все сверкало. В раковине я буквально мог видеть отражение собственного лица. Колин определенно жил не по-холостяцки. На краю раковины стояли две бутылочки с дезинфицирующим раствором. Микробов боится, ублюдок. Я вышел из ванной и закрыл за собой дверь. Невыносимый запах, он него щиплет в носу. И как он живет в такой атмосфере?!

Я открыл дверь в следующую комнату и услышал, как Генри обыскивает внизу шкафы. Он Саммер ищет или грабит Колина?

– Генри! – позвал я.

– Да.

– Если что-то сдвигаешь, следи, чтобы поставить на прежнее место. А то он поймет.

– Ладно, – ответил Генри. – Понял.

Я прошел в еще одну очень опрятную комнату со стенами, выкрашенными в персиковый цвет. Так же чисто, как и везде, но обстановка старомодная. На кровати покрывало с отвратительным узором в цветочек. На тумбочках с обеих сторон кровати – светильники с абажурами с точно таким же узором. Чья же это комната? Определенно не его. Тут должна жить женщина, притом пожилая. Может, он все-таки живет не один? С матерью или бабушкой. Я замер. Черт! Может, в доме есть кто-то еще? Но мы бы услышали. Я не хотел говорить Генри, чтобы не пугать его. Теперь все равно уже не повернешь обратно.

Я уже собирался выйти из комнаты, но мое внимание привлекли стоящие на комодѣ фотографии в белых деревянных рамках. Я сделал шаг к комоду, и меня сразу затошнило. На всех снимках – Колин с похожей на него женщиной. Возможно, это его мать. Они целуются! На одной из фотографий они целовались как любовники. Что за черт?!

Я вышел из комнаты с отвратительным ощущением. Если он занимался такими вещами со своей матерью, что же он делал с Саммер?

– Нашел что-нибудь? – крикнул я. Меня не смущало, что в доме может быть кто-то еще. Я должен был найти Саммер.

– Пока нет, – ответил Генри. В его голосе звучало то же отчаянье, которое испытывал сейчас и я.

Я поспешно открыл следующую дверь – мне отчаянно хотелось

забрать ее отсюда! А что если ее здесь нет? *Нет, она здесь. Должна быть.*

В последней комнате был только встроенный шкаф из черного дерева во всю стену. Я посмотрел на этот шкаф, и сердце у меня заколотилось. Я пытался представить, что может быть за дверцами. Сделав шаг вперед, я протянул руки и открыл две дверцы.

Женская одежда? Почему гардероб полон женской одежды? В первом отделении висели платья и кардиганы. Слишком современные для его матери, если судить по ее комнате. Но ничто не подошло бы Саммер. Она носила джинсы и футболки, а не платья и юбки. Зачем ему эта одежда? И тут меня осенило: а что если он сам рядится в женское? Вряд ли, конечно, но все возможно.

Может, по этой причине он и живет так уединенно. Я захлопнул дверцы шкафа и открыл другие. Если так, то не он похитил Саммер, и я ошибаюсь. Я снял с полки коробку. Нет, он определенно не трансвестит. В коробке лежали упаковки женских гигиенических прокладок и тампонов. Это уж явно не для него. Я быстро осмотрел все коробки. Косметика, огромное количество средств для ухода за волосами, увлажняющий крем и тюбики зубной пасты.

– Льюис, – услышал я голос позади. Сердце ушло в пятки. Попался. Я резко повернулся.

– Господи, Генри, как же ты меня напугал! – Его лицо было белым, как у призрака. – Что? – прошептал я.

Он протянул мне несколько газет. Вернее, несколько газетных страниц с фотографиями Саммер. Я взял их и пролистал. Все заметки о ней, начиная с первой, июльской.

Генри смотрел на коробку с гигиеническими принадлежностями, все еще стоящую на полу.

– Это он, – сказал Генри, и я кивнул. Тело у меня онемело, кровь отлила от лица. Он что-то с ней делает. Все найденное в шкафу указывает на то, что она еще жива. Все это может ей понадобится. Но где же она сама? Или он держит ее где-то в другом месте? Это не исключено.

– Где же она?

У меня похолодела спина. До разгадки уже рукой подать. Бросив газетные листы Генри, я выбежал из комнаты.

– Саммер, это я, милая! Отзовись, если меня слышишь!

– Льюис, черт возьми! Что ты делаешь? – закричал Генри, останавливая меня на площадке лестницы.

Я оттолкнул его. Она где-то рядом.

– Что, по-твоему, я делаю? – прошипел я. – Саммер! – Я сбежал по

лестнице. – Саммер! – Генри шел за мной следом, осматриваясь. Он совсем растерялся.

– Господи, Льюис, ее здесь нет. Может, хватит? Эту игру ты проиграл. Успокойся. Надо действовать по правилам.

Я остановился и вынул из кармана телефон.

– Ты прав.

– Что ты делаешь? – прошептал Генри.

– Звоню Майклу, – ответил я. Полицейские собаки смогут определить, была ли она здесь раньше. Может, она и сейчас здесь. Они найдут ее. Точно найдут.

Глаза Генри расширились. Он пытался отнять у меня телефон. Я схватил его за руку.

– Это безумие, Льюис. Сейчас же перестань.

– Уходи, Генри.

– Что?

– Уходи, – прошептал я. Генри покачал головой, глядя на меня с сожалением. Потом, вздохнув, повернулся и выбежал из дома.

Майкл взял трубку.

* * *

Я ждал у задней двери. Пока они доедут, пройдет некоторое время. *Ну же!* Сердце колотилось, мне было тяжело дышать.

– Теперь уже скоро, Саммер, – прошептал я, молясь, чтобы она услышала меня, хотя и понимал, что это невозможно.

Майкл подошел к задней двери тихо, заставив меня вздрогнуть. Почему я не слышал, как подъехала полицейская машина? Он качал головой. Губы сердито сжаты.

– Что ты вытворяешь, Льюис? – спокойно спросил он.

Я поднял руки. Только лекции мне сейчас не хватало! Надо было, чтобы он меня выслушал.

– Послушайте, просто послушайте меня, ладно? У него женская одежда и... средства женской гигиены. Он хранит старые газеты. В них заметки о Саммер. Он хранит их все. Почему? Зачем ему это?

Майкл вздохнул.

– Льюис, нельзя вламываться в чужие дома.

Дом.

– Ну послушайте же. Саммер сейчас здесь или была здесь раньше. – Я

застонал и изо всех сил зажмурился. – Я не знаю. Я больше ничего не знаю. Но это странно. Он странный. Пожалуйста, обыщите дом и сами увидите.

– Одежда может принадлежать его жене или подруге. Очень многие хранят старые газеты или забывают их выкидывать.

– А, да, но он при этом еще и аккуратист-маньяк. Посмотрите сами. Майкл потер лицо.

– Не могу. Тебе придется поехать сейчас со мной.

– Почему?

– Потому что нельзя вламываться к людям в дома! – прошептал Майкл.

Я снова поднял руки.

– Вы сказали, что не сдадитесь.

– Я не сдаюсь, но так нельзя. Мы не можем обыскивать дома всех, кто хранит старые газеты. Так не пойдет.

– Может быть, вам стоит изменить правила?

– Я здесь не для того, чтобы спорить, – он вздохнул. – Я все понимаю, Льюис. Будь я на твоём месте, я сделал бы то же. Слушай, я поговорю с ним еще раз, это самое большее, что я могу для тебя сделать.

– То есть вам ничто не кажется странным?

Майкл покачал головой.

– Дело не в том. Просто для ордера на обыск этого недостаточно. Скажи, ты нашел здесь какие-нибудь вещи Саммер?

Сердце у меня упало. Я понурился, осознав, что полиция ничего делать не будет.

– Нет.

– Я допрошу его. А теперь поедem со мной, – повторил Майкл.

Он вывел меня из дома и закрыл заднюю дверь. Я пошел к его машине. Под ложечкой у меня сосало. Что теперь будет? Узнает ли Колин, что мы побывали в доме? Майкл открыл заднюю дверцу, я сел в машину. Глядя на дом, я думал: «Когда-нибудь, хоть когда-нибудь мы найдем Саммер?».

Майкл сел за руль и включил мотор.

– Я арестован? – спросил я.

– Нет, но это не должно повториться. Я серьезно. В следующий раз я тебя не просто подвезу. Понимаешь? – Я кивнул и посмотрел на дом. *Прости, Сам.*

Четверг, 3 марта (настоящее время)

Я стояла перед зеркалом в ванной и наносила тональный крем на синяк под глазом. Синяк на руке быстро бледнел, и теперь его уже трудно было заметить. На его месте осталось лишь светло-желтое пятно. Клевер вел себя очень странно. Он уходил все глубже в себя, думал о своем, его пустые глаза ничего не выражали. Что-то его очень тяготило, но я не знала, что именно. Могло быть что угодно. Я надеялась, что полиция продвигается в своих поисках. Меня – нас – вскоре, возможно, найдут. Я неотступно думала об этом.

Клевер нервничал, это становилось все заметнее, и моя надежда на то, что нас найдут, крепла. Я только и думала о том, что скоро окажусь в объятиях отца, почувствую сладкий запах маминых духов, услышу, как Льюис признается мне в любви и даже как Генри орет на меня, потому что я его раздражаю.

Я отвернулась от зеркала и вышла в комнату. Роза, Мак и Фиалка читали на диване.

– Все нормально? – Роза отложила книгу, встала и заглянула мне в глаза.

Нет.

– Да, сегодня гораздо лучше.

Она сочувственно улыбнулась и, потянув за руку, заставила меня сесть на диван. Вчетвером на нем тесновато, но зато чувствуешь себя в безопасности. Клевер не приходил ужинать, а было уже полдевятого. Его ужин стоял в духовке, и мы бы сразу разогрели его, если бы Клевер появился.

Роза посмотрела на часы.

– Где же он? – пробормотала она.

– Может быть, не придет, – сказала я и помолилась, чтобы так и было.

Роза нахмурилась.

– Приберусь на кухне.

Она занимала себя работой, чтобы отогнать мрачные мысли. Я знала, когда у нее на сердце тяжело, она принимается что-нибудь чистить и

убирать, иногда по второму разу. Мак, как всегда, поднялась с дивана и пошла помогать. Фиалка повернулась ко мне и беззвучно произнесла одними губами:

– Пойдем в спальню.

Она хотела поговорить со мной с глазу на глаз.

Я пошла за ней и села на ее кровать.

– Что-то происходит. Что если с ним что-то случилось? – Глаза у нее расширились от ужаса. – Черт, Лилия, что если он умер?

Если он умер, нам конец. Я ненавидела его как никого другого, но мы целиком зависим от него.

– Не думаю, чтобы что-то действительно случилось, – сказала я. – Он, наверно, просто забыл нам сказать, что у него какие-то дела, только и всего. – Я говорила спокойно и убежденно, хотя в глубине души таился ужас: если с ним что-то случилось, мы все обречены на смерть. – Может, он полирует свой кубок «Самый психованный псих года», – пошутила я, пытаюсь рассеять наши опасения.

– Но... – Фиалка покачала головой.

– Фиалка, не надо паниковать. Он всего лишь не пришел на ужин.

– Он был очень рассеян за завтраком. – А как иначе? Он же псих. – Лилия, что-то стряслось.

Я кивнула.

– Знаю, но нам надо сохранять спокойствие, ладно? – Она глубоко вздохнула. Несколько минут назад я паниковала, а Мак и Роза пытались меня успокоить. – Что бы там ни было, у нас все будет хорошо.

– Если он сошел с ума...

Я фыркнула.

– Если? – Фиалка слабо улыбнулась, не позволяя себе рассмеяться.

– Чем сильнее он свихнется, тем лучше для нас, – сказала я.

– Как это?

– Начнет совершать ошибки. – Она кивнула, а я улыбнулась. – Видишь? Все будет хорошо. Не говори ничего Розе и Мак. Если у него дела хуже обычного, значит, у нас есть шанс.

– Проломить ему голову? – спросила Фиалка.

– Хм, ну да, если придется.

Она смотрела на меня совершенно серьезно. Ее лицо не выражало никаких чувств. Могла бы я убить человека? От этой мысли тошнило, но, если бы от этого зависела моя жизнь, наверно, смогла бы. Его я бы точно смогла убить.

– Хочешь посмотреть «Дневник моей памяти»? – спросила я, стараясь

перевести разговор на другую тему. Это любимый фильм Фиалки, и я надеялась, что, начав смотреть его, она обо всем забудет. Кажется, я выучила его уже наизусть.

Она кивнула и грустно улыбнулась.

– Да, конечно. – Я уже встала, собираясь перейти в главную комнату, но она схватила меня за руку.

– Как, по-твоему, Льюис все еще ищет тебя?

Такой вопрос меня удивил.

– Надеюсь, что нет, – ответила я.

– Но ты его любишь?

– Люблю и поэтому надеюсь, что нет. – Она посмотрела на меня как на сумасшедшую.

Я не сошла с ума. Я люблю Льюиса. Но если он не перестанет меня искать, то никогда не будет счастлив. Хотя в глубине души я знала, что он по-прежнему ищет меня. И на его месте я бы тоже продолжала искать. Я вышла из спальни, чтобы Фиалка больше ничего не могла спросить. Не хотелось говорить об этом.

Роза и Мак протирали столы, которые и без того были безупречно чистые. Я уже собиралась спросить, не хотят ли они посмотреть фильм, как вдруг в двери подвала лязгнул замок. Я стояла неподвижно. Клевер опоздал. Что означал его приход сейчас?

– Клевер, все в порядке? Если хочешь есть, ужин в духовке, – сказала Роза и начала снимать желтые резиновые перчатки. Он спускался по лестнице. Я посмотрела на дверь подвала, и глаза у меня расширились. Он не закрыл ее. Сердце бешено колотилось. Между дверью и притолокой осталась щель шириной в три сантиметра. Он знает, что не закрыл дверь?

Он поцеловал Розу в щеку и повернулся к нам. Фиалка вышла из спальни и остановилась рядом со мной.

– Кое-что случилось, но я не хочу, чтоб вы волновались. Я знаю, как нам остаться вместе, – проговорил он, по очереди глядя нам в лица. *Что? Что случилось?*

Фиалка взяла меня за руку и крепко ее сжала. Я чувствовала ее страх. Она боялась того, что он придумал. Что означает «остаться вместе»? Он хочет бежать вместе с нами? Сердце у меня запрыгало. О нем узнали!

Он посмотрел по сторонам и махнул рукой.

– Есть люди, которые хотят разлучить нас, но я никогда не позволю такому случиться, – сказал он как-то слишком спокойно. Как будто мы тут обсуждаем погоду! – Мы не расстанемся, обещаю. Нас нельзя разлучить, – пробормотал он. Обещание, от которого у меня по спине побежали

мурашки. По его темным глазам было видно, что он думает о чем-то другом. И внезапно я все поняла. Нет, он не собирается бежать вместе с нами. Он собирается убить нас. Всех.

Я похолодела. Неужели за ним уже приехали? И поэтому он нарушил распорядок, которому придавал такое значение. *Надо отвлечь его разговором.* Я должна заговорить.

– Клевер, никто не сможет разлучить нас, если мы сами не захотим, – начала я. Фиалка сжала мою руку как тисками.

Он посмотрел на меня и наклонил голову набок.

– Нет, Лилия, нас собираются разлучить.

– Но мы можем сказать, что хотим остаться здесь, – он нахмурился, как будто услышал что-то совершенно новое для себя. Неужели он и правда верил, что нам здесь хорошо? Нет, конечно. Он псих, но не до такой же степени. И вообще понимал ли он разницу между «можно» и «нельзя» или давно жил в собственном мире, в котором он всегда прав?

– Лилия, ты не слушаешь меня. Я сказал, нас хотят разлучить. А теперь ведите себя как хорошие девочки. Обещаю, все будет быстро и без боли. – Он вытащил из кармана нож. Я не могла вдохнуть. Говорить с ним бесполезно. Он уже мертв. Побежден.

Фиалка захныкала и, потянув меня за руку, заставила сделать шаг назад. Мак тоже подалась назад, поближе к нам. Только Роза стояла неподвижно. *Шевелись, Роза. Шевелись, черт возьми!* Как бы убрать ее от него? Как ни раздражала она меня иногда, но мысль о том, что с ней может что-то случиться, невыносима. Со временем Роза стала для меня родной – вроде старшей сестры.

– Клевер, – прошептала Роза и покачала головой. Руки у нее дрожали.

Он улыбнулся ей.

– Ты понимаешь, что нас нельзя разлучить. Я не могу жить без тебя, ты не можешь жить без меня. Будет небольно, обещаю, – повторил он и сделал шаг к Розе. Она не пошевелилась. Черт, она даже не попытается его остановить. Мысленно я прокрутила в голове все, что будет дальше: Клевер заколет Розу, и она упадет на пол. Этого нельзя допустить. Я рванулась, схватила Розу за руку и оттащила ее назад.

Клевер понял, что я не собираюсь сдаваться без боя, и в гневе уставился на меня. Если уж умирать здесь, то только так: пытаюсь вырваться на волю вместе с Розой, Мак и Фиалкой.

– Клевер, пожалуйста, не надо. Мы найдем другой способ. Никто нам ничего не сделает, если мы скажем, что мы – семья и находимся здесь по собственной воле, – Мак попыталась остановить его словами.

– Не проси меня, Мак! – закричал он и отскочил назад. Дверь не заперта, все мы можем выбраться из подвала. Я все время помнила об этом. Он тяжело и неровно дышал. Так же он дышит, когда убивает. Я оглядела подвал в поисках хоть чего-нибудь, чем можно его ударить, оглушить на время, которого нам бы хватило, чтобы выбраться. Ничего!

Он вдруг сделал выпад и схватил стоящую позади меня Фиалку. Мысленно вскрикнув, я попыталась оттащить ее назад, но он ударил ее о стену и занес над нею нож. Мак и Фиалка закричали так громко, что их вопли еще долго звенели у меня в ушах. Клевер что-то напевал, я не могла разобрать, что именно. Все произошло так быстро, что я не могла бы остановить его. Фиалка пыталась схватить его за руку, но он вонзил нож ей в живот, и она упала на пол.

– Нет! – закричала Мак.

Я бросилась к Фиалке и попыталась осмотреть рану. Она поверхностная или нож вошел слишком глубоко? В глазах у меня все расплывалось. Я попыталась проглотить комок в горле, но не смогла и разрыдалась.

Посмотрев вверх, я ахнула. Клевер очень быстро ударил ножом в бок Мак. Она покачнулась, одной рукой ухватилась за стену, другую прижала к ране. Кровь текла у нее из-под пальцев. Фиалка стала часто дышать. Казалось, она боится. Боится умереть.

Вскочив на ноги, я схватила за руку Розу и потащила за собой. Мы бежали к столу, находящемуся на пути к лестнице. Краем глаза я заметила, что Мак с перекошенным от боли лицом ковыляет вслед за нами. Слезы струились по ее испуганному лицу. Я быстро смахнула слезы со щек и посмотрела на Клевера. В нем не осталось ничего человеческого.

Я не хотела оставлять девушек, но надо было что-то делать, иначе мы все погибли бы. Если бы я могла попасть в дом, я бы нашла что-нибудь, чем можно его остановить. Выражение его лица смягчилось, и он улыбнулся.

– Все будет хорошо. Не бойтесь. Мы сделаем это вместе, как семья.

– Никакая мы не семья, ты, ублюдок! – закричала я. *Что я наделала?* Значит, делать вид, будто мы все заодно, труднее, чем я думала. Он повернулся лицом ко мне, и я поняла: пока он занят мной, Роза может подняться по лестнице.

– Беги, – прошептала я, так чтобы он не услышал. *Беги, Роза!*

Он медленно обходил стол. Я стояла на месте, собираясь ударить его ногой в пах, когда он подойдет поближе. Генри учил меня обороняться на случай, если начнут приставать парни.

– Бей сильно, доведи удар и не останавливаясь, – так говорил брат, и на этот раз я собиралась последовать его совету.

Клевер подходил ко мне. Я никогда раньше не дралась и понимала, что с первого раза у меня вряд ли получится хорошо, но я чувствовала в себе силу. Меня переполняла ненависть, сочилась из всех пор. Я решительно стиснула зубы. Он замахнулся, чтобы меня ударить. Я затаила дыхание и, выставив вперед руку, заблокировала удар.

Удивительно, что это у меня получилось, но злорадствовать не было времени. Представив, что он сделает со мной и другими девушками, я изо всей силы ударила его кулаком в лицо.

Я сильно ушиблась, вскрикнула от боли и отпрыгнула назад. Клевер пошатнулся и поднял руки, чтобы не потерять равновесия. Терять было нечего. Я знала, что, скорее всего, сейчас умру. Но пусть это будет так – в борьбе. Я должна показать ему, что не хотела быть с ним. Пусть знает, какой он мерзавец.

– Ах ты, сучка, – проговорил он изменившимся от злобы голосом. Я глубоко вздохнула, приняла удобную позу, как учил меня Генри, и изо всех сил ударила его ногой.

Кровь разносила по телу адреналин. Я хотела ударить еще раз, но Роза схватила меня и потащила назад. *Черт, нет!* Зачем она меня останавливает? Почему не убежала, когда у нее была возможность? Расширившимися глазами я увидела его занесенный кулак и тут же получила удар в лицо.

Все расплылось, я часто заморгала. Он толкнул меня, я отлетела назад, ударилась головой о стену и упала на пол. Все погрузилось в туман, я ничего не видела. Не обращая внимания на пульсирующую в голове боль, я протерла глаза. *Где он? Где остальные?*

Приподнявшись, я сощурила глаза, пытаюсь разглядеть, что происходит. Мне казалось, я падаю. Падаю медленно и свободно. Слышались голоса, громкие крики, но я ничего не могла разобрать. Единственное, что я чувствовала, – привычный запах лимона. Но и он постепенно слабел.

Все вокруг плыло, боль утихала. Внезапно среди общего гула я различила громкий стук, а следом – глухие удары. Кто-то еще есть в подвале. Я легла на пол и попыталась рассмотреть вошедших, но темнота стучалась, и я ничего не видела. Не было никаких сил, хотелось только одного – спать. Глаза закрылись сами собой. И вдруг я почувствовала, что меня пытаются передвинуть.

– Не отключайся, Саммер. Все будет хорошо. Только не отключайся. –

Саммер?

Боль прекратилась. Осталось только движение. Меня несут? Несет кто-то, назвавший по имени – Саммер. Это мне снится?

Я упала еще глубже, и наступила темнота.

Вторник, 3 марта (настоящее время)

Я подъехал к отелю и потер глаза. Последние несколько дней я ездил по селам, проверяя сообщения о том, что Саммер будто бы там видели. Полицейские, конечно, тоже проверяли, но чем дольше мы искали, тем меньше я на них надеялся. С исчезновения Саммер – уже семь месяцев – я жил в полной неопределенности. И уже не мог больше жить, пока не узнаю, что случилось.

Кто-то же должен знать, где она.

Я зевнул и вышел из машины. Лондон большой, найти девушку в нем невозможно, я сомневался, что Саммер здесь, но рисковать, не поискав ее и здесь, нельзя.

Полицейский розыск прекратился: людей, занимающихся им, становилось все меньше. Сейчас поиск финансировался за счет пожертвований и силами добровольцев. Это означало, что надо найти работу, пусть не на полный день, потому что нужны деньги.

По счастью, за проникновение в дом Колина я просидел в тюрьме всего один вечер – это, видимо, должно было стать мне уроком, в личное дело записи не занесли. А что если я не найду работу и нечем будет финансировать поиски? Об этом не даже хотелось думать. Тогда получится, что я подвел Саммер.

Но одно хорошее последствие моего ареста все же было: Майкл пообещал допросить Колина. Так этот мерзавец попал в поле зрения полиции. Было в нем что-то определенно зловещее. Что бы он ни скрывал, это должно выясниться – теперь это стало лишь вопросом времени.

В кармане у меня завибрировал и зазвонил телефон.

– Алло.

– Льюис, полиция получила ордер на обыск. Скоро будут у него, – сказал Дэниел.

– Что? – *Наконец-то!* – Как удалось его получить?

– У Колина обнаружили коробку с разными зарядными устройствами для телефонов и с женской одеждой. Он куда-то шел со всем этим. По счастью, его тут же допросили.

– У него было зарядное устройство для телефона Саммер? – шепотом спросил я.

– Не знаю. Они не говорят.

Я вздохнул и ущипнул себя за переносицу. Начинала болеть голова.

– Хорошо. Как только узнаете что-нибудь новое, что угодно – звоните в ту же секунду.

– Конечно, позвоню.

– Спасибо, – сказал я и нажал отбой. Если они ничего не нашли, то я понятия не имею, что делать дальше. Проверять сообщения о том, что ее где-то видели? Все они ни к чему не вели.

– Здравствуйте, – сказала девушка на ресепшен гостиницы. – Хотите у нас остановиться?

Я задумался. Остановиться здесь и искать или вернуться домой?

– Нет, извините, – я махнул ей рукой и побежал к автостоянке. Предстояла долгая дорога домой, где, возможно, нет никаких новостей. Но все же на всякий случай мне надо быть там.

При мысли, что я снова увижу ее, сердце начинало бешено колотиться. Я боялся надеяться. Если ее и сейчас не найдут, я этого не вынесу. *Пожалуйста, будь цела и невредима, милая. Я еду.* Тео говорил, что я придаю слишком большое значение странностям Колина. Так оно и есть, но ведь, кроме него, других подозреваемых нет.

Я попытался вставить ключ в замок зажигания, но руки так тряслись, что это удалось только с третьей попытки. *Черт! Ну же!* Наконец я завел автомобиль и поехал домой. Чертова машина еле ползла. Вообще не надо было уезжать из Лонг-Торпа. Я повел себя как дурак.

Снова зазвонил телефон, и снова сердце бешено заколотилось.

– Льюис, – голос Дэниела звучал взволнованно. Казалось даже, что он плачет.

– Да, – прошептал я и сделал глубокий вдох.

Земной шар прекратил вращение.

– Ее... нашли. Нашли. Она у них, – он несколько раз повторил одно и то же, видимо, не веря собственным словам.

– Что? Как это было? Где она? Она цела? – спрашивал я. Ее нашли!

– В его доме, в подвале. Она жива, Льюис, – он замолчал и всхлипнул. – Саммер жива.

Это сон? Все вокруг меня поплыло. Голос Дэниела казался совсем далеким. Я представлял себе это мгновение миллион раз, и тогда все казалось таким же нереальным, как сейчас. Глаза наполнились слезами, я не видел дорогу перед собой.

– Где она?

– В больнице. Мы сейчас едем туда. У нее сотрясение мозга, но она в сознании. В сознании. Была потасовка, ей досталось. Мне надо идти, мы приехали, надо быть с ней. Приезжай как можно скорее.

– Пока, – пробормотал я и разъединился. Слова Дэниела звучали у меня в голове. *Она в сознании*. Последние семь месяцев я только этого и ждал. А теперь я в Лондоне, в нескольких часах езды от Лонг-Торпа. В отчаянии я ударил по рулю. Я ненавижу себя за то, что сейчас нахожусь не дома.

– Черт!

Была потасовка, Саммер в больнице. Насколько серьезно она ранена? Сотрясение мозга. Насколько серьезное? Она *должна* быть в порядке. Не могли же мы больше полугода жить в аду только затем, чтобы она умерла. Она нужна мне.

Меня одолевало чувство вины, я хотел быть с нею. Если она не спит, то спрашивает ли обо мне? А вдруг она ненавидит меня за то, что не нашел ее раньше? Я обещал, что буду заботиться о ней. Я глубоко вдохнул и сделал долгий выдох: не мог понять, в состоянии ли владеть собой. Она цела. Я моргнул и почувствовал, как по щекам катятся слезы. Теперь все будет хорошо. Она жива, и я сделаю все возможное, чтобы исправить ситуацию. Меня переполняли эмоции, я даже не мог понять, какие. Облегчение. Страх. Счастье. Злость. Исступление. Вина.

Держа руль одной рукой, другой я утер слезы. Что бы ни случилось с ней за эти семь месяцев, все это пустяки, потому что теперь она дома. И я вдавил педаль газа до упора.

* * *

– Где она? – спросил я у Тео с порога больницы.

– Сюда, – ответил он и побежал рядом со мной.

– Ты ее видел?

– Нет.

– А кто-нибудь видел? Она цела, да?

– Она сейчас не спит. С ней Дэниел и Дон. Льюис, Генри хочет поговорить с тобой до того, как ты зайдешь к ней.

– Что? – я покачал головой. Какого черта? Я не хочу болтать с Генри. Я хочу видеть Саммер. – Я не буду его ждать.

– Он ждет тебя перед ее палатой, и тебе нужно поговорить сначала с

ним.

Почему? Что это значит? Саммер сердится на меня? Мы повернули за угол и подошли к ее палате. Пахло чистотой и лекарствами: характерный больничный запах. У двери стоял Генри, и сердце у меня остановилось. От Саммер меня отделяла всего лишь одна стена.

– Льюис, – сказал Генри, подошел ко мне и поднял руки. – Подожди, старик, нам надо поговорить.

Я вздохнул.

– О чем? Я просто хочу войти и увидеть ее. Она цела? Разве она не хочет меня видеть?

– Пойдем, посидим в кафе, я все объясню.

– Генри, я не хочу сидеть в кафе.

– Хорошо, тогда давай в коридоре. – *В коридоре?* Он говорил так, будто хочет подраться или что-нибудь в таком роде. – Льюис, пожалуйста. Ради нее. Прежде чем ты туда войдешь, ты должен понять, что случилось. Она... сама не своя.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Подожди, и я тебе расскажу.

Я посмотрел на дверь. Она всего в нескольких метрах, но я не могу подойти к ней. Я вздохнул.

– Хорошо. Ладно. – Мы отошли от двери. Тео зашел в помещение напротив палаты Саммер, наверное, в комнату для посетителей.

– Так что? – спросил я, когда за нами закрылась дверь этой комнаты.

– Она изменилась, – Генри нахмурился. – Она как будто не совсем узнает нас. Отвечает не всегда адекватно. Только спрашивает о Розе, Маке и Фиалке.

– Что? – я нахмурился. – Она хочет цветы?

Генри посмотрел в пол.

– Нет. Это три другие девушки, с которыми ее держали в подвале. – У меня челюсть отвисла. – Она говорит, что ее зовут Лилия.

Что? Чепуха какая-то. Это не укладывалось у меня в голове. Почему она называет себя Лилией?

– Слушай, мы пока не все знаем. Еще не все известно, но, похоже, этот Браун, или Клевер, поменял им имена.

– Я... – качая головой, я пытался понять услышанное. – Клевер? Какого черта? Я не...

– Я тоже не понимаю. Слушай, она сама не своя, так что на многое не рассчитывай. Надо помочь ей выкарабкаться из этого состояния, помочь вспомнить, кто она такая.

Она забыла, кто она? Что, черт возьми, он с ней такое сделал?

– Я хочу видеть ее. Сейчас же.

Я помогу ей вспомнить. Надо только ее увидеть, обнять, почувствовать ее запах. Я хотел обнять ее, и мне казалось, что от этого, как по волшебству, все сразу станет хорошо.

Мы остановились у ее двери, сердце у меня забилося.

Пятница, 4 марта (настоящее время)

Тело казалось тяжелым, будто оно бетонное. В голове пульсировала боль. Я попыталась открыть глаза, но веки не поднимались. Как будто склеились. Что происходит вокруг? Меня окутывал темный туман, и я спокойно плыла по нему, погружаясь в сон.

Я проснулась снова в темноте и не могла пошевелиться. *Открой глаза. Сосредоточься на том, чтобы открыть глаза.* Вокруг звучали незнакомые голоса, и я постепенно начала понимать, что они говорят.

– Она крепкая. Поправится.

Это обо мне? Я не чувствовала себя крепкой.

– Я уж думал, мы ее потеряли.

Чей же это голос? Отца? Неужели это он? Что произошло? Постепенно окружающее стало обретать смысл. Я почувствовала больничный запах – не лимонный, странные, но такие знакомые голоса родителей. Я не в тюрьме, устроенной Клевером, а в больнице. Но как я сюда попала?

Я прогнала мысли обо всем остальном. Все остальное пойму потом. Сейчас надо сосредоточиться на том, чтобы проснуться. Тело не желало меня слушаться, но наконец мне на секунду удалось приоткрыть глаза. На краткий миг появился яркий белый свет, и снова все погрузилось в черноту.

В комнате шумело море голосов. Эти люди... они видят что-нибудь?

– Саммер, Саммер.

– Открой глаза! – закричала я на себя и попробовала еще раз. На этот раз глаза не закрылись, но силы у меня иссякли. Я поморщилась от яркого света. Очертания комнаты расплывались, но постепенно все обрело резкость.

– Саммер, дорогая, – мамин голос звучал очень странно. Я помнила его, но узнала не сразу. Мама всхлипывала, я пыталась улыбнуться, чтобы утешить ее. Свобода так же напоминала сон, как и неволя в первые дни пребывания в подвале. – Милая, как ты себя чувствуешь?

Я не могла говорить – на это у меня не хватало сил, – но старательно кивала.

– Я позову врача, – сказал Генри. Я не видела брата, который так меня

доставал, но его голос помнила отлично. Я слабо улыбнулась.

– Ну, вот тебе уже и лучше, – мама погладила меня по волосам. Я слегка повернула голову, чтобы лучше ее видеть. За эти почти восемь месяцев она постарела как будто на восемь лет. Волосы седые, под глазами большие темные круги. Это из-за меня?

Незнакомая женщина в светло-голубой форме медсестры посмотрела на меня и улыбнулась как своей дочери.

– Здравствуй, Саммер. Меня зовут Тара. Как себя чувствуешь? – Я открыла рот, но смогла произнести только что-то бессвязное. В горле пересохло, как будто я наглоталась песка. Я пожала плечами. Тара улыбнулась. – Болит что-нибудь? – Я кивнула. Болело все, но больше всего – голова. – Ладно. Сейчас принесу обезболивающее. Вода на тумбочке.

– Я сейчас, – сказал отец. Я улыбнулась. Он, конечно, хочет сделать что-нибудь полезное.

Медсестра кивнула.

– Пойду, принесу что-нибудь от боли и позову врача, чтобы ее осмотрел.

– Спасибо, – сказала мама, взяв меня за руку. – Саммер, милая... – Она замолчала и вытерла струившиеся по лицу слезы. Я поморгала, потому что окружающее вдруг снова стало расплываться. В голове стучал пульс, хотелось спать.

Отец налил мне воды в чашку и поставил в нее соломинку. *Кто я такая?* Я открыла рот. Вода была прохладной. Я выпила почти всю чашку, и ощущение сухости в горле прошло.

– Как дела? – в палату вошла еще одна медсестра. В руке у нее был шприц – обезболивающее. Я с облегчением вздохнула. *Давай!* – Саммер, меня зовут Брианна. Не беспокойся. Я не буду тебе что-то делать. Лекарства будут вводиться внутривенно. – Она вставила иголку в трубочку, и ничего не произошло. Долго ли надо ждать, пока это лекарство подействует? – Скоро придет доктор. Вызовите меня, если что-то будет нужно. – Она вышла из палаты, и мы снова остались одни.

Обрывки событий проплывали у меня в сознании, но я не могла упорядочить их. Где Роза, Мак и Фиалка?

– Что... было? – спросила я.

Мама, отец и Генри приблизились ко мне, сели на край кровати. Он маячили надо мной, и я стала беспокойно ерзать. Почему я беспокоюсь, ведь это мои близкие?!

– Ты что-нибудь помнишь, милая? – спросил отец.

– Помню Клевера. Он напал на Фиалку, на всех нас. Где они?

– Остальные девушки? – спросила мама. Голос был тихий, как будто она думала, что я стеклянная и от громкого звука могу разбиться. Отец и Генри снова приблизились.

Сердце у меня остановилось. Где девушки?

– Мне надо их увидеть. Вы можете их найти?

– Саммер, успокойся.

– Где сестра? – я приподнялась, и в голове запульсировала боль. Я застонала и, морщась, опустилась на подушку.

– Найдите их, пожалуйста, – прошептала я, и мои глаза наполнились слезами.

– Милая, успокойся, – проговорила мама. Они переглянулись с отцом, и я не поняла, что это означает. – Сейчас папа сходит и узнает, что с ними.

Кто-то постучал в дверь, и вошла женщина. Не медсестра. Она была в черных брюках и облегающей черной рубашке, на шее – карточка с именем.

– Здравствуй, Саммер. Меня зовут Сесилия. Как себя чувствуешь?

– Где они? – спросила я.

Сесилия улыбнулась. Она знает о них. Наверно, ухаживает за ними.

– Я только что видела Мак, она встает и уже ходит. И Фиалка с нею. Состояние Фиалки критическое, но стабильное.

Я вздохнула. Критическое. Это плохо. В самом деле плохо.

– А Роза? – прошептала я.

– Физически – хорошо.

У меня в глазах появились слезы. Конечно, ей не хватает его.

– Мне надо повидать их.

– Вот почувствуешь себя лучше, и я это устрою.

– Я хорошо себя чувствую. Пожалуйста.

Сесилия покачала головой.

– Извини. Отдохни немного, и тогда я посмотрю, можно ли тебе повидать Фиалку.

Настоящим именем Сесилия называла только меня, но не девушек. Неужели Мак не сообщила их настоящих имен? Мне почти хотелось, чтобы меня называли Лилией – чтобы снова стать такой же, как они. Почти восемь месяцев я видела только Мак, Розу и Фиалку и теперь, без них, чувствовала себя уязвимой. Саммер – мне казалось, что так меня звали давным-давно, в другой жизни. Но я не хотела носить имя, которое дал мне он. Не хотела иметь с ним ничего общего. Только с девушками.

– Он в тюрьме?

Сесилия посмотрела на моих родителей.

– Не могу сказать, Саммер. Спроси у родителей. – Она перевернула мою диаграмму и что-то написала на ней. Осмотрев меня, выпрямилась. – Так, через некоторое время я снова к тебе загляну, и мы обстоятельно побеседуем. Когда будешь лучше себя чувствовать. – Сесилия – явно не сестра.

– Есть хочешь? – спросила мама, когда Сесилия вышла из палаты.

– Нет. Где он?

– Его забрали полицейские, – ответил отец. – Ты теперь в безопасности, Саммер. Он больше не причинит тебе вреда.

Всякий раз, когда ко мне обращались «Саммер», я ожидала, что ответит кто-то другой. Как будто обращаются не ко мне. Я не чувствовала себя Саммер. Я испытывала такое же странное ощущение, как в первые дни в подвале, когда меня называли Лилией.

Дверь открылась, и я вздрогнула. Находиться вне подвала, в реальном мире было странно. Почти страшно. Мне хотелось, чтобы родители и Генри ушли, но они не уходили. Нет, я не искала одиночества. Просто было неловко оттого, что на меня постоянно смотрят, – я казалась себе участницей реалити-шоу.

– Саммер, – Генри помахивал рукой у меня перед лицом. – Как ты? Я пытаюсь до тебя докричаться последние минуты две.

Я нахмурилась. В самом деле?

– Хм. Что?

Он улыбнулся и сел на край кровати.

– Сюда едет Льюис. – Льюис. Сердце у меня запрыгало, в груди что-то затрепетало. Он едет сюда, сейчас. – Хм, – сказал Генри, нахмурившись. – Хочешь его увидеть?

Хочу ли я? Последние семь с половиной месяцев я только этого и ждала. Но теперь, когда это стало возможным, я не могла понять, что чувствую и чего хочу. Не в том дело, что он будет смотреть на меня, как все остальные. Просто мне не надо жалости, особенно его. Только бы оказаться рядом с Розой, Мак и Фиалкой. И почувствовать себя в безопасности.

– Где они? – спросила я.

– Кто?

– Роза, Мак и Фиалка.

– Не знаю, Сам. Но Льюис едет сюда, – повторил Генри и посмотрел на меня как на сумасшедшую.

Мама села на кровать напротив Генри и взяла меня за руку. Я вырвала руку и стала играть с пальцами. Прикосновение мамы показалось мне незнакомым.

– Милая.

Я пожевала губу и постаралась понять, чего хочу. Все запуталось и потеряло смысл. Я ничего не чувствовала.

– Не могли бы вы все уйти? Пожалуйста.

– Что? В чем дело, милая? – спросил отец.

– Просто уйдите, – прошептала я и закрыла глаза рукой. Хотелось свернуться клубком и заснуть.

* * *

Меня оставили одну на целых двенадцать минут. Генри пока не вернулся, а родители сейчас сидели на стульях у стены, – все остальное пространство палаты было в моем распоряжении. Они сказали, что не уйдут, но будут молчать, это ведь почти то же самое. Мне этого было недостаточно. Я не хотела, чтобы они сидели в палате. Чувствовала себя виноватой всякий раз, как они смотрели на меня с грустью и замешательством, потому что совершенно потерялась. Хорошо, что хоть Генри, не умолкая, болтал о пустяках.

Дверь открылась, и, даже не глядя, я уже знала, что это Льюис. Все изменилось. Атмосфера сгустилась. Сердце у меня учащенно забилося. Родители подались вперед, Генри подошел к моей кровати и оглянулся на дверь. Чего они ждут? Уж не думают ли, что у Льюиса есть волшебное лекарство, которое исцеляет от всего? Если бы! Но теперь я уже не такая наивная.

Он здесь. Я затаила дыхание, мир остановился. Я не чувствовала радостного возбуждения – только напряжение, смятение и страх. Казалось, из комнаты откачали воздух и трудно дышать.

Никто из нас не проронил ни слова. Я не поднимала глаз. Больно находиться с ними в одной комнате. Вот он идет сюда, его шаги все громче. Решетка кровати опустилась, и я краем глаза увидела ногу Льюиса. Вдохнув, я подняла глаза и увидела родителей в дверях. Так нам, значит, не дадут поговорить наедине.

Я повернула голову, увидела Льюиса и затаила дыхание. Все это время я отлично помнила его лицо – вплоть до крошечного шрама под бровью.

– Саммер, – прошептал он. Я закрыла глаза. Он произнес это имя, и его глаза сияли именно так, как я представляла себе сотни раз в подвале. Мое имя вдруг перестало казаться мне чужим.

Его прекрасные зеленые глаза заглянули мне в душу, и я показалась

себе невесомой. Он смотрел на меня по-прежнему, как раньше. Неужели он действительно ждал меня? Так хотелось в это верить, но семь с половиной месяцев – долгий срок. Сколько же времени он считал меня умершей? Может, у него уже новая любовь? Да, он искал меня, но значит ли это, что я нужна ему теперь?

Столько вопросов, но, казалось, я не смогу задать ни одного. Он открыл и потом закрыл рот, и так несколько раз. Наверно, тоже не может подобрать нужных слов. Так же потерян, как я. Я всегда думала, что наша встреча будет романтической: спасенная девушка бросается в объятия своего парня, и они целуются.

– Лилия, – я услышала голос Мак и рванулась вперед. Она боязливо огляделась по сторонам, стараясь не встречаться взглядом с остальными в палате. Я сбросила с ног тонкое одеяло и встала с постели. Голова закружилась, я пошатнулась.

Льюис ахнул.

– Саммер! – Мама засуетилась, и мне велели лечь. Не обращая внимания на требования близких, я бросилась в распростертые объятия Мак. Она заплакала. Как же я хочу домой! Не в подвал, но куда-нибудь вместе с Розой, Мак и Фиалкой. Без них я не чувствую себя в безопасности.

– Как ты? – Я оглядела ее с ног до головы. Он же ударил ее ножом!

Она кивнула.

– Хорошо. Рана оказалась неглубокой. Фиалка... – Мак всхлипнула.

Что?

– Что Фиалка? Ты же была с ней. Мне так сказали. С ней все нормально? – Мак, всхлипывая у меня на плече, покачала головой. *Нет.* – Но... не может же быть, что она... – Фиалка умерла. Клевер убил ее.

Я, дрожа, повисла на Мак. Как же это больно. После всего пережитого Фиалка все-таки умерла. Я разрыдалась. Почему все не могло закончиться иначе?

– А Роза? Где Роза? – всхлипывая, спрашивала я. Как же она без нас?

– Она в больнице, но меня к ней не пускают.

Я вытирала слезы, но бесполезно: щеки сразу становились мокрыми от новых.

– Я хочу ее видеть.

– Саммер, остановись, – Генри схватил меня за руку. Я вырвала ее и сделала шаг назад. – Тебе надо лечь.

Я отвернулась. Брат казался мне совершенно чужим.

– Ты знаешь, где она? – спросила я Мак.

Она покачала головой.

– Нет. Я спрашивала миллион раз, но мне никто ничего не говорит.

Тут дверь открылась, и в палату вошла Сесилия.

– Мак, тебе нельзя находиться здесь, – Сесилия покачала головой. – А тебе нельзя вставать, Саммер.

– Лилия, – поправила я ее и замерла. Лилия? Я содрогнулась от потрясения. Что? *Нет*. Я легла в постель. Почему я так сказала?

– Вы не могли бы выяснить, где Роза? – глаза у меня снова наполнились слезами. – Пожалуйста!

Сесилия кивнула.

– Постараюсь. Мак, а ты иди к себе в палату. Обещаю, что разрешу тебе потом провести Саммер.

Почему они не называют Мак Беккой? Неужели никто не приходил к ней и не сообщил медикам ее настоящее имя? Я была уверена, что теперь, после выхода из подвала, ее семья обязательно объявится. Мак ушла, я осталась одна. Вернее, не совсем одна.

Краем глаза я видела Льюиса, он смотрел так, будто я сошла с ума. Наверное, он прав, я уже не могла ничего понять. Хочу ли я говорить с Льюисом? Да, но не знаю, как. Что я могу ему сказать? За эти семь с половиной месяцев многое в его жизни, должно быть, изменилось. Мы, строго говоря, не разрывали отношений, и я не представляю, кто мы теперь друг для друга. Чего я хочу? Быть с ним вместе. Определенно хочу быть вместе, но не понимаю, как это возможно. Я уже не та Саммер, которую полюбил Льюис. Мне нечего ему предложить.

Глаза у меня защипало. *Он здесь, со мной*. Захотелось броситься к нему, но было страшно.

– Не дадите нам минутку? Пожалуйста, – попросила я, опустив глаза. Родители и Генри должны понять, что я прошу оставить меня наедине с Льюисом. Они вышли из палаты, а Льюис пересел на краешек кровати и повернулся ко мне лицом. Теперь придется посмотреть на него. Смотреть куда-то еще уже невозможно. *Это же Льюис. Почему я так боюсь?*

– Сам, – прошептал он. В произнесенном им имени я не услышала ничего неправильного. Оно имело значение, и я вспомнила все случаи, когда он обращался так ко мне прежде. – Посмотри на меня, милая.

Мне стало нечем дышать. *Милая*. Едва дыша, я взглянула на Льюиса. Он смотрел на меня с любовью. В его глазах я снова увидела свое будущее. Это осталось прежним. Сердце у меня затрепетало, и я снова почувствовала себя живой.

Атмосфера в палате изменилась – наполнилась воздухом и светом. Все эти семь с половиной месяцев я так скучала по Льюису, не проходило и

дня, чтобы я не думала о нем. Я слышала, что истинную любовь двое осознают лишь после серьезного испытания. Можно ли считать, что мы пережили такое испытание? Я любила Льюиса, как раньше, и мне казалось, что он тоже любит меня. Но я не настолько наивна, чтобы думать, что мы с Льюисом будем счастливо жить до конца своих дней. Так счастливо кончаются только волшебные сказки. И все же я надеялась, что со временем все встанет на свои места.

Уголки губ у Льюиса медленно приподнялись, и он улыбнулся своей очаровательной улыбкой. Как давно я ее не видела.

– Привет, – прошептал он.

Я тоже улыбнулась.

– Привет. – Получилось немного неловко. Вот уж неловкости я с ним прежде никогда не испытывала. Ведь мы знали друг друга, еще когда не были вместе.

Мы снова замолчали. Я мяла мягкую ткань больничного халата. *Пожалуйста, скажи что-нибудь получше, чем «привет»!* Неужели так и будет теперь? Может быть, нам снова придется привыкать друг к другу. Конечно, я стала другой. И не знаю, стану ли когда-нибудь прежней.

– Как поживаешь? – Льюис нахмурился и покачал головой, как бы осуждая себя за эти слова. *Да, Льюис, глупый вопрос.*

– Хорошо, – ответила я, и он поднял брови. – О чем ты на самом деле хочешь меня спросить?

Он прикусил губу и вздохнул.

– Сам, у меня миллион вопросов, и мне так много надо тебе сказать, но я не нахожу слов, – он подался вперед, и сердце у меня запрыгало. *Что он делает?* – А теперь я хочу тебя просто обнять. Я так по тебе скучал.

Я, сидя в кровати, подвинулась вперед, давая ему разрешение. Он обнял меня, привлек к груди, запустил пальцы мне в волосы, и мои глаза снова наполнились слезами. Весь ужас, сердечная боль и страх последних месяцев излились в слезах. Я всхлипывала, пока не заболело горло.

Льюис держал меня в объятиях, время от времени целуя в шею.

– Все хорошо, милая. Теперь ты в безопасности. Я так тебя люблю. – Ему было неудобно сидеть, согнувшись, но он не сдвинулся ни на миллиметр. Я чувствовала его вздрагивания и понимала, что он тоже плачет. Но Льюис же никогда раньше не плакал. Во всяком случае, я никогда не видела, чтобы он плакал.

Я хотела утешить его, попросить, чтобы он перестал плакать, но сама не могла остановиться. Я испытывала невероятное облегчение – это чувство переполняло меня. Льюис действительно рядом, и я не сплю. Не

знаю, сколько мы так просидели, обнявшись, но мне показалось, несколько часов. Меня окружал его запах, я была дома.

Когда он наконец меня отпустил, я упала на подушку в изнеможении. Я еще ничего не сделала, а уже устала.

– Извини, тебе надо отдохнуть, – он покрыл меня одеялом. Потом посмотрел на меня, стараясь запомнить каждый сантиметр моего лица. Выглядела я наверняка ужасно: вся в синяках и порезах. Слишком остро ощущая его пристальный взгляд, я опустила глаза и посмотрела на одеяло. Я чувствовала себя очень ранимой. Возможно, потому, что я все Льюису рассказывала, он лучше, чем кто бы то ни было, умел читать по моему лицу. Его не обманешь.

Я прикусила губу и стала играть с пальцами.

– Ты уходишь?

Он покачал головой.

– Никуда не уйду. И больше никогда не уйду.

Я усмехнулась и закрыла глаза.

– Прилипала. – Его тихий смех наполнил палату, он взял меня за руку и прижался губами к костяшкам пальцев. Засыпая, я улыбалась.

Суббота, 26 марта (настоящее время)

Я опустилась на колени и положила ромашки на могилу Лейел, а Бекка – большой букет красных роз на могилу Розы. Она любила розы. Мак – Бекка – и я, выйдя из больницы, называли друг друга истинными именами, но это было так непривычно.

Мне очень не хватало Розы и Лейел. Они стали моими близкими, и каждое утро, просыпаясь, я по-прежнему думала, что вот сейчас увижу их. Я чувствовала себя очень виноватой перед Розой, но не понимала, что еще могла для нее сделать. Она слишком долго пробыла в подвале и уже не могла жить вне его. Всякий раз, вспоминая день воссоединения с близкими, я ненавидела себя: обо мне заботились, а она была одна, воровала лекарства и в конце концов приняла слишком большую дозу.

– Простите, – шептала я им обеим. Простите, что не смогла помочь Розе, простите, что не защитила Фиалку от Клевера.

Бекка схватила меня за руку.

– Это не твоя вина, Саммер. – Она права, но я все равно чувствовала себя ужасно. Видимо, именно это и называют виной уцелевших. Они умерли, а я сумела остаться в живых. – Надо идти. Ты должна скоро быть дома.

Я кивнула. Со времени возвращения мои близкие следили за каждым моим шагом и не выпускали меня из дома без сопровождающих.

– Я скоро вернусь, – пообещала я Розе и Фиалке. Мы с Мак пошли к дороге. – Так ты точно придешь сегодня?

Бекка кивнула.

– Да, к половине седьмого.

– Умница.

Она взяла меня под руку. В последние десять дней мы почти все время проводили вместе. Она познакомилась и подружилась с моими близкими, а я – с ее. Случившееся объединило нас всех. Бекка и Генри сближались, и мне казалось, недалек тот день, когда они будут вместе, если Бекка преодолеет свои комплексы: ей кажется, что она недостаточно хороша для него. Я желала ей добра от всей души, хоть мне было и не по себе от

мысли, что у нее отношения с моим братом. Она заслужила счастье. Надо не забыть и сказать Генри, чтобы купил ей коттедж: тогда она сможет жить той жизнью, о какой мечтала.

Машины Льюиса и брата Бекки стояли рядом. Мы вышли на автостоянку. Увидев нас, Льюис выпрыгнул из машины. Тревога оставила след на его лице. Удивительно, что он не поседел.

– Все нормально? – спросил он.

– Да. Хочу вернуться домой и отдохнуть, – я опустилась на пассажирское сиденье. Он обиженно нахмурился: я села в машину, а не подошла сначала к нему. *Прислушивайся к себе.* После Клевера я казалась себе недостойной Льюиса и считала, что он остается со мной только из жалости. Он все знает, как же он может по-прежнему хотеть меня? Он любит прежнюю Саммер, но я другая. Он все поймет, это лишь вопрос времени.

Льюис сел в машину и повернулся ко мне. Брат Бекки выехал со стоянки, и я проследила взглядом, как машина скрылась за поворотом.

– Люблю тебя, – прошептал Льюис, глядя мне прямо в глаза. Я не сомневалась в этом, но то была любовь не ко мне.

– Я тоже тебя люблю, Льюис.

– Но?

– Никаких «но».

Он поднял брови.

– Я знаю тебя, Саммер. Ты что-то скрываешь.

Я вздохнула.

– Льюис, может, забудем это и поедem домой? Пожалуйста. – Мы пристально смотрели друг на друга. Я не собиралась отступать. Не хотела думать, что почувствую, если мои опасения подтвердятся. – Сегодня к нам заедет Бекка.

– Хорошо. Как, по-твоему, скоро мы сможем провести вечер вдвоем? – Я замерла. Вдвоем... чтобы что? – Я ни на что не рассчитываю, – воскликнул Льюис и нахмурился. – Саммер, тебе никогда не придется делать со мной то, чего ты не хочешь. Я ничего не жду от тебя. Черт, так и хочется убить на хрен этого ублюдка.

Я улыбнулась.

– Ну и выражения.

Льюис тоже улыбнулся и заметно успокоился.

– Извини. Тебе не придется делать со мной ничего такого, чего ты не хочешь. И ты это знаешь.

– Да, знаю. Слушай, этот Клевер... – я замолчала, не зная, как это

сказать. Я не находила слов. – В общем, у меня не было выбора, и теперь я чувствую себя... – Грязной, использованной, презренной. Не хотелось произносить эти слова вслух, от этого прошлое стало бы более реальным. – Близость с тобой мне не противна, но я к ней не готова. И не знаю, когда буду готова и буду ли вообще.

– Саммер, послушай меня. Пожалуйста. Я тебя не тороплю. Я могу ждать, сколько понадобится. Не всякий парень подчиняется своему члену. Мне не нужен секс. Я управляю собой, и ты это знаешь.

Я улыбнулась.

– Верно. Извини. Я знаю, что управляешь. Я просто не хочу, чтобы тебе было скучно.

– Мне нисколько не скучно. Я даже не думал, что снова тебя увижу, Сам. Секс для меня – не самое главное. Пожалуйста, забудь и не беспокойся. Я никогда ничего не скажу об этом. Когда будешь готова – если будешь – мы снова об этом поговорим.

Я вздохнула. Неужели он действительно готов на это пойти?

– Ты серьезно?

– Серьезно. А теперь не хочешь ли посмотреть что-нибудь смешное или страшное? – он поменял тему разговора.

Есть ли для меня что-нибудь страшное в мире кино? Все, что пугало меня раньше, теперь казалось просто глупостью. Когда переживешь настоящий ужас, все остальное уже не кажется ужасным.

– Как скажешь.

– Может, пусть решит Генри?

Я пожала плечами.

– Да, пожалуй. – Льюис улыбнулся.

– Что?

– Ты сказала «как скажешь». Давно такого не слышал.

* * *

– Что будем смотреть? – спросил Льюис моего брата, который как раз вошел ко мне в спальню.

– «Хэллоуин», – ответил Генри и нахмурился. – Саммер... гм...

Я закатила глаза.

– Я не младенец. Смотрите что хотите.

– Но это не....

– Генри, просто поставь фильм. Не думайте, что мне чего-то смотреть

нельзя. Хорошо?

Да, мне многое пришлось пережить, но это не значит, что со мной надо обращаться так, будто я стеклянная. До похищения надо мной смеялись, потому что я боялась «ненастоящей крови и вопящих актеров». Если они хотят, чтобы я стала прежней Саммер, они должны относиться ко мне так, как всегда относились к ней.

Без лишних слов Генри поставил фильм и сел рядом со мной.

– Уже боишься? – спросил он. Фильм еще даже не начался.

Я улыбнулась, про себя поблагодарив его за то, что он ведет себя как обычно.

– Пока нет, но, когда станет страшно, я тебе скажу. Где попкорн?

Генри улыбнулся.

– Мама принесет через минуту.

Фильм начался, я ждала, надеясь, что станет страшно. Тогда я бы поняла, что во мне остается, по крайней мере, хоть сколько-то прежней Саммер. Героев фильма убивали, а я даже не вздрагивала. Эти убийства вызывали у меня не больше эмоций, чем если бы я смотрела, как мама печет пирог. Я видела слишком много убийств, чтобы они теперь произвели на меня впечатление. Неужели я ничего не почувствую, если у меня на глазах кого-то действительно убьют? Надеюсь, что не почувствую. Не хотелось снова переживать ужас, который я испытывала в тот момент, когда человека лишали жизни. Я почти полностью могла отключиться от происходящего, особенно если убивали кого-нибудь незнакомого.

– Все нормально, Сам? – спросил Генри, с улыбкой глядя на меня.

Я нахмурилась.

– Нормально. Меня это больше не пугает. – Я знала, что они будут строить рожи и жалеть меня, поэтому сосредоточилась на фильме. Когда на экране показался список действующих лиц и исполнителей, Генри выбежал из комнаты. Кажется, зря я ему сказала, что мне больше не страшно. Глупо, лучше бы я промолчала.

Льюис, глядя на меня, грустно улыбнулся. Неужели и он тоже?

– Хочу сходить сегодня на вечеринку к Итану, – сказала я, надеясь отвлечь Льюиса от занимавших его сейчас мыслей. Керри говорила мне об очень-очень маленькой вечеринке, которую устраивал ее парень, Итан. Я долго не могла решить, идти или нет. Я раньше любила тусоваться у него с друзьями. – Мне надо обсудить кое-что с Рейчел.

Льюис устало посмотрел на меня сверху вниз.

– Зачем?

Разве я только что не сказала?

– Обсудить кое-что с Рейчел.
– Это я понял, Саммер. Но все же зачем?
– Потому что она моя подруга и ей плохо. В том, что случилось со мной, нет ее вины. – Он вздрогнул и опустил глаза. Он винил себя. – Льюис, никто не виноват, кроме Клевера. Пожалуйста, прекрати самоистязание, – прошептала я и положила голову ему на плечо. – Я тебя люблю.

Он вздохнул и обнял меня.

– Я тоже тебя люблю, Сам. Просто...

– Ш-ш, пожалуйста, не надо. Ты не мог знать. Ты чувствуешь вину за то, что от тебя не зависело, и мне от этого тяжело. – Он натянуто улыбнулся и кивнул. Я знала, что на самом деле он меня не слушает. Я хотела бы сделать что-нибудь такое, чтобы он понял, что это не его вина. Надо, чтобы этот упрямец сам пришел к такому выводу. Поскорей бы: тяжело видеть его страдания.

– Так ты действительно хочешь пойти на вечеринку?

– Да. – Там будет лишь пять-шесть моих друзей, поиграют в «Героя с гитарой»^[6], никакого буйства и танцев.

– Хорошо, – медленно произнес Льюис. – Давай пойдем.

– Я пошла бы в любом случае.

Он усмехнулся, глаза у него загорелись.

– Упрямая, как всегда.

– Сам такой. Бекка тоже будет.

Он кивнул.

– Подожди. Может, пора уже готовиться? – он посмотрел на часы, и я поняла, что будет дальше. – Нам уходить всего через пять часов.

Я закатила глаза.

– Мне не надо так долго собираться, и ты это знаешь.

– Я так горжусь тобой. – Что? Откуда это? Совершенно на другую тему. – Ты так хорошо справляешься. Лучше, чем любой из нас. – *А у меня есть выбор?* Я не хотела позволить ему поломать мне жизнь. В глубине души я понимала, что справляюсь с этим даже очень хорошо. Выписываясь из больницы, я получила на листочке бумаги список хороших психотерапевтов. Сейчас я чувствовала себя нормально и радовалась этому.

– Пожалуй, приму ванну перед вечеринкой.

Льюис нахмурился.

– Давай. Все в порядке?

– Да, Льюис. – Если бы мне платили по фунту каждый раз, как он спрашивал меня, все ли в порядке, я бы уже стала миллиардером.

Он неохотно кивнул и выпустил меня из объятий. Выходя из комнаты, я посмотрела на него. Он, как обычно, казался встревоженным. Я до сих пор не могла поверить, что он искал меня день за днем.

Пока я была в подвале, он побывал в доме Клевера. Жаль, что я об этом не знала, так приятно было бы сознавать, что он рядом. Теперь это не имеет значения, потому что мы вместе, и я возвращаюсь к нормальной жизни, хотя не знаю, что будет дальше.

Я заперла дверь ванной и посмотрела в зеркало. Во мне все еще жили два человека: Лилия, пострадавшая, много претерпевшая, и Саммер – та, кем я становилась. Благодаря Клеверу, давшему мне новое имя, я отрешилась от случившегося. Сколько же еще понадобится времени, чтобы Саммер и Лилия слились воедино?

Клевер надежно заперт в психиатрической палате. Я часто думала, как он чувствует себя взаперти, напуган ли он, как была я. Надеюсь, что да. По крайней мере, ему помогут починить поехавшую «крышу». Сначала я негодовала, что он не предстанет перед судом: оказалось, у него не настолько устойчивая психика, чтобы перенести связанные с этим потрясения. Но все же он заперт и никому не причинит вреда, поэтому я смирилась.

* * *

Мы ехали к Итану мимо парка, и Льюис всю дорогу держал меня за руку. Я посмотрела на место, с которого меня похитил Клевер, и у меня в груди что-то сжалось. Вспомнив, как он впервые назвал меня Лилией и потащил к фургону, я похолодела. Я крепко зажмурилась. *Не думай об этом.*

– Ты не передумала? – спросил Льюис, сворачивая на подъездную дорожку к дому Итана.

– Нет. Идем. – Я не передумала, но все же нервничала перед встречей с друзьями. Следом за нами ехали Генри и Бекка. Она казалась счастливой.

Керри выбежала из дома и распахнула дверцу машины.

– Саммер! – Она по-медвежьи заключила меня в объятия. Я улыбнулась и обняла ее. Мне не хватало этих сокрушающих кости проявлений дружеской любви.

– Привет, – сказала я.

Она отодвинула меня на длину вытянутой руки и усмехнулась.

– Я так рада, что ты пришла. Не знала, придешь или нет. – С момента

моего освобождения мы с Керри говорили дважды, но эсэмэсками обменивались почти ежедневно.

– Еще несколько часов назад я не знала, приду ли. А Рейчел здесь?

– Да, она в доме. Ты же не сердишься на нее, правда?

– Нет. Ты же знаешь, что нет. – Почему люди не могут поверить, что единственный, на кого я зла, – это Клевер? Ни у кого не было тогда волшебного хрустального шара, никто не знал, что будет дальше.

– Идем. Холодно.

Я вошла в дом вслед за Керри. Льюис, как обычно, шагал за мной. Когда Итан, Бет, Рейчел и Джек посмотрели на меня, я затаила дыхание.

– Привет! – пробормотала я.

Итан поднял бутылку рома «Малибу»:

– Во рту, небось, уже пересохло?

Вот так я снова оказалась среди друзей.

* * *

– Как думаешь, сможем поговорить? – спросила я Рейчел. Мы уже полчаса сидели в гостиной, пили и ели вредную вкусную пищу, и я действительно хотела кое-что обсудить с Рейчел. Она мало говорила и старалась не смотреть мне в глаза.

– Давай, – ответила он. – Пойдем на кухню?

Мы пошли на кухню. Я, закусив губу, села за стойку.

– Саммер, я так виновата...

Я подняла руку.

– Рейчел, стой. Не надо извиняться. Ты ни в чем не виновата, так что, пожалуйста, не извиняйся. Я просто хочу, чтобы у нас были нормальные отношения. – Боже мой, я чувствовала себя попугаем, который без конца повторяет одно и то же.

У Рейчел раскрылся рот.

– Но как? После всего, что с тобой случилось, что он с тобой сделал... Если бы не я, ты бы никогда там не оказалась...

– Чересчур много «если». Это случилось, и виноват только он. Договорились? – Ее глаза наполнились слезами, у меня сжалось сердце. Отлично, мы сейчас обе заревем!

– Пожалуйста, не плачь, если ты заплачешь, я тоже не удержусь.

Рейчел утерла слезы.

– Не могу удержаться. Но ты-то в порядке?

И да, и нет.
– Буду в порядке.
– Общаешься с кем-нибудь по поводу того, что случилось?
– Сейчас нет, но вскоре начну.
Она кивнула.
– Мне кажется, это будет правильно.
– В глубине души я тоже так думаю, но хочется пожить еще немного, предаваясь отрицанию^[7].
– Отрицание сейчас в моде.
Я улыбнулась и наклонилась над стойкой.
– Ну, разобрались. Вернемся к остальным? – У Бекки был Генри, уединившись в своем мирке, они болтали друг с другом, но я не хотела надолго оставлять ее одну. Это и в моих, и в ее интересах.
– Конечно. У нас все хорошо, верно?
Я кивнула и соскользнула с табурета.
– Вполне, – ответила я и обняла Рейчел. Мы пошли обратно в гостиную.

Воскресенье, 10 апреля (настоящее время)

Спускаясь вниз, я услышала голос Льюиса. С момента моего освобождения он не отходит от меня ни на шаг, но вчера вечером я настояла, чтобы он остался у себя дома. Я уже большая девочка, и хоть не люблю спать одна, но *пришлось*. Все постепенно вставало на свои места. По крайней мере, так казалось со стороны. Со мной по-прежнему обходились очень деликатно, но теперь переносить это было не так тяжело. Уже можно было уединиться на минутку и спокойно пописать без того, чтобы меня начали искать.

Льюис сиял, глядя на меня, и от этого начинались перебои в сердце. Мое отношение к нему оставалось во многом прежним, но что-то поменялось. А именно – я. Я изменилась и уже больше не была девушкой, в которую он когда-то влюбился. Он говорил, ему это неважно. Он любил меня сейчас так же, как и прежде, и даже, по-видимому, сильнее. Мы старались, и пока за меня боролся он, боролась и я.

– Привет, – сказал он, обнял меня, уткнулся лицом мне в волосы и поцеловал сбоку в шею. Поцелуй был более страстный, чем обычно, и хоть Льюис говорил, что будет ждать, сколько потребуется, и даже проведет остаток жизни целомудренно – что было смешно, потому что какой же парень такое выдержит?! – я чувствовала себя виноватой за нежелание

быть с ним.

– Привет! Видишь? У меня получилось, – сказала я. Не понимаю, что, по его мнению, должно было случиться со мной ночью в его отсутствие. Я спала – и это главное.

Он наклонил голову набок, в глазах у него заплясали озорные огоньки.

– Рад это слышать. Так ты, значит, по мне не скучала?

– Скучала ли я по локтю, который тыкает меня в ребра, ты хочешь знать? Гм, нисколько.

– Спасибо. Весьма польщен, – саркастически ответил Льюис.

Я усмехнулась. Обычный для нас обмен репликами.

– Как бы то ни было, идем на улицу.

Он нахмурился.

– Хочешь подраться?

– Нет, идиот. Бар-бе-кю, – медленно проговорила я.

– В апреле?

Я пожала плечами.

– Тепло же, а у отца много вырезки. – Да и нужен ли повод для барбекю? После заточения в подвале мне нравилось быть на открытом воздухе. Сначала было не по себе: в глазах покалывало, и я чувствовала себя уязвимой, но теперь я не могла нарадоваться свободе, хоть и не хотела оставаться на улице одна.

– Резонно.

– Я сегодня говорила с Майклом.

Льюис замер и нахмурился.

– И что он сказал? Неужели что-то насчет этого говнюка?

Так Льюис называл Клевера, или Колина.

– Да, – прошептала я и продолжила, не обращая внимания на выражение лица Льюиса. – По-видимому, он поддается лечению.

– Гм, – произнес Льюис. – И ты этому веришь?

– Я верю, что так считают врачи. – Колин умен и вполне может вести себя как нормальный. У меня не было сомнений, что он сумеет навесить докторам лапшу на уши. Впрочем, это ему не поможет: его никогда не выпустят.

– Ты в порядке? Ты же знаешь: что бы ни случилось, ему никогда не удастся снова оказаться рядом с тобой, верно?

– Конечно, – солгала я.

Я улыбнулась и повернулась, собираясь выйти из дома. Льюис пошел за мной, крепко держа меня за руку, как будто не знал, сможет ли кто-нибудь помочь мне, если Клевер выйдет на свободу. Я не сомневалась: если

ему удастся бежать или его освободят, он захочет вернуть нас. Мы были членами его семьи, и всякий раз, похищая кого-нибудь, он доказывал, насколько далеко мог зайти, отстаивая ее интересы.

Впрочем, я не беспокоилась. Сейчас я собиралась жарить барбекю и наслаждаться теплой апрельской погодой с дорогими мне людьми.

По крайней мере, некоторое время мне не придется делать вид, что со мной все в порядке.

Слова признательности

Хотелось бы сказать огромное спасибо моим читателям за огромное количество ценных отзывов, поступавших ко мне с самого начала работы над «Подвалом». Благодарю команду «Ваттпэд» и особенно Симу, Иву и Аллена за все их усилия, без которых эта книга не была бы напечатана. Благодарю сотрудников издательства «Сорсбукс» за то, что они решили испытать судьбу и напечатали эту книгу. Отдельная благодарность – моему редактору Обри. Благодарю также моих друзей, оказывавших мне поддержку и иногда дававших мне пинка под зад во время работы над текстом, когда я задавалась вопросом, «не убить ли такого-то или такую-то?».

Об авторе

Наташа Престон родилась в Соединенном Королевстве, росла в небольших деревнях и городках. Любовь к сочинительству возникла у нее после знакомства с сайтом начинающих писателей. Она загрузила на сайт свой первый рассказ и больше назад не оглядывалась. Ей нравится писать любовные истории, триллеры, произведения о жизни без прикрас, рассчитанные на двадцатилетних. Посетите сайт по адресу www.natashapreston.com.

notes

Примечания

Ченнинг Татум – американский актер, продюсер, модель. Широко известен по роли звезды танцпола в молодежном романтическом фильме 2006 года «Шаг вперед» (*Step Up*). – *Прим. ред.*

«Жена путешественника во времени» – дебютный роман американской писательницы Одри Ниффенеггер, впервые изданный в 2003 году.

«Дневник памяти» (англ. *The Notebook*) – американская мелодрама 2004 года режиссера Ника Кассаветиса.

Тikka масала – блюдо индийской кухни, кусочки жареной курицы с карри в соусе на основе помидоров (*прим. ред.*)

Английские сдобные булочки с изюмом, цукатами и специями с белым символическим крестом на поверхности (*прим. ред.*).

Компьютерная игра.

Психологический термин, одна из стадий переживания горя.